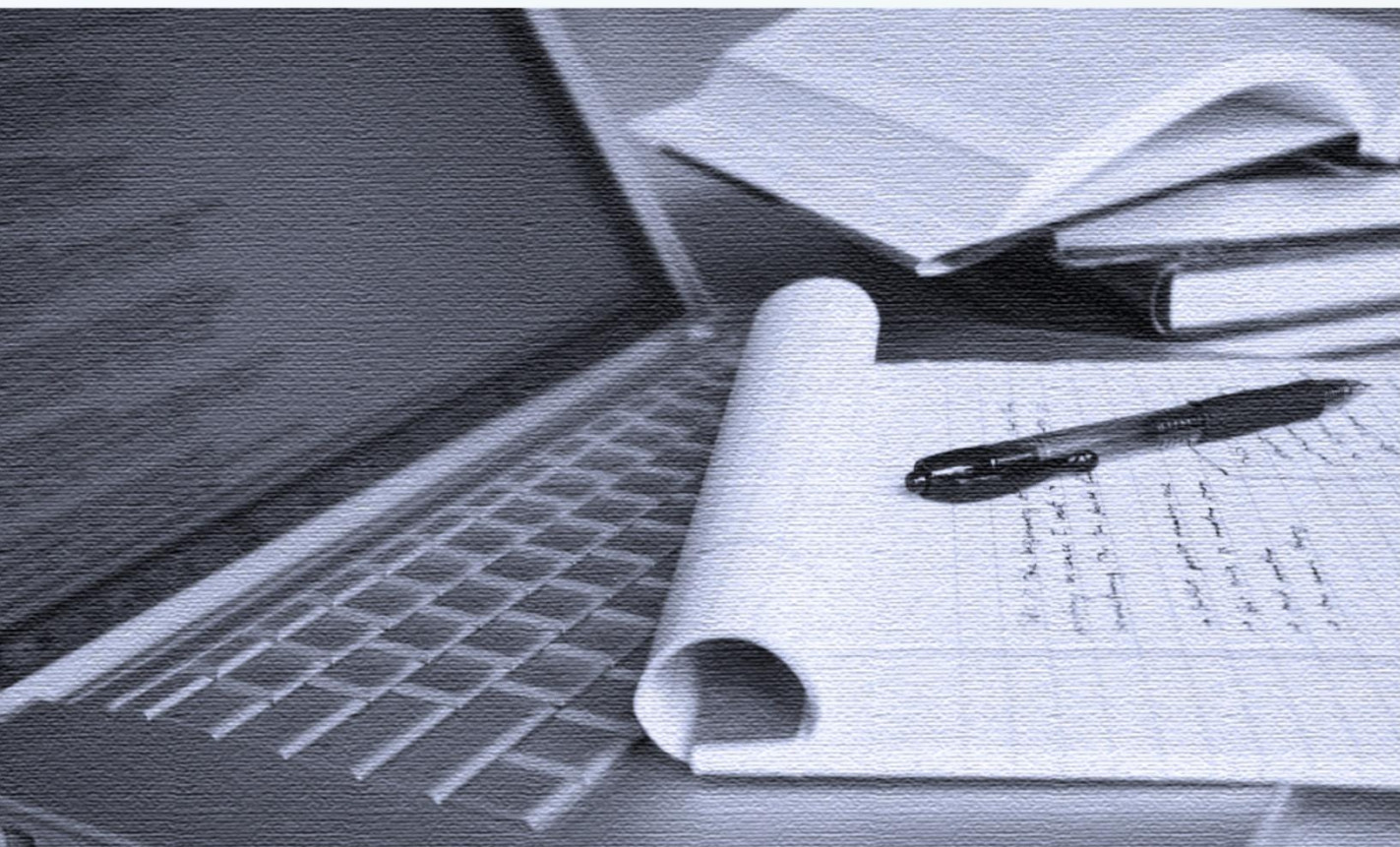

НИЖНЕВАРТОВСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

ISSN 2500-1795

№2 / 2017

НИЖНЕВАРТОВСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК № 2

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Карпов К., Ротова Л.Н. ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ В «РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ» А.Х. ВОСТОКОВА	3
Безруков А. Н. ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ РАННЕЙ ЛИРИКИ ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО	18
Бодрова Е. В. ЗНАЧЕНИЕ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО С ПОЗИЦИЙ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ	24
Еремина М. А. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ	31
Корнейчук Ю. В. ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ОНЛАЙН-ИГРЕ «ГОДВИЛЛЬ»	37
Култышева О. М., Кулашкина Р. А. СКАЗКОТЕРАПИЯ В РАБОТЕ СО ВЗРОСЛЫМИ (НА МАТЕРИАЛЕ «СКАЗОК ДЛЯ ДЕТЕЙ ИЗРЯДНОГО ВОЗРАСТА» М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА И «СКАЗОЧЕК НЕ СОВСЕМ ДЛЯ ДЕТЕЙ» Л.Н. АНДРЕЕВА)	41
Култышева О. М. УРБАНИЗМ И ПРОБЛЕМА ЦИВИЛИЗАЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ В. МАЯКОВСКОГО	47
Себелева А. В., Рымарева Е. Н. АД И РАЙ В ХРИСТИАНСТВЕ И МИФОЛОГИИ ХАНТЫ И МАНСИ	58
Шинкевич О.Н. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОРТРЕТ КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ ПСИХОЛОГИЗМА В РАННИХ ПОВЕСТЯХ А.И. КУПРИНА	63

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Никишина С. А. ПРИНЦИПЫ ПОДГОТОВКИ К ТЕКСТОВОЙ ЧАСТИ ОГЭ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ	68
Ращупкина О. С. ПРОДУКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ ФГОС ОСНОВНОГО ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ	73

РЕЦЕНЗИИ

Рянская Э. М. ДИАЛОГ КУЛЬТУР. КУЛЬТУРА ДИАЛОГА: ЧЕЛОВЕК И НОВЫЕ СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ ЦЕННОСТИ	86
--	----

Редакционная коллегия:

доктор филологических наук, доцент *О.М. Култышева (главный редактор)*;
доктор филологических наук, доцент *Э.М. Рянская*;
кандидат филологических наук, профессор *А.К. Карпов*;
кандидат педагогических наук, доцент *Л.И. Колесник*;
кандидат филологических наук, доцент *С.А. Никишина*;
кандидат филологических наук, доцент *А.В. Себелева*;
кандидат филологических наук, доцент *М.А. Степанова*

Учредитель: ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет»

Адрес редакции: Россия, 628605, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Нижневартовск, ул. Ленина, 56

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 14.12.2017
Формат 60×84 1/8. Гарнитура Times. Усл. печ. листов 11,25.
Заказ 1895

Отпечатано в Издательстве НВГУ
Россия, 628615, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра,
г. Нижневартовск, ул. Дзержинского, 11.
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nvsu.ru

ISSN 2500-1795

© Нижневартовский государственный университет, 2017

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ В «РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ» А.Х. ВОСТОКОВА

Аннотация. Проблема адекватного установления границ частей речи представляет интерес не только для теории языка, но и имеет непосредственный выход в практику написания грамматик нового типа и, соответственно, новых учебных пособий по русскому языку. Важные предпосылки для решения этой проблемы содержатся в работах многих известных зарубежных и отечественных лингвистов, в том числе и тех, кто занимался вопросами истории языка. В настоящее время появляются работы, в которых для решения данной проблемы предлагается когнитивный подход.

Целью настоящей работы является описание раздела «Имя прилагательное» в «Русской грамматике» А.Х. Востокова в сравнении со способом представления аналогичного материала в современных грамматиках русского языка. Современные тексты строятся примерно по одному и тому же плану: 1) имя прилагательное как часть речи; 2) лексико-грамматические группы имен прилагательных; 3) конкретные лексико-грамматические разряды; 4) грамматические разряды имен прилагательных; 5) образование краткой формы имен прилагательных; 6) образование степеней сравнения; 7) типы склонения имен прилагательных. Это обязательный набор пунктов, общий для всех современных грамматик. Наша задача – установить, как отвечает на эти вопросы А.Х. Востоков. В процессе описания выяснилось, что А.Х. Востоков опирается на античное противопоставление имени и глагола. Главной характеристикой имени является его способность к склонению, поэтому в состав прилагательных А.Х. Востоков включил качественные и притяжательные прилагательные, количественные и «порядочные» числительные, местоимения-прилагательные и причастия. Был установлен факт, что лексико-грамматические разряды слов, включенные А.Х. Востоковым в состав имени прилагательного, за исключением причастия, те же самые, что в современных академических грамматиках русского языка.

Ключевые слова: диахронические процессы; генезис; семантический принцип; формально-грамматический подход; лексико-грамматический разряд слов; гибридные слова; имя.

Сведения об авторах: Карпов Анатолий Карпович¹, кандидат филологических наук, профессор кафедры филологии и массовых коммуникаций Нижневартковского государственного университета, действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН), Международной педагогической академии (МПА); Ротова Людмила Николаевна², кандидат филологических наук.

Контактная информация: ^{1,2}628605, г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 56, каб. 320; тел.: 8(3466) 44-44-74; e-mail: ak.karpov@hmao.er.ru¹; e-mail: fisenko41@yandex.ru².

А. К. Karpov¹, L. N. Rotova²

ADJECTIVE IN «RUSSIAN GRAMMAR» BY A.H. VOSTOKOV

Abstract. The problem of an adequate establishment of the boundaries of parts of speech is of interest not only for the theory of language, but also has a direct way into the practice of writing grammars of a new type and, accordingly, new textbooks on the Russian language. Important prerequisites for solving this problem are contained in the works of many well-known foreign and domestic linguists, including those who dealt with the history of the language; now there are works in which a cognitive approach is proposed to solve this problem.

The paper attempts to compare the chapter «The Adjective» in «Russian Grammar» by A.H. Vostokov to how modern grammar guides describe similar material. Modern texts are organized in a more or less the same way: 1) adjective as a part of speech; 2) lexical and grammatical groups of adjectives; 3) lexical and grammatical classes; 4) grammatical classes of adjectives; 5) formation of short form of adjectives; 6) formation of comparative forms; 7) inclination of adjectives. This list represents compulsory parts of all modern grammar guides. Our objective is to find out how Vostokov V.H. addresses these issues. The research established that Vostokov V.H. uses antique con-
trast of the name and the verb. The main characteristic of the name is that it can be inclined. For this reason Vostokov V.H. includes qualitative adjectives, possessive pronouns, cardinal and ordinal numbers, pronoun-adjective and participles. It was established that lexical and grammatical word classes that Vostokov V.H. treats as adjectives (except for participle) are the same as the ones in modern academic grammar guides of the Russian language.

Key words: diachronic processes; genesis; semantic principle; formal grammatical approach; formal grammatical word class; hybrid words; name.

About the authors: Karpov Anatoly Karpovich¹, Candidate of Philological Sciences, Professor¹ of the Department of Philology of Mass Communications Nizhnevartovsk State University, member of Russian Academy of

Проблема адекватного установления границ частей речи представляет интерес не только для теории языка, но и имеет непосредственный выход в практику написания грамматик нового типа и, соответственно, новых учебных пособий по русскому языку. Важные предпосылки для решения этой проблемы содержатся в работах многих известных зарубежных и отечественных лингвистов, в том числе и тех, кто занимался вопросами истории языка. В настоящее время появляются работы, в которых для решения данной проблемы предлагается когнитивный подход. Однако сравнительно мало внимания уделяется истории развития отечественной грамматики, эта область исследований на данный момент пребывает в некотором забвении. Целью настоящей работы является усиленное устранение этого пробела посредством более или менее подробного описания одного из разделов «Русской грамматики» А.Х. Востокова, вышедшей в 1831 г.

Сначала мы предположили, что А.Х. Востоков, будучи известным специалистом в области истории русского языка и одним из основоположников сравнительно-исторического метода, был прекрасно осведомлен в закономерностях исторического генезиса частей речи, в той роли, которую в этом процессе играет «скрещивание», приводящее к появлению больших классов слов, сочетающих в себе свойства тех частей речи, которые участвовали в их производстве.

Исходя из этого предположения был избран объект анализа – имя прилагательное. Согласно данным истории языка, это сравнительно новая часть речи, поэтому процесс ее формирования хорошо отражен в литературных памятниках, хорошо описан в теоретических работах и отчетливо прослеживается в современном русском языке. В результате анализа раздела «Имя прилагательное» в «Русской грамматике» А.Х. Востокова мы надеялись получить обоснованные доказательства правомерности включения того или иного лексико-грамматического разряда слов в состав имени прилагательного.

Имя прилагательное – часть речи, границы которой в грамматиках русского языка определяются по-разному. Сложилось два основных подхода к решению этого вопроса. Первый подход, называемый традиционным и ориентированный на преподавание языка в школе, состоит в том, что выделяется три разряда прилагательных – качественные, относительные и притяжательные. Второй подход, академический, заключается в расширении границ прилагательного за счет включения в состав этой части речи порядковых числительных, нескольких разрядов местоимений и некоторых других слов. Иными словами, традиционные грамматики руководствуются, хотя и не полностью, семантическим принципом, в то время как академические – морфолого-синтаксическим. Есть различия между грамматиками и в выделении некоторых форм. Так, для традиционной грамматики характерно выделение трех степеней сравнения качественных прилагательных, в то время как академическая не считает наивысшую степень проявления качества грамматическим значением. Традиционным грамматикам свойственно рассмотрение словообразования имен прилагательных в составе раздела «Имя прилагательное»; академические грамматики выносят словообразование за рамки этого раздела и включают его в описание словообразования частей речи.

Однако надежда на то, что диахронические процессы, отражающие закономерности формирования частей речи, помогут в какой-то мере разрешить противоречие между традиционными и формальными грамматиками не оправдалась. Оказалось, что А.Х. Востоков создавал «Русскую грамматику», не затрагивая истории имени прилагательного как части речи. Если в его грамматике и есть обращения к диахронии, то они касаются только фонетических процессов, в словообразовании его интересовали только модификации основного значения без изменения части речи.

Другое предположение состояло в том, что А.Х. Востоков воспользовался схемой одной из европейских грамматик, применив ее для описания русского языка. Основным методом исследования мы избрали сопоставление: сравнивались последовательность изложения сведений о прилагательном в грамматиках современного русского языка и порядок описания прилагательных в грамматике А.Х. Востокова. Современные тексты строятся примерно по одному и тому же плану: 1) имя прилагательное как часть речи; 2) лексико-грамматические группы имен прилагательных; 3) конкретные лексико-грамматические разряды; 4) грамматические разряды имен прилагательных; 5) образование краткой формы имен прилагательных; 6) образование степеней сравнения; 7) типы склонения имен прилагательных. Это обязательный набор пунктов, общий для всех современных грамматик. Наша задача – установить, как отвечает на эти вопросы А.Х. Востоков. Итак:

1) имя прилагательное как часть речи.

В «Русской грамматике» имя прилагательное описывается во второй главе, сразу после имени существительного, и описание начинается с определения, в котором говорится¹:

«§ 50. Прилагательное имя есть разрядъ словъ, показывающій такие признаки предмета, кои суть:

I. Качество, то есть каковъ предметъ видомъ, цвѣтомъ, вкусомъ, дѣйствиємъ, и проч.

II. Относительность, то есть, кому или чему предметъ принадлежить; отъ кого или отъ чего происходитъ; изъ чего состоитъ.

III. Счетъ, то есть о сколькихъ предметахъ говорится, и о которомъ, изъ нѣсколькихъ предметовъ, говорится» (Востоков 1831: 52–53).

Это одна из первых попыток определения имени прилагательного в русской грамматике (М.В. Ломоносов определения не давал). А.Х. Востоков перечисляет семантические признаки, которые обозначаются именами прилагательными, но общности между этими признаками нет. Понятие относительности трактуется очень широко, т.е. имеет несколько иной смысл, чем в современной терминологии.

2) лексико-грамматические группы имен прилагательных.

Сразу после определения дается перечень классов слов, относимых к именам прилагательным: это 1) имена прилагательные качественные, 2) имена прилагательные притяжательные, 3) имена числительные, 4) несколько разрядов местоимений, 5) причастия. А.Х. Востоков пишет об этом так:

«§ 31. По сему прилагательное имя раздѣляется на

Качественное, показывающее качество,

Притяжательное, показывающее относительность,

Числительное, показывающее счетъ.

Къ именамъ прилагательнымъ причисляются также мѣстоименія *вопросительныя*, *указательныя* и *относительныя*, ... и *причастія*» (Востоков 1831: 53).

В состав прилагательных включаются все числительные, как счетные, так и порядковые. Имя прилагательное будто «поглощает» все имена, кроме субстантива, присоединяя еще и причастия. Судя по всему, А.Х. Востоков следует в данном случае, хотя и не совсем последовательно, классическому учению об именах: «Имя – общее название для изменяемых слов, которые склоняются, то есть обладают словоизменительными формами падежа, рода и числа, и, в отличие от глагола, не способны спрягаться, то есть не обладают грамматическими категориями лица, времени и наклонения. <...>. Грамматическое понятие имени, противопоставленного глаголу, идет от античных грамматик» (Русский язык 1979: 92–93).

Способность прилагательных склоняться вытекает из их синтаксической валентности, поскольку самой главной, исходной позицией прилагательного является его положе-

¹ Примеры даются в упрощенной орфографии.

ние в субстантивном словосочетании: оно находится перед существительным, являясь при этом зависимым словом. Образно говоря, позиция перед существительным является «кузницей» имен прилагательных, где прилагательное вполне оправдывает свое название: оно прилагается к существительному, согласуясь с ним в роде, числе и падеже.

Имена прилагательные в «Русской грамматике» связаны не столько семантически, сколько морфологически и синтаксически.

По сравнению с М.В. Ломоносовым, который рассматривал имена прилагательные как дискретную логико-семантическую группировку, считая, что они служат для обозначения качества предметов, А.Х. Востоков стремится подчеркнуть словоизменительные свойства слова, тем самым подходу к пониманию части речи как грамматического разряда.

3) притяжательные прилагательные.

В анализируемом нами разделе выделено пять лексико-грамматических разрядов слов (имена прилагательные качественные, притяжательные, числительные, местоимения и причастия), однако описаны только два разряда – притяжательные прилагательные и числительные. Так, § 35 полностью посвящен притяжательным прилагательным. Определение свидетельствует, что термином «притяжательные» А.Х. Востоков обозначает как относительные, так и собственно притяжательные прилагательные: «Имя притяжательное есть прилагательное производное, показывающее зависимость от предмета, первообразным словомъ выражаемого, или относительность къ таковому предмету» (Востоков 1831: 65). По окончаниям и по значению выделяется пять «отделений» притяжательных прилагательных. Для краткости изложения приведем только примеры каждого из типов.

I. *Ивань–Ивановъ, Левъ–Львовъ, Марко–Марковъ; Андрей–Андреевъ, учитель–учителевъ, Царь–Царевъ; Лука–Лукинъ, Никита–Никитинъ, дядя–дядинъ* и др.

II. *Баранъ–бараній, песь–песій, соболю–соболюй, медвѣдь–медвѣжій, рыба–рыбій, овца–овечій, бѣлуга–бѣлужій, муха–мушій, говядо–говяжій, телята–телячій* и пр. *Человѣкъ–человѣчій, пастухъ–пастушій, баба–бабій, вдова–вдовій, дѣвица–дѣвичій, ребята–ребячій; Богъ–божій, врагъ–вражій.*

III. *Богъ–божескій, человѣкъ–человѣческій, люди–людской, звѣрь–звѣрскій, городъ–городской, село–сельскій, Русь–Русскій, отецъ–отцовскій, дѣдъ–дѣдовскій, Кремль–Кремлевскій, Андрей–Андреевскій, козакъ–козацкій, Нѣмецъ–Нѣмецкій.*

IV. *Ястребъ–ястребиный, соколю–соколиный, пчела–пчелиный, утка–утиный, гусь–гусиный, козель–козлиный, орел–орлиный, звѣрь–звѣриный; бобръ–бобровый, кить–китовый, осетръ–осетровый.*

V. *Лѣто–лѣтній, зима–зимній, прежде–прежній, нынѣ –нынѣшній, всегда–всегдашній, завтра–завтрешний, теперь–теперешний, утро–утренній* и др. (Востоков 1831: 66–69).

Итак, в первой половине XIX в. относительные и притяжательные прилагательные еще не были полностью дифференцированы и обозначались одним термином – притяжательные.

В § 36 дается характеристика имен числительных, которые делятся на «количественные и порядочные» (Востоков 1831: 70–72).

4) грамматические разряды имен прилагательных.

В отличие от современных грамматик, которые делят имена прилагательные на склоняемые и несклоняемые, «Русская грамматика» не проводит такого разграничения. Однако это не значит, что грамматические разряды в ней не описываются. А.Х. Востоков пишет, что по характеру окончаний, выражающих род, число и падеж, имена прилагательные делятся на два склонения. «Къ первому склоненію принадлежатъ имена качественныя, притяжательныя и числительныя порядочныя; ко второму, имена количественныя» (Востоков 1831: 73).

5) образование краткой формы имен прилагательных.

Соотношение кратких и полных форм имен прилагательных описывается А.Х. Востоковым в § 32 («Двойное употребление прилагательного»). Он утверждает, что, если прилагательное сочетается с именем существительным непосредственно, то такое прилагательное следует считать склоняемым; если же прилагательное соединяется с существительным через посредство глагола-связки (это возможно только в предложении), то оно является спрягаемым. Такая сочетаемость свойственна качественным прилагательным и причастиям, поэтому те и другие имеют двойные окончания: 1) склоняемые *ый, ий, ой* (*бѣлый, синий, добрый, злой, ведомый, веденный*); 2) спрягаемые *ъ, ь* (*бѣлъ, синь, добръ, золь, ведомъ, ведень*)². Прочие виды имени прилагательного имеют только по одному окончанию: *ый, ий, ой* или *ъ, ь, й* (Востоков 1831: 53). Три качественных прилагательных имеют по одному окончанию: *большой* (только склоняемое окончание *ой*), *радъ, гораздъ* (только спрягаемые окончания, только краткая форма) (Востоков 1831: 54).

Современному читателю обозначение кратких прилагательных как «спрягаемых» может показаться непривычным, поскольку способность к спряжению обычно ассоциируется с глаголом. Объяснение существования спрягаемых форм можно найти в работах В.В. Виноградова, который пишет о семантическом и стилистическом отрыве кратких прилагательных от полных и отмечает склонность кратких форм к объединению в особую категорию. Это обусловлено своеобразиями их грамматической природы. Краткие прилагательные не склоняются и имеют формы времени (в составе сказуемого). «Таким образом, морфологические и синтаксические признаки категории прилагательного в кратких формах находятся в полуразрушенном состоянии. Не изменяясь по падежам, краткие прилагательные не могут определять другие формы существительных, кроме формы именительного падежа. Формы времени кладут резкую грань между ними и полными прилагательными, употребленными в той же функции» (Виноградов 1972: 216). Хотя во времена А.Х. Востокова краткие прилагательные еще склонялись. Видимо, наиболее существенным для А.Х. Востокова было то обстоятельство, что краткие прилагательные входили в состав предикативной основы, которая, как известно, выражает время.

Одни современные авторы считают, что краткие прилагательные производны от полных, например: «Краткая форма образуется от многих качественных прилагательных путем прибавления к основе прилагательного особых окончаний – *-Ø* (м.р.), *-а / -я* (ж.р.), *-о / -е* (ср.р.), *-ы / -и* (мн.ч.): *веселый – весел, весела, весело, веселы; синий – синь, синя, сине, сини*» (Современный русский литературный язык 2004: 217). Другие заявляют: «Качественные прилагательные имеют два ряда форм – полные (атрибутивные) и краткие (предикативные): *темный, темная, темное, темные* и *темен, темна, темно, темны* (Краткая русская грамматика 1989: § 217).

В § 33 («Вставка и замѣна буквѣ въ спрягаемомъ окончаніи») А.Х. Востоков обращает внимание на чередования гласных основы с нулем звука, т.е. описывает так называемые беглые гласные. Он пишет: «При перемѣнѣ окончанія склоняемаго въ окончаніе спрягаемое, имена качественныя принимаютъ вставку *е* или *о*, ...и заменяют гласною *е* полугласныя *ь, й*. Напр. *краткій, кратокъ; свѣтлый, свѣтель; горькій, горекъ; спокойный, спокоень*» (Востоков 1831: 54). Однако есть и исключения: *достойный*, но *достоинъ*.

Краткие и полные прилагательные отличаются друг от друга не только окончаниями, морфологически, но и фонетическим составом основ. А.Х. Востоков приводит большое количество примеров на вставные гласные в спрягаемых формах: *ловокъ, робокъ,*

² А.Х. Востоков делает оговорку, что спрягаемые прилагательные не следует смешивать с усеченными, которые обычно употребляются стихотворцами: *бѣлъ горючь камень, часть ракувань кустъ*. По мнению В.В. Виноградова, «Востоков очень упрощает и схематизирует отношения между спрягаемыми и усеченными прилагательными» (Виноградов 1972: 217). Это подтверждается и многочисленными исследованиями словоупотреблений, которые, однако, появились уже после написания «Русской грамматики».

крѣпокъ, ломокъ, тонокъ, жалокъ, марокъ, сладокъ, метокъ, низокъ, трясокъ, мягокъ; рѣзовъ (рѣзвѣй), золь (злой), полонъ (полный), дологъ (долгий); силенъ (сильный); тепель (теплый), свѣтель (свѣтлый), кисель (кислый), остерь (острый), хитерь (хитрый); тяжекъ (тяжкій), горекъ (горькій), боекъ (бойкій) (Востоков 1831: 54).

Будучи выдающимся представителем сравнительно-исторического метода и одним из его создателей, А.Х. Востоков был прекрасно осведомлен в том, что спрягаемые (краткие) прилагательные появились прежде полных (членных, местоименных), что полные прилагательные возникли из кратких путем присоединения к ним указательных местоимений. Тем не менее, в «Русской грамматике» он рассматривает оба вида как вполне самостоятельные формы. И только при описании беглых гласных пишет о «перемене окончания склоняемого в окончание спрягаемое», то есть становится на точку зрения, что краткие произошли от полных, а не наоборот.

б) образование степеней сравнения.

§ 34 «Русской грамматики» посвящен описанию различных средств выражения интенсивности признака, в том числе и образованию степеней сравнения. Этот вопрос освещается автором вполне основательно, однако схема изложения материала специфична: А.Х. Востоков ориентируется то на семантику слов, то на формообразование и формоизменение; способы материализации значений рассматривает недифференцированно, не делая различий между словообразованием и морфологией. Вследствие этого текст выстраивается не по строго морфологическим показателям, а скорее по семантике качественных прилагательных. Параграф состоит из краткого введения и шести небольших разделов.

Во введении, которое называется «Перемѣны окончаній въ именахъ качественныхъ по степенямъ и представлѣнїямъ качествъ», подчеркивается роль «окончаний»³, приставок и других средств выражения интенсивности проявления качества, причем все эти средства характеризуются как временные, непостоянные. «Качество можетъ являться слабѣе или сильнѣе обыкновенного, и можетъ существовать в одномъ предметѣ болѣе, нежели въ другомъ и нежели во всѣхъ другихъ: что и выражается въ именахъ качественныхъ особыми временными перемѣнами окончаній, приставками и приложенїями словъ» (Востоков 1831: 55). Для сравнения: в Краткой русской грамматике (1989) говорится о словах данной части речи, которые «представляют собой непосредственные наименования признаков, способных проявляться с разной степенью интенсивности» (Краткая русская грамматика 1989: § 217). А в одном из учебных пособий пишется: «Для качественных прилагательных характерна словоизменительная категория степеней сравнения, образуемая формами положительной, сравнительной и превосходной степеней (сравнительная степень часто называется компаративом, а превосходная – суперлативом)» (Современный русский литературный язык 2004: 219).

Пункт I («Степень положительная») у А.Х. Востокова прописан так: «Обыкновенное представлѣнїе качества, называемое степенью положительного, выражается обыкновенными окончанїями, склоняемымъ и спрягаемымъ. Напр. *бѣлый, синій, теплый, сухой, бѣль, синь, тепель, сухъ*» (Востоков 1831: 55). В первую очередь его интересуют окончания, которые служат средством выражения степени положительного как у склоняемых, так и у спрягаемых прилагательных. Опять же, сравнивая, можно отметить, что в грамматических работах более позднего времени положительная степень считается исходной, начальной формой. Так, В.В. Виноградов пишет: «Форма положительной степени непосредственно и безотносительно характеризует предмет» (Виноградов 1972: 199), а П.А. Лекант отмечает: «Положительная степень сама по себе не выражает сравнение, но она очень важна для категории степеней сравнения, так как только при сравнении с положительной степенью реализуется грамматическое значение сравнительной и превосход-

³ Термин «окончание» имеет значение «концовка слова», «окончание» может включать суффикс(ы).

ной степеней» (Современный русский литературный язык 2004: 218). Уделяя внимание окончаниям и приставкам, А.Х. Востоков проявляет себя как сторонник активной грамматики, которую интересуют разнообразные языковые средства и способы выражения какого-то одного значения.

Следующие пункты подтверждают сделанное предположение: в них описываются способы выражения степеней качества – уменьшительного, смягчительного и «усиливательного».

Пункт II («Окончание уменьшительное») представляет собой описание способа образования имен прилагательных, выражающих неполноту проявления признака. В терминологии современного словообразования речь идет о суффиксах -оват-/-еват-, включаемых А.Х. Востоковым в концовку производного слова, в «окончание»: «Качество, представленное слабѣе обыкновеннаго, выражается окончаніями уменьшительными, склоняемымъ *оватый – еватый*, спрягаемымъ *оватъ – еватъ*, напр. *бѣловатый, синеватый, тепловатый, суховатый; бѣловатъ, синеватъ, тепловатъ, суховатъ*» (Востоков 1831: 55).

Пункт III («Смягчительное») посвящен производным прилагательным с уменьшительно-ласкательным значением. Способность к образованию таких слов является характерным признаком качественных прилагательных, хотя в данном случае имеет место словообразовательный процесс, а суффиксы выражают не столько интенсивность проявления качества, сколько эмоционально-оценочные значения: «К смягченію и к уменьшенію важности обыкновеннаго представленія служатъ окончанія смягчительныя, склоняемое *енькой, онькой*, спрягаемое *енекъ, онекъ*. Напр. *бѣленькой, синенькой, тепленькой, сухонькой, бѣленекъ, синенекъ, тепленекъ, сухонекъ*» (Востоков 1831: 55).

В пункте IV («Приставка и окончание усиливательныя») описываются увеличительные значения: «Качество, представленное сильнѣе обыкновеннаго, выражается въ склоняемомъ окончаніи усиливательною приставкою *пре*. Напр. *пребѣлый, пресухой*; в спрягаемомъ, усиливательнымъ окончаніемъ *ехонекъ, ешенекъ, охонекъ, ошенекъ*. Напр, *бѣлѣхонекъ* или *бѣлѣшенекъ, сухохонекъ* или *сухошенекъ*» (Востоков 1831: 55–56).

По современным представлениям, способы выражения степеней качества относятся к области словообразования. Как и степени сравнения, они тоже указывают на интенсивность проявления признака, однако никакого объективного сравнения предметов по этому признаку обычно не предполагается. Далее А.Х. Востоков вновь возвращается к морфологии и рассматривает вопрос о сравнительной и превосходной степенях. В современных грамматиках этот вопрос обычно занимает значительное место. Выделяются простая и составная степени сравнения, простая и составная превосходная степень, анализируются семантико-стилистические особенности форм сравнения. А.Х. Востоков посвящает формам степеней сравнения всего два небольших пункта.

Пункт V («Степень сравнительная»): «Представленіе въ одномъ предметѣ большей мѣры качества, нежели въ другомъ, называется *сравнительною степенью*, коей окончанія суть: склоняемое, *ѣйшій, айшій, шій*, спрягаемое *ѣе, е*; напр. *бѣлѣйшій, легчайшій, худшій, бѣлѣе, легче, хуже*» (Востоков 1831: 56). В этом пункте речь идет о простой форме сравнительной степени, склоняемая форма которой образуется с помощью прибавления к основе концовок (суффикс+окончание) *-ейш-ий, -айш-ий, -ш-ий*, а спрягаемая – с помощью *-ѣе, -е*.⁴

Интересный результат дает сравнение содержания и оформления V пункта, написанного А.Х. Востоковым, и современного текста на ту же тему: «**Синтетическая (простая) форма** сравнительной степени образуется путем прибавления к основе прилагательного формообразующих суффиксов *-е-/-ей-, -е, -ше /-же*: *сильный – сильнее* (разг. *сильней*),

⁴ Следует сказать, что основная информация о простой сравнительной степени содержится в приложении к основному разделу, в другом месте. И только одно предложение там посвящено составной сравнительной степени.

милый – милее, громкий – громче, дорогой – дороже, сухой – суше (с чередованием согласных в основе), *старый – старше, глубокий – глубже*. Если на конце основы есть суффикс *-к-* или *-ок-*, то он часто усекается: *близкий – ближе, широкий – шире, далекий – дальше*. От прилагательных *хороший, плохой, малый* образуются супплетивные формы компаратива: *лучше, хуже, меньше*» (Современный русский литературный язык 2004: 219).

Сравнивая тексты, можно сделать два наблюдения. Первое: формы сравнительной степени на *ейший, айший, ший* (*белейший, легчайший, худший*) воспринимаются в настоящее время как превосходная степень. Второе: современный грамматический текст достиг высокого совершенства, ему свойственны научная целостность, полнота, компактность, точность иллюстративного материала. Обычно вся информация сосредоточена в одном месте.

В пункте VI («Степень превосходная») дается определение превосходной степени: «Представленіе же въ одномъ предмете большей, нежели во всехъ другіхъ, меры качества, называется *степенью превосходною*» (Востоков 1831: 56). При этом пункт VI делится на три части. Первая часть называется «Склоняемое окончаніе оной», в ней говорится о том, что в русском языке только пять прилагательных имели особое склоняемое окончание для превосходной степени:

	в положит. степени	в сравнит. степени	в превосх. степени
1	<i>Великій</i>	<i>бóльшій</i>	<i>величайшій</i>
2	<i>Высокій</i>	<i>вы́сшій</i>	<i>высочайшій</i>
3	<i>Малый</i>	<i>мѣньшій</i>	<i>малѣйшій</i>
4	<i>Низкій</i>	<i>нѣзшій</i>	<i>нижайшій</i>
5	<i>Старый</i>	<i>старшій</i>	<i>старѣйшій</i>

Получается, что во времена А.Х. Востокова только пять прилагательных могли иметь простую форму превосходной степени и склоняться. «Русская грамматика» фиксирует этот утраченный языковой факт.

2-я часть начинается с утверждения: «Во всѣхъ прочіхъ прилагательныхъ качественныхъ превосходная степень выражается:

а) Либо склоняемымъ окончаніемъ сравнительной степени, когда при ономъ подразумеваются слова: *изъ всѣхъ*; напр. *легчайшій, лучшій* (изъ всѣхъ); также когда прилагательное съ симъ окончаніемъ снабжено приставкою *наи*, напр. *наилегчайшій, наилучшій*.

б) Либо склоняемымъ окончаніемъ положительной степени съ приложеніемъ слова *самый*. Напр. *самый легкій*.

В 3-й части под заголовком «Спрягаемое окончаніе» говорится: «Спрягаемое окончаніе превосходной степени составляется приложеніемъ слова *всехъ* к спрягаемому окончанію сравнительной степени. Напр. *всѣхъ легче, всѣхъ лучше*» (Востоков 1831: 56–57).

Чаще всего в состав формы превосходной степени входит простая форма сравнительной, склоняемая либо спрягаемая: *лучшій изъ всехъ, наилучшій, лучше всехъ*. Только в одном случае используется форма положительной степени: *самый лучшій*. Три способа выражения носят аналитический характер: *самый лучшій, лучшій изъ всехъ, лучше всехъ*, одна форма относится к словообразовательной степени качества: *наилучшій*.

Для сравнения. В школьной грамматике составная форма превосходной степени подается как сочетание слов *самый, наиболее* и начальной (исходной) формы прилагательного: *самый справедливый, наиболее строгий* (Баранов и др. 2001: 114). Краткая русская грамматика (1989) признает только положительную и сравнительную степени: «Категория степени сравнения принадлежит качественным прилагательным и образуется двумя рядами парадигматически противопоставленных друг другу форм со значениями положительной и сравнительной степени. Форма положительной степени обозначает признак в

отвлечении от степени его проявления. Форма сравнительной степени, или компаратив, обозначает, что названный ею качественный признак проявляется в большей степени, чем тот же признак, названный формой положительной степени: *веселый – веселее, сильный – сильнее, тихий – тише, сладкий – слаще, твердый – тверже*» (Краткая русская грамматика 1989: § 223). КРГ называет и традиционное выделение трех степеней сравнения, признавая правомерность его существования, но придерживается собственной точки зрения.

Итак, «Русская грамматика» показывает зарождение простой (синтетической) формы превосходной степени, которой во времена А.Х. Востокова могли обладать только пять прилагательных. В грамматике еще нет деления степеней сравнения на синтетические и аналитические, поэтому изложение материала менее полно и менее систематично, однако в целом оно мало чем отличается от современного.

Далее А.Х. Востоков помещает «*Прибавленія къ § 34-му*» (Востоков 1831: 57). «Прибавления» состоят из двух основных разделов. I раздел называется «Прилагательныя лишенныя степеней или окончаний по онымъ», он состоит из небольшого введения и четырех пунктов.

Во введении А.Х. Востоков отмечает: «Не всѣ качественныя способны къ принятію всѣхъ вышеисчисленныхъ степеней и перемѣнъ въ окончаніяхъ» (Востоков 1831: 57). Первый и второй пункты посвящены сочетаемости концовки *-оватый, -еватый*. Автор рассматривает производящие основы, с которыми эта концовка, придающая прилагательным «умалительное» значение, а) сочетается, б) не сочетается.

1. а) Производящие основы, с которыми концовки *-оватый, -еватый* сочетаются, характеризуются следующим образом: «Окончаніе уменьшительное *оватый, еватый*, принадлежит собственно только тѣмъ качественнымъ, которыя означаютъ *цвѣтъ, оцупь, вкусъ, мѣру и видъ, весъ, недостатки*, физическіе и нравственныя» (Востоков 1831: 57). Это явление может быть представлено в виде следующей таблицы:

Цвѣтъ	бѣл- черн- свѣтл- темн- син- рыж-	-оватый / -еватый
Оцупь	крѣпк- мягк- жидк- густ- тепл- холодн- сыр- сух-	
Вкусъ	сладк- горьк- кисл- солон- прѣсн- остр-	
Мѣра и видъ	велик- мал- широк- тѣсн- узк- длин- крупн- мелк- кругл- плоск-	
Вѣсъ	легк- тяжел-	
Недостатки	бѣдн- глуп- глух- дик- кос- плох- прост- пуст- ряб- скуп- слѣп- трудн-	

б) Производящие основы, с которыми концовки *-оватый, -еватый* не сочетаются, обозначают «совершенства физическія или нравственныя, и способность къ какому либо дѣйствию. <...> Напр. нельзя сказать *добр-оватый, умн-оватый, ломк-оватый, звонк-оватый*» (Востоков 1831: 57–58).

2. Этого окончания не принимают и другие качественнее прилагательные на *кий* с предшествующим согласным: *ломкій, звонкій, скользкій, тряскій*⁵.

В 3-м пункте говорится, что окончаний усилительного значения на *-ехонекъ, -ешенекъ* лишены качественные производные, указывающие на наличие у предмета каких-либо частей или свойств и оканчивающиеся на *-авый, -атый, -астый, -оватый, -ивый, -итый, -истый, -овитый, -ный, -кий* и проч.: напр. *моложавый, крылатый, зубастый, угловатый, ленивый, сердитый, душистый, плодовитый, противный, падкий* и проч.

Но как склоняемые, так и спрягаемые, могут принимать усилительную приставку *пре*: *премоложавый, преленивый, пресердитый, премоложавъ, преленивъ, пресердитъ*.

⁵ «С уменьшительным окончанием *-оватый, -еватый* не должно смешивать подобнаго окончания положительной степени, принадлежащего качественным, производным от существительных. Напр. *узл-оватый* (имеющий узлы), *угр-еватый* (имеющий угри), *ноздр-еватый* (имеющий скважины), *мешк-оватый* (похожий на мешок), *вин-оватый* (впадный в вино)» (Востоков 1831: 58).

Окончания смягчительные и усилительные свойственны просторечию, где они выражают несколько другие значения, из области словообразовательных степеней качества. Например, *белехонекъ* означает *совсемъ белъ*. В важной речи, по выражению А.Х. Востокова, говорится *совсем (совершенно, весьма, очень) белъ*⁶.

4-й пункт посвящен именам прилагательным, в силу особенностей своей семантики не способных к образованию степеней сравнения. «Некоторые прилагательные качественные не имѣють степеней сравнительной и превосходной, ибо служатъ къ выражению такихъ качествъ, въ коихъ не можетъ существовать большая или меньшая мѣра. Таковы суть: *женатый, холостой, вдовый, бездѣтный, босой, пѣшій, безрукій, безногий, четвероногий, двуглавый, одинакій, двоякій*, и тому подобныя» (Востоков 1831: 59).

II раздел «Приложенія» называется «Произведеніе окончаній по степенямъ качествъ»; он состоит из краткого введения и 13 пунктов. Во введении читаем: «Образование от положительной степени слов со значением неполноты признака и увеличительности, а также форм сравнительной степени сопровождается переменами в окончаниях, облегчающими произношение». (В оригинале: «Произведеніе отъ положительной степени представленій смягчительнаго и усиливательнаго и степени сравнительной сопровождается звукооблегчительными переменными окончаній <...>»).

Пункт 1 второго раздела озаглавлен «Переменны въ окончаніяхъ смягчительномъ и усиливательномъ» в нем говорится, что в окончаниях смягчительном (выражающем неполноту проявления признака) и усилительном вместо *e* появляется *o* (*онекъ, охонекъ* вместо *енекъ, ехонекъ*) после *г, к, х*, напр.: *долгонькій, долгонекъ, долгохонекъ, высоконькій, высоконекъ, высокохонекъ, сухонькій, сухонекъ, сухохонекъ*. Но в склоняемом смягчительном вместо *-онькій* употребляется также *-инькой*, напр. *тугинькой, дикинькой, тихинькой* (Востоков 1831: 60).

В пункте 2 сообщается, что слова со значением увеличительности, заканчивающиеся на *-ехонекъ* или *-охонекъ*, могут также оканчиваться на *-ешенекъ* или *-ошенекъ*, напр. *белехонекъ* и *белешенекъ, синехонекъ* и *синешенекъ, сухохонекъ* и *сухошенекъ*. Исключения составляют только те слова, которые имеют перед этими окончаниями согласные *з, с, ж, ч, ш*. То есть не говорится: *косешенекъ, сизешенекъ, свѣжешенекъ, горячешенекъ, хорошешенекъ*. Правильно будет сказать *косехонекъ, сизехонекъ, свѣжехонекъ, горячехонекъ, хорошехонекъ* или *хорошохонекъ* (Востоков 1831: 60).

Содержание пункта 3 таково: если прилагательное в положительной степени оканчивается на *-кій* с предшествующими корневыми согласными *н, д, т, з, с, г*, то перед концовками смягчительной и усилительной приставное (т.е. суффиксальное) *к* выпадает, а концовки присоединяются непосредственно к корневой согласной, напр.: *Тонкій, тоненькой, тоненекъ, тонехонекъ. Гладкій, гладенькой, гладенекъ, гладехонекъ. Короткій, коротенькой, коротенекъ, коротехонекъ. Низкій, низенькой, низенекъ, низехонекъ. Легкій, легонькій, легонекъ, легохонекъ* (Востоков 1831: 60–61). Исключения: *Кръпкій* имеет форму *крѣпкинъкой* и *крѣпонькій, крѣпконекъ* и *крѣпонекъ, крѣпкохонекъ. Мѣлкій, мѣлконькій* и *мѣленкой, мѣлконекъ* и *мѣленекъ, мѣлкохонекъ* и *мѣлехонекъ»* (Востоков 1831: 61).

В конце данного пункта А.Х. Востоков помещает таблицу, из которой следует, что прилагательные *шибкій, жалкій, горькій, плоскій* присоединяют концовки: *кинъкой, конекъ, кохонекъ*.

⁶ Характерный прием А.Х. Востокова – демонстрация неправильных слов, сопровождаемая оговоркой «нельзя сказать». В данном случае, когда речь идет об усилительных и смягчительных концовках, приводятся слова: *небеловатый, небеловатъ, небеленькой, небеленекъ, небелехонекъ, невеликонекъ, немногонько*. Это значит, что при наличии данных концовок отрицательная форма невозможна. И снова «нельзя сказать»: *беловатее, трудноватее, беловатейший, трудноватейший, или пребелейший, претруднейший»* (Востоков 1831: 59–60). Это означает, что нельзя нагромождать в одном слове несколько разноуровневых морфем.

Следующие 10 пунктов (4–13) посвящены сравнительной степени, которая уже описывалась выше, но автор решил дополнить сказанное новыми наблюдениями.

Пункт 4 имеет название «Перемѣны въ окончаніяхъ сравнительной степени»; в нем сообщается, что склоняемое окончание сравнительной степени существует в двух вариантах: *-ѣйшій* и *-шій*. Выбор варианта зависит от согласного корня.

В пункте 5 говорится, что прилагательные, имеющие в сравнительной степени склоняемое окончание *-ѣйшій*, имеют спрягаемое окончание *-ѣе*. Исключения составляют формы со спрягаемым окончанием *е*, перед которым происходит вставка и замена согласных:

	склоняемые	спрягаемые	примечание
<i>Дешевый</i>	<i>дешевѣйшій</i>	дешевле	
<i>Красный</i>	<i>краснѣйшій</i>	краше	о красоте
<i>Твердый</i>	<i>твердѣйшій</i>	тверже	
<i>Богатый</i>	<i>богатѣйшій</i>	богаче	
<i>Крутой</i>	<i>крупнѣйшій</i>	круче	
<i>Густой</i>	<i>густѣйшій</i>	гуще	

Слова *простой, толстый, частый, чистый* изменяются таким же образом, но *простой* имеет также форму *простѣе*. Слово *старый* имеет две формы: *старѣе* и *старше*» (Востоков 1831: 62).

Судя по многочисленным примерам, многие склоняемые формы сравнительной степени в современном русском языке приобрели значение превосходной степени. Теперь существует только одна форма простой сравнительной степени – неизменяемая (компаратив). Утрата склоняемых форм сравнительной степени – одно из существенных изменений в истории формообразования русского прилагательного.

В пункте 6 сообщается, что прилагательные, заканчивающиеся на *-зый, -сый, -жій, -чій, -щій*, не имеют склоняемого окончания сравнительной степени, но имеют спрягаемое на *-ѣе*: *сизый–сизѣе, лысый–лысѣе, свѣжій–свѣжѣе, горячій–горячѣе, знающій–знающѣе*.

Пункт 7 касается прилагательных на *-гий, -кий, -хий*, которые приобретают в склоняемой форме сравнительной степени концовки *-жайшій, -чайшій, -шайшій*. В спрягаемой форме они оканчиваются на *-же, -че, -ше*: *строгий, строжайшій, строжше; крепкий, крепчайшій, крепче; ветхий, ветжайшій, ветше*. Однако большая часть прилагательных такого типа не имеют склоняемого окончания сравнительной степени. Есть и такие прилагательные, которые в спрягаемой сравнительной степени оканчиваются не на *-че*, а на *-чѣе*: *дикий–дичѣе, бойкий–бойчѣе, жалкий–жалче и жалчѣе, звонкий–звонче и звончѣе, ловкий–ловче и ловчѣе*.

Из пункта 8 читатель узнает, что прилагательные, оканчивающиеся на *-кій* с предшествующим согласным, а также прилагательные на *-окій*, в окончаниях сравнительной степени отбрасывают согласный *к* и сочетание *ок*, что приводит к значительным изменениям концовок («окончаний»). Эти наблюдения А.Х. Востокова обобщены в таблице:

Кончающиеся на	Положительная степень	Сравнительная склоняемая	Сравнительная спрягаемая
-дкій	рѣдкий сладкий	рѣдчайшій сладчайшій	рѣже слаще
-ткій	краткий и короткий кроткий	кратчайшій кротчайшій	короче кроче
-зкій	близкий низкий узкий	ближайшій низшій -----	ближе ниже уже

-окій	широкий высокий глубокий	ширший высший глубочайший	шире выше глубже
-бкій	слабкий	-----	слабже
-нкій	тонкий	тончайший	тоньше
-лгій	долгій	должайший	дольше
-екій	далекій	дальнйший	дальше
-жкій	тяжкій	тягчайший	тягчае
-кій	горькій	горчайший горший	горче горше

Таблица вновь показывает, что во времена А.Х. Востокова существовала склоняемая форма сравнительной степени, ныне ставшая простой превосходной, или, согласно другой точке зрения, особым словообразовательным типом. Можно наблюдать также исчезновение некоторых форм – *ширший, кроче, слабже, тягчае*.

В 9-м пункте приводятся примеры образования форм сравнительной степени от слов: *худой–худший* и *худший–хуже*; *молодой–младший–моложе*.

В пункте 10-м освещается вопрос о супплетивном образовании форм простой сравнительной степени. Приводятся известные примеры: *великий–большый–больше*; *малый–меньший–меньше*; *хороший–лучший–лучше*. «От сравнительной степени *большый, меньший* производятся, с переменою ударения, прилагательныя *большой, меньшей*, которыя, когда говорится о малолетних детях, принимают и смягчительное окончание *большенькой, меньшенькой*. *Большой* употребляется сверх того вместо положительной степени *великий*» (Востоков 1831: 64).

Пункт 11 озаглавлен «Различіе прилагательных отъ нарѣчій сравнительной степени особыми окончаніями». В нем говорится, что прилагательныя *дольше, дальше, тоньше, больше, меньше* не следует смешивать с наречіями в сравнительной степени *долѣе, далѣе, тонѣе, болѣе, менѣе*. Прочіе прилагательныя в спрягаемой сравнительной степени имеют одинаковыя формы с наречіями, которыя от них произведены (Востоков 1831: 64–65).

В пункте 12 сравниваются примеры *этотъ холстъ побелее, потоньше, получше*; *нанять домъ побольше, попросторнее*; *этотъ холстъ белее, тоньше, лучше того*; *вашъ домъ больше, просторнее нашего*. В выражениях *этотъ холстъ побелее, потоньше, получше того*; *вашъ домъ побольше, попросторнее нашего* «по- есть приставка усиливательная, означающая то же, что несколько или немного» (Востоков 1831: 65).

До сих пор автор вел речь о простой форме сравнительной степени, и только в последнем, 13-м пункте, появляется форма составной сравнительной степени. Эта форма имеет два варианта – со склоняемой формой основного слова и со спрягаемой. Последняя в основном осталась в истории языка: «У прилагательных, не имеющих склоняемого или спрягаемого окончания сравнительной степени, может недостаток сей быть заменен приложением наречія *более* к положительной их степени, напр. *более узкий, более широкий, более рад, более горазд*» (Востоков 1831: 65).

7) типы склонения имен прилагательных.

Склонению имен прилагательных посвящены параграфы 37–45. § 37 называется «Перемѣна окончаній въ именахъ прилагательныхъ по родамъ, числамъ и падежамъ». А.Х. Востоков пишет: «Имена прилагательныя перемѣняютъ окончанія свои по родамъ, числамъ и падежамъ, согласно съ существительными, къ которымъ приложены» (Востоков 1831: 72). Исключения составляют спрягаемое окончание сравнительной степени (*холстъ / холсты бѣлѣе*) и количественныя имена, кроме *одинъ, два, сорокъ, тысяча, миллионъ*.

В § 38 «Окончания родовъ въ I-мъ склонении прилагательныхъ числа единственнаго» приводится следующая таблица окончаний:

Муж. р.	-ъ, -ь	-ый, -ой, -гій, -кій, -хій,	-жій, -чій, -шій, -щій, -ій,	-ій
Женск. р.	-а, -я	-ая	-ая	-яя, -ія, -ья
Сред. р.	-о, -е	-ое	-ее	-ее, -іе, -ье

Окончание *ой* появляется только под ударением (*прямой, чужой, сухой*), а в смягчительном окончании – *-енькой* и без ударения: *новенькой*.

§ 39 «Числа множественнаго»; в нем говорится, что прилагательные, оканчивающиеся в единственном числе на *-ый, -ой, -ій, -ая, -ое, -яя, -ее*, во множественном числе имеют следующие окончания: для мужского рода *-ые, -іе*, а для женского и среднего – *-ья, -ія*: *добрые люди, добрыя вѣсти, добрыя дѣла, каріе глаза, карія лошади, карія жеребятa*.

Все остальные прилагательные имеют во множественном числе только по одному окончанию именительного падежа: *-ъ, -а, -о – -ы; -ь, -я, -е – -и; -ій, -ія, -іе*, или *-ья, -ье – -и, -и*.

§ 40 состоит из краткого введения и двух разделов. Введение озаглавлено «Двойное окончание въ падежахъ числа единственнаго», речь в нем идет о том, что в некоторых падежах единственного числа прилагательные первого склонения принимают двойное окончание – одно употребляется в обычной речи, другое – в книжном языке или в «важной» речи.

В I разделе приводится сводная таблица первого склонения имен прилагательных с окончаниями, свойственными обыкновенной речи (Востоков 1831: 75). Парадигмы склонений в единственном числе выглядят следующим образом.

1-й тип

	И.п.	Р.п.	Д.п.	В.п.	Т.п.	П.п.
Муж. р.	Царевъ	-а	-у	-ъ/-а	-ымъ	-омъ
Сред. р.	Царево	-а	-у	-о	-ымъ	-омъ
Женск. р.	Царева	-ой	-ой	-у	-ою	-ой
Множ. ч.	Царевы	-ых	-ым	-ы/-ых	-ыми	-ыхъ

По этому типу склоняются притяжательные прилагательные первой группы (*Ивановъ, Андреевъ, Никитинъ*) и качественные типа *новъ, бѣлъ, виденъ, нова, бѣла, видна* и др. Итак, А.Х. Востоков фиксирует в своей грамматике именно склонение кратких прилагательных, которое в то время еще имело место.

2-й тип

	И.п.	Р.п.	Д.п.	В.п.	Т.п.	П.п.
Муж. р.	новый	-аго	-ому	-ый/-аго	-ымъ	-омъ
Сред. р.	новое	-аго	-ому	-ое	-ымъ	-омъ
Женск. р.	новая	-ой	-ой	-ую	-ою	-ой
Множ. ч.	новые	-ыхъ	-ымъ	-ые/-ыхъ	-ими	-ыхъ

По этому образцу склоняются качественные прилагательные на *-ый, -ой, -гій, -кій, -хій*, притяжательные прилагательные на *-ый, -ой, -скій* и порядковые *первый, второй, десятый* и т.п.

3-й тип

	И.п.	Р.п.	Д.п.	В.п.	Т.п.	П.п.
Муж. р.	Господень	-дня	-ю	как И. или Р.	-имъ	-емъ
Сред. р.	Господне	-дня	-ю	как И. или Р.	-имъ	-емъ
Женск. р.	Господня	-ей	-ей	-ю	-ею	-ей
Множ. ч.	Господни	-ихъ	-имъ	как И. или Р.	-ими	-ихъ

4-й тип

	И.п.	Р.п.	Д.п.	В.п.	Т.п.	П.п.
Муж. р.	Сыновній	яго	ему	как И.или Р.	имъ	емъ
Сред. р.	Сыновнее	яго	ему	как И.или Р.	имъ	емъ
Женск. р.	Сыновняя	ей	ей	юю	ею	ей
Множ. ч.	Сыновніе, сыновнія	ихъ	имъ	как И.или Р.	ими	ихъ

По третьему типу склоняются качественные и притяжательные прилагательные на *-ъ, -жь, -чь, -шь, -щъ*, а по четвертому – на *-ій, -яя, -ее*, на *-жій, -чій, -шій, -ая, -ее*.

5-й тип

	И.п.	Р.п.	Д.п.	В.п.	Т.п.	П.п.
Муж. р.	Третій	-ьяго	-ьему	как И. или Р.	-ьимъ	-ьемъ
Сред. р.	Третье	-ьяго	-ьему	как И. или Р.	-ьимъ	-ьемъ
Женск. р.	Третья	-ьей	-ьей	-ью	-ьею	-ьей
Множ. ч.	Третьи	-ьихъ	-ьимъ	как И. или Р.	-ьими	-ьихъ

По этому типу склоняются притяжательные прилагательные II порядка на *-ій, -ья, -ье* или *-ія, -іе* (*Божій, человекій, пастушій, бараній, сомовій*).

Таким образом, в обыденной речи А.Х. Востоков выделяет пять типов склонений, среди которых одно именное, по которому изменялись краткие прилагательные. Его система склонений построена на делении прилагательных на качественные, притяжательные и порядковые. Относительные прилагательные в особый разряд не выделялись.

Ср. в современном русском языке: «Склоняемые прилагательные распределяются по трем типам адъективного склонения. К I склонению относятся качественные и относительные прилагательные, ко II – притяжательные с суффиксом *-іj-* (типа *лисій*), к III – притяжательные с суффиксами *-ин, -ов / -ев* (типа *папин, отцов, Игорев*)» (Современный русский литературный язык 2004: 220). В основе распределения по типам склонений в современном русском языке лежит деление прилагательных на качественные, относительные и притяжательные, а точнее – выделение собственно притяжательных в особый разряд.

Раздел II назван «Окончания свойственныя важной речи». В нем говорится о том, что только в единственном числе используются окончания прилагательных, употребляемых в официальной речи. Например, в родительном падеже: *Отъ щедроты Царевы; Изъ новыя обители. Воли Господни. Сыновнія любви. Третіея години* (Востоков 1831: 76). В предложном падеже мужского и среднего рода вместо окончаний *-омъ, -емъ* используются окончания *-ѣ, -и*: *о сынѣ Царевѣ. Въ законѣ Господни. У прилагательных пятого типа в родительном, дательном и предложном падежах всех трех родов также происходит смена окончаний: Закона Божія (вместо Божіяго), коварства вражія (вместо вражіяго), Закону Божію (вместо Божіему), коварству вражію (вместо вражіему), О законѣ Божіи (вместо Божіемъ), коварствѣ вражіи (вместо вражіемъ), волѣ Божіи (вместо Божіей).*

Окончания, свойственныя важной речи, заимствованы из церковнославянского языка.

Таким образом, в «Русской грамматике» А.Х. Востокова затрагиваются те же основные пункты, касающиеся имени прилагательного, что и в современных русских грамматиках и учебных пособиях. А.Х. Востоков, едва ли не впервые в истории отечественной грамматики, дает определение этой части речи, перечисляет семантические признаки, выражаемые именами прилагательными. При этом понятие относительности является для него широким, включая не только значение собственно относительности, но и принадлежность.

Анализируя лексико-грамматические разряды, он выделяет пять групп слов: 1) имена прилагательные качественные, 2) имена прилагательные притяжательные, 3) имена числительные, 4) несколько разрядов местоимений, 5) причастия. Причиной столь широ-

кого подхода является следование ученого классическому учению об именах, согласно которому имена склоняются, в то время как глаголы спрягаются. Деление частей речи на имена и глаголы восходит к античной грамматике.

Из пяти выделенных лексико-грамматических разрядов описаны только два – притяжательные прилагательные и числительные. Притяжательные прилагательные не противопоставлены относительным, хотя А.Х. Востоков постоянно уделяет большое внимание окончаниям слов, однако очень важным представляется его замечание о том, что притяжательные прилагательные производны, что они образованы от других слов.

Имена числительные делятся А.Х. Востоковым на количественные и «порядочные». Количественные числительные включены в состав имен прилагательных только потому, что они склоняются в сочетании с существительными.

Полные формы имен прилагательных А.Х. Востоков называет склоняемыми, а краткие – спрягаемыми. Занимая позицию сказуемого, краткие прилагательные входят в состав предикативной основы, выражающей время, что, как известно, является прерогативой глагола. Говоря о соотношении склоняемых и спрягаемых форм, А.Х. Востоков много внимания уделяет фонетическим чередованиям, которые у него, как у историка языка, всегда вызывают большой интерес.

Много внимания уделено описанию различных средств выражения интенсивности признака, в том числе и образованию степеней сравнения. В грамматике А.Х. Востокова отсутствует понятие начальной (исходной) формы имени прилагательного. Поэтому степень выражения интенсивности рассматривается на материале полных и кратких прилагательных. Рассматривая положительную степень, А.Х. Востоков в первую очередь анализирует окончания, которые служат средством выражения степени положительного как у склоняемых, так и у спрягаемых прилагательных. Затем он описывает способы выражения степеней качества – уменьшительного, смягчительного и «усиливательного», т.е. способы образования имен прилагательных, выражающих неполноту проявления признака, эмоционально-оценочные значения, высокую степень интенсивности признака.

Простая сравнительная степень имеет две формы – склоняемую и спрягаемую. Склоняемые формы сравнительной степени на *-ейший*, *-айший*, *-ий* (*белейший*, *легчайший*, *худший*) воспринимаются в настоящее время либо как формы превосходной степени, либо просто как обычные прилагательные. Утрата склоняемых форм сравнительной степени – одно из существенных изменений в истории формообразования русского прилагательного.

Только пять прилагательных могли иметь простую форму превосходной степени, остальные прилагательные могли выражать ее аналитически, с помощью различных словосочетаний. В грамматике А.Х. Востокова еще нет деления степеней сравнения на синтетические и аналитические, поэтому изложение материала носит несколько отрывочный характер.

В специальном приложении А.Х. Востоков дополняет материал о степенях сравнения, уделяя много внимания сочетаемости и вариативности морфем и описанию фонетических процессов.

В «Русской грамматике» выделяется пять типов склонения имен прилагательных, в некоторых падежах единственного числа прилагательные первого склонения принимают двойное окончание – одно употребляется в обычной речи, другое – в книжном языке или в «важной» речи.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов В.В. 1972. Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. М.: Высшая школа.
Востоков А. 1831. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же Сокращенной грамматики, полнее изложенная. СПб.: Типография И. Глазунова.
Баранов М.Т., Ладыженская Т.А., Тростенцова Л.А. 2001. Русский язык: Учебник для 6 кл. общеобразоват. учреждений. 23-е изд. М.: Просвещение.

Краткая русская грамматика. 1989 / Под ред. Н.Ю. Шведовой, В.В. Лопатина. М.
Русский язык. Энциклопедия. 1979 / Ф.П. Филин (гл. ред.). М.: Советская энциклопедия.
Смирнова Г.А. 1981. Александр Христофорович Востоков // Русский язык за рубежом 2, 67–71.
Современный русский литературный язык: Учебник. 2004 / Под ред. П.А. Леканта. М.: Изд-во «Высшая школа».

УДК 821.161.1

А. Н. Безруков

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ РАННЕЙ ЛИРИКИ ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО

Аннотация. В статье осуществлен анализ ранней лирики Владимира Маяковского с позиций контакта автора и читателя. С помощью структурной, герменевтической и рецептивной методологической базы доказывается, что раннее лирическое наследие Маяковского обладает особой сюжетной организацией, особым поэтическим языком, специфическими доминантами эстетического. Языковая игра, трансформация литературной формы, авторские акценты формируют смысловое поле текста. Любая интерпретация художественного произведения движется по законам и принципам естественного языка. Лирический текст, в сравнении с прозаическим, наиболее сложно закодирован. Лирический текст многолик и неординарен, иерархически упорядочен и интенционален, это позволяет идентифицировать его аккумулятивной матрицей. Сутью анализа в данном случае становится не столько буквальное понимание сказанного автором, сколько проекция к еще только подразумеваемому. Художественное слово в поэзии весомее и крупнее, чем в общезыковом употреблении. Анализ особенностей авторского поэтического словаря, стиля дает возможность верифицировать контуры того, что является точкой зрения поэта или поэтическим смыслом литературного произведения. Индивидуально-авторский стиль исследуется на примере стихотворения «Хорошее отношение к лошадям». Поэтический текст компилирует как номинацию реального, настоящего, языкового, так и метафорику общебытийного, символического, знакового. В работе отмечается своеобразие стиля В. Маяковского, точность взгляда поэта на явления действительности, определяются его мировоззренческие координаты. Выводы касаются того, что авторский текстовый блок Владимира Маяковского есть форма перехода от классической культуры к футуристической культуре, новой, нарождающейся форме претворения смысла. Данный вывод, на наш взгляд, говорит о непрекращающемся процессе литературной и эстетической динамики.

Ключевые слова: эстетика чтения; лирика; футуризм; Владимир Маяковский; автор; стиль; поэтика текста; герменевтика; поэтический язык; контекст.

Сведения об авторе: Безруков Андрей Николаевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Башкирского государственного университета (Бирский филиал).

Контактная информация: 452450, Республика Башкортостан, г. Бирск, ул. Интернациональная, д. 10; тел.: 8(34784)40470; e-mail: in_text@mail.ru.

A. N. Bezrukov

AESTHETIC DOMINANTS OF THE EARLY LYRICS BY VLADIMIR MAYAKOVSKY

Abstract. The article presents analysis of early lyrics by Vladimir Mayakovsky from the position of contact of the author and reader. Structural, hermeneutic and receptive methodological framework it is proved that the early lyrical legacy of Mayakovsky's story has a specific organization, special poetic language, specific dominant esthetic. Language play, transformation of literary form, author's emphasis form the semantic space of the text. Any interpretation of the artwork is moving according to the laws and principles of natural language. The lyrical text, in comparison with the prosaic text, the most difficult coded. The lyrical text is extraordinary, hierarchically organized, intentional, this allows you to identify his as the accumulative matrix. The essence of the analysis in this case becomes not so much a literal understanding of what was said by the author, but projection of to implied. The word in poetry weightier and larger than in the everyday, unified use. The analysis of the peculiarities of the author's poetic vocabulary, the style gives the opportunity to verify the contours of what the point of view the poet is or the poetic meaning a literary work. The author's individual style is investigated on the example of the poem «Good attitude to horses». The article emphasizes the peculiarity of the style of Vladimir Mayakovsky, the accuracy of gaze of the poet to reality, defined by its ideological coordinates. The poetic text combines the actual nomination, actual linguistic, metaphorical, existential, symbolic, iconic. The findings relate to the fact that text by Vladimir Mayakovsky is a form of transition from classical culture to culture futuristic. The author creates a new construct of translating the sense. The final result speaks to the ongoing process of literary and aesthetic dynamics.

Key words: aesthetics of reading; lyrics; futurism; Vladimir Mayakovsky; author; style; poetics of the text; hermeneutics; poetic language; context.

About the author: Bezrukov Andrei Nikolaevich, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Philology of Bashkir State University (Branch in Birsik).

Художественные манифесты начала XX века – символизм, акмеизм, футуризм, авангард, имажинизм – зачастую связаны не только с возможной декларативной риторикой, ориентированной на конкретизацию нового способа отображения и воссоздания пространственно-временных реалий, но и с предопределением потенциальной эстетической проекции дальнейшего хода развития литературного процесса. Писатели, поэты, драматурги всегда внимательно и бережно обращались с универсальным инструментом литературы – словом, богатство и многоликость которого сложно недооценить. Поэтический глоссарий помогает художнику не только зафиксировать наличный состав мира, окружающего его пространства, хотя это и первично, но и редуцировать далее модель реальности в общих контурах читательского сознания. Следовательно, диалог между автором и потенциальным читателем, реципиентом и всезнающим автором практически всегда сложен, противоречив, вариативен и неоднозначен. Вероятно, в этом и заключается сила художественного слова, потенциал эстетической мысли, реконструкция и дешифровка которых позволяет актуализировать классический текст для современного коммуникативного пространства.

Интерпретативные стратегии требуют от подготовленного читателя обширных знаний в области теории и истории литературы, литературной критики, лингвистики текста, философии, онтологии, герменевтики, рецептивной эстетики. Умение правильно познать текст достигается, на наш взгляд, только лишь многократным возвращением и воспроизведением уже прочитанного и, что вполне вероятно, как бы уже познанного. Но это лишь условность, преодоление которой и есть первостепенная задача, конкретизируемая и решаемая исследователями.

Любая интерпретация художественного произведения движется по законам и принципам естественного языка, так как попадает в некий медиум знака. Лирический текст, в сравнении с прозаическим, наиболее сложно закодирован, многолико и неординарно сложен, иерархически упорядочен, что позволяет идентифицировать его аккумулятивной матрицей. В данном случае под матрицей целесообразно понимать вероятностный принцип синтеза слов, лексем, номинаций языка, частных предложений, поэтических конструкторов, финально репрезентирующий эстетический смысл целого. В свою очередь, сложение языковых образований в некую контаминацию создает проекцию верифицированной, меняющейся парадигмы коннотаций слова. Следует отметить, что поэтический язык есть особо организованная система. Именно это создает определенные трудности при герменевтическом толковании художественного текста. Думается, что возникает проблема манифестации правильного, объективного изложения понятого: речь в данном случае, конечно же, идет об интерпретации смысла, герменевтическом прочтении, эстетике восприятия, рецепции (Безруков 2015) прочитанного.

Речевая ткань любого литературно-художественного произведения являет собой обширную и достаточно универсальную эстетическую систему. С указанных позиций стихотворный текст необходимо воспринимать как целостный, авторский метаязык, а не как дробный лексикон, дифференцированный на части. Юрий Лотман отмечал: «Следует решительно отказаться от представления о том, что текст и художественное произведение – одно и то же. Текст – один из компонентов художественного произведения... художественный эффект в целом возникает из сопоставлений текста со сложным комплексом жизненных и идейно-эстетических представлений» (Лотман 1996: 37). Данное высказывание не только условно номинативно продляет жизнь текста, оно ориентирует на расширение эстетических рубежей художественного конструкта.

«В лирическом произведении конструктивная роль доминирующего фактора художественных впечатлений принадлежит не объектной организации феноменов ментального зрения, как это имеет место в эпических жанрах, а субъектной организации феноменов ментального слуха» (Тюпа 2008: 102). При этом границы текста достаточно часто, хотя это и формально, очерчены знаками-маркерами: точки, запятые, пунктограммы, символические фигуры. Авторский же предел рождения мысли, а далее и читательский, трансформирует текст в некое подобие контрапункта, границы которого максимально расширяются, даже при условии формальных ограничений. Модель интерпретации должна включать как оценку общеобязательного стандарта языка, так и декодирование его контекстуальных параллелей. Видение текста интегративным, целостным объектом и одновременно системой, состоящей из частей, и будет, на наш взгляд, наиболее правильным принципом оценки и анализа. Позиция автора при согласовании всех условий изменяется в ходе реинтерпретации, но это и позволяет реконструировать читательское ожидание до условного горизонта перспективных видений и предопределений. Сутью анализа в данном случае становится не столько буквальное понимание сказанного автором/демиургом, но проекция к еще только подразумеваемому, буквально произнесенному. Таким образом, поэтический текст компилирует, как номинацию реального, настоящего, языкового, так и метафорику общебытийного, символического, знакового. Художественное слово в поэзии весомее и крупнее, чем в общеязыковом употреблении. Поэтические тексты, обычно, значимы и личностно окрашены, их уместнее называть текстами-высказываниями, авторскими номинациями смысла. Содержащаяся в таких текстах информация максимально оценочна и эмоциональна, образна и условна, метафорична и типологически выверена. Анализ особенностей авторского поэтического словаря, стиля дает возможность верифицировать, пусть и приблизительные, но контуры того, что является точкой зрения поэта или, что правильнее, поэтическим смыслом произведения.

Живописание словом воссоздает в художественной литературе колорит эпохи, срез истории, орнаментальность настоящего, пиктографичность реального, оценочность бытийного. Благодаря сверхэстетическому живописанию передаются зрительные – цветовые, слуховые – звуковые, а также вкусовые, обонятельные ощущения. Также оно обладает специфическим воздействием на читателя/реципиента, который оказывается как бы перед своеобразными моментальными, точечными снимками-кадрами, что позволяет воспринимать изображение/картинку, например, как в пространственном искусстве – одновременно. Достигая этого уровня, художники слова изначально творят пространственно-временные полотна, близкие действительности, далее – целостные миры и художественные миромодели. На наш взгляд, наиболее фактурно процесс работы со словом как концептом в системе фреймовых парадигм с претворением эстетических доминант в тексте осуществил В.В. Маяковский.

Владимир Маяковский пришел в литературу как поэт-урбанист, детально, топографически знающий городскую культуру. Город в изображении Маяковского был средоточием бесчеловечности, несвободы, не-поступка. Достаточно вспомнить стихотворения «Уличное» (1913), «Вывескам» (1913), «Адище города» (1913). Задыхаясь в фантастическом городском кошмаре, урбанистической несвободе, лирический герой Маяковского, «тоскою к людям ведомый», мечтал о революции, мечтал об изменении и улучшении реальности. Трагедия разъединенности людей в буржуазном мире болезненно остро переживалась героем его дореволюционной лирики. Иначе это обстоит в постреволюционный период. Маяковский искренне верил, что ожидаемая им социалистическая революция будет способствовать установлению нового порядка, основанного на подлинно гуманных принципах взаимоотношений, а также создаст условия для расцвета человеческой личности, ее свойств, которые присущи онтологической природе человека, но искажаются в со-

временном ему обществе. Революция мнилась ему освобождением, воскресением, праздником жизни, неслучайны в данном случае следующие строчки:

Эй!
Человек,
землю саму
зови на вальс!.

Символически «на рубеже двух предыдущих (XIX и XX) столетий сформировался такой стиль века, который позднее не трансформировался радикально, а развивался, как когда-то большие направления, подобно барокко, классицизму, романтизму. Каждого из таких крупных направлений хватает на много десятилетий, иногда даже на столетия. Поэтому не будем удивляться и тому, что авангардное (или модернистское) искусство и литература оказываются столь длительными» (Иванов Вяч. 2004: 168). Именно поэтому стремление найти, а лучше сказать, создать неведомое, прекрасное завтра привело Владимира Маяковского к футуристам. Энергичные, дерзкие, эпатажные стихи молодого поэта составили славу русского футуризма, но сам Маяковский прятал за ними нежное, любовное, сердечное, чувственное, порой главное для человека вообще. В стихотворении «Дешевая распродажа» (1916) поэт уверяет нас, что нет на свете ничего дороже человеческого слова, а сам он готов все мировые богатства отдать:

за одно только слово
ласковое,
человечье.

В режиме сходного манифеста о великой силе человеческого слова и написано стихотворение «Хорошее отношение к лошадям» (1918).

Это произведение Владимира Маяковского в ряду послеоктябрьских стихов редкое, почти исключительное. Дело в том, что поэт, будучи, по его словам, призванным и мобилизованным революцией, свои обязанности исполнял ревностно и охотно. Он стал сочинителем революционных стихов-лозунгов, декларативных призывов, грубо-нарочитых тезисов-программ. Поэзия, в высоком ее назначении, покидала В. Маяковского, позднее он об этом остро пожалеет! А в этом стихотворении мы встречаемся с великолепным лириком, красивым, тонким, душевным, открытым для «правильного» диалога с действительностью, природным восприятием и объективной оценкой.

Исследователи творчества Маяковского давно заметили, что он хороший живописец, только краски его картин словесные, а сами картинки возникают в воображении читателя. «Хорошее отношение...» воспринимается как материал художественной киноленты, это было модно и современно в начале XX в. ввиду наращивания роли кинематографа. Из современной англо-американской критики в русское литературоведение пришло понятие «point of view», которое дает возможность различать пространственную и временную точку зрения. В данном случае и возникает аналогия с кинематографом – смена времени и места описания напоминает смену «крупного» и «общего» планов, раскадровку, плановый вариант претворения/манифеста эстетических координат. Стихотворение «Хорошее отношение к лошадям» (Маяковский 1956: 10–11) в русле такого подхода достаточно легко «распадается» на кадры-картинки или композиционно-смысловые части. Попробуем проследить динамику текста дробно, фрагментарно.

Первый фрагмент, общий план – московская улица – колористически исполнен в черно-белом цвете, варианте антиномий. «Для Маяковского выход на улицу, площадь – начало жизни. Вывески, крики газетчиков, витрины, небо над городом, фонарные дуги, тротуары, трамваи и т.д. – соучастники его творчества. Здесь, на улице, рождаются его связи с людьми...» (Подгаецкая 2009: 341). Первые шесть строк, в которых ярко аллитруируют согласные звуки г – р – б и дополняют звуковой рисунок гласные звуки и – а – о – у, создают впечатляющую картину времени, реального переживания событий автором,

далее – читателем. Не стоит «упускать из виду общего характера языкового новаторства Маяковского, почти всегда движущегося в пределах стойких моделей живого языка...» (Винокур 1991: 352). За резкими, нарочито грубыми звуками слышны и стрельба, и крики, и стук подкованных каблучков, и цокот копыт... Владимир Маяковский воспроизводит обстановку первых послеоктябрьских месяцев – наиболее непонятного и сложного, но мнящего «нового человека» периода. Воистину ощущается ледяное, пронизываемое ветром пространство, атмосфера которого все же ориентирует на преодоление несовершенства. Детализация текста нацеливает на уродливые грибы дыма от пожаров и взрывов, резкость и грубость конфликтов, бесчисленность гробов, безнаказанность грабежей, отчаянность и отчаяние. И цветовой, и звуковой авторские образы кричат об опасности, неблагополучии мира, потерявшего устойчивость – магистраль настоящего/истинного, скользящего к катастрофе. Автор вводит читателя в объективный ход событий, эстетически нагнетая, рецептивно пробуждая эмоционально-зрительный, экспрессивно-бунтующий пафос.

Следующий, второй кадр – общий план укрупняется – драма лошади, все тот же черно-белый вариант. В нем так же максимально задействован звуковой (проекционно-музыкальный) фон, уточнено и место действия – Кузнецкий мост. Сцена плотно заполнена праздной, урбанистической толпой. Не удержавшись на ледяной корке, немолодая лошадь тяжело грохнулась на круп. Толпа, эмоционально глухая, восприняла это как развлечение, по-другому толпа не умеет. Поэт пытается дать объективную информацию, но говорит о толпе, используя низкую лексику (*сгрудились, зеваки*) и прием синекдохи, заменяя целое частью (*пришли штаны*), чем выдает свое презрительное отношение к толпе. Мелодия насмешничанья над бедой, почти издевательства создается метафорой (*смех зазвенел и зазвякал*) и брэнчащей **аллитерацией** звуков з – в – к. Бездушные бездельники на все лады выкрикивают:

– Лошадь упала! –

– Упала лошадь!

Маяковский использовал здесь поэтическую фигуру – **хиазм**, при которой параллельные члены расположены сначала в прямой, а затем в обратной последовательности. Создается некий обреченный замкнутый круг, круговерть. «Трагические ощущения отчужденности в мире людей, одиночества нашли воплощение в разбитом на короткие подстрочия свободном стихе раннего Маяковского» (Култышева 2003: 34). Чем-то бесовским веет от нарисованной поэтом картинке. Не случайно то, что происходит вокруг лошади, называется воем, т.е. злобной бранью, шумом. Кажется, мир сошел со своей оси, потерял естественный, здравый смысл. Противостоять злу можно лишь не участвуя в нем. Это и делает лирический герой Владимира Маяковского, он не желает участвовать в травле/уничтожении. Резкое противопоставление себя толпе звучит далее:

Лишь один я

голос свой не вмешивал...

В этом случае **антитеза** используется как смысловое противопоставление. Прием звукового нивелирования смягчает ход – «ш – с – ш». Автор мастерски создает живую картину времени, реальное видение образа человека и животного.

Следующий кадр – глаза лошадиные – опять черно-белый. Он исполнен крупным планом. Лирический герой и лошадь остаются один на один, буквально с глазу на глаз. Еще более крупно видятся глаза лошадиные... Слезы огромные, «за каплицей каплица», от одиночества и обиды, от боли и страха, от безысходности. И то, что улица опрокинута, отражаясь в слезах-каплях, пришла в перевернутое/иное состояние есть свидетельство неправильности динамики мира. Душевная тревога лирического героя Маяковского, в данном случае, – важный смысловой компонент, объединяющий его со страдающей лошадью. **Анафорическое** обращение помогает герою установить контакт, а контекстуаль-

ное сравнение в форме риторического вопроса – выразить свое отношение к происходящему:

Лошадь, не надо.
Лошадь, слушайте –
чего вы думаете, что вы их плоше?

Человечье слово, доброе, ласковое («деточка»), откровенное сочувствие, искренняя заинтересованность сделали свое дело. Лошадь после убеждающего монолога лирического героя смогла-таки встать на ноги, буквально обрести и поверить в себя.

И, наконец, последний кадр – рыжий ребенок, он цветной, яркий, солнечный – веселый. В этом смысловом фрагменте В. Маяковский использует прием **градации**:

только
лошадь
рванулась,
встала на ноги,
ржанула
и пошла.

Это позволяет автору ослабить/усилить эмоциональное напряжение. Глаголы передают динамику действия, энергию вновь обретенной жизни. Не случайно М.Л. Гаспаров отмечал, что «для Маяковского существен образ языка» (Гаспаров 1995: 364). Знаковый/буквенный состав овецивает реальность, делает ее живой картинкой, к которой относишься нетривиально. Лошадь ощущает себя ребенком, ведь отрочество – пора надежд, веры в лучшее. Она находится в беззаботно-радостном настроении, устремлена в завтрашний день. Звуковой образ создается в последней части стихотворения глаголом *ржанула*, видимо, в значении «громко засмеялась». Веселая, смеющаяся лошадь, конечно же, – **аллегорический** образ, несущий заданную автором смысловую нагрузку.

Любовь и доброе слово способны пробуждать в человеке светлые, красивые желания и чувства. Стихотворение, как и всегда у Владимира Маяковского, заканчивается сентенцией:

И все ей казалось –
она жеребенок,
и стоило жить,
и работать стоило.

В финальной картине мир обретает правильные черты, из злого и холодного превращается в гуманный и теплый, привычный и нравящийся. В этом видится высокий эстетический и гуманистический смысл произведения. Живописный мир «Хорошего отношения к лошадям», богатый, выразительный, динамичный, обеспечивает понимание этого смысла читателем.

Таким образом, написанное в самом начале нового для России времени стихотворение Владимира Маяковского «Хорошее отношение к лошадям» можно оценить как связующее звено между старой и новой, только нарождающейся культурой. Гуманистические традиции классики футурист Маяковский, может быть, и не продолжал, но он их очень хорошо чувствовал. Более того, Маяковский прекрасно понимал, что поэзия, если она истинная, настоящая, обязана «чувства добрые лирой пробуждать». Следовательно, эстетические доминанты ранней лирики В. Маяковского находятся в пределах общечеловеческого, эмоционально-чувственного, нарочито-естественного. Автор ориентирует читателя на долженствующее сохранение этого и далее.

ЛИТЕРАТУРА

- Безруков А.Н. 2015. Рецепция художественного текста: функциональный подход. Вроцлав: Русско-польский институт.
Винокур Г.О. 1991. О языке художественной литературы. М.: Высшая школа.

- Гаспаров М.Л.* 1995. Владимир Маяковский // Очерки истории языка поэзии XX века: Опыт описания идиостилей. М.: Наследие.
- Иванов Вяч. Вс.* 2004. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 3: Сравнительное литературоведение. Всемирная литература. Стихovedение. М.: Языки славянской культуры.
- Култышева О.М.* 2003. Феномен В. Маяковского: восприятие современников. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та.
- Лотман Ю.М.* 1996. О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство-СПБ.
- Маяковский В.В.* 1956. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 2. 1917–1921. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры.
- Подгаецкая И.Ю.* 2009. Избранные статьи. М.: ИМЛИ РАН им. А.М. Горького.
- Тюпа В.И.* 2008. Анализ художественного текста. М.: Издательский центр «Академия».

УДК 81'1

Е. В. Бодрова

ЗНАЧЕНИЕ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО С ПОЗИЦИЙ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Аннотация. В статье рассматриваются основные подходы к анализу природы значения имени собственного; выявляются особенности языкового и речевого значения имени с точки зрения когнитивной лингвистики; предпринимается попытка определения ментального основания выделения собственных имен в отдельный класс слов.

Опираясь на труд Е.С. Кубряковой о частях речи с позиций когнитивной науки, автор считает ментальным основанием выделения имен собственных как отдельного класса слов в языке, или самостоятельной части речи, наличие в сознании человека важной концептуальной характеристики ЕДИНИЧНЫЙ, или ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ. Основываясь на мнениях ученых-лингвистов, автор приходит к выводу о том, что имя собственное имеет как речевое, так и языковое значение. Речевое значение имени собственного заключено в индивидуальном комплексе знаний о предмете, а также в прагматических установках участников акта речи, что в совокупности закладывает в смысл слова оценочность и интерпретацию объекта именованного. Особенность языкового значения имени собственного заключается в том, что оно базируется на понятии родового определяемого слова. Автор приводит примеры словарных дефиниций собственных имён, содержащих достаточную информацию для понимания слова и введения его в речь. Языковое и речевое значения имени собственного, а также его экстралингвистические характеристики образуют ономастический концепт, который является объектом исследования в научных работах по когнитивной ономастике.

Ключевые слова: значение имени собственного; когнитивная лингвистика; части речи.

Сведения об авторе: Бодрова Елена Владимировна, соискатель кафедры зарубежной филологии и прикладной лингвистики Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, эксперт управления по науке и инновациям Сургутского государственного университета.

Контактная информация: 628412, г. Сургут, пр. Ленина, д. 1, каб. 324; тел.: (3462)763039; e-mail: bodrova_elena_80@mail.ru.

E. V. Bodrova

THE MEANING OF THE PROPER NAME FROM THE POSITION OF COGNITIVE LINGUISTICS

Abstract. The article considers the main approaches to the analysis of the proper name's meaning from the position of cognitive linguistics, reveals the peculiarities of speech and linguistic meaning of homonyms, and attempts to define the mental basis for distinguishing proper names into the separate class of words. After having considered the work of E. S. Kubryakova on the parts of speech from the position of cognitive science, the author assumes that the presence of important conceptual characteristics as uniform, or individual in the human mind is the mental basis for distinguishing the proper names as a separate class of words or an independent part of speech. Taking into account the opinion of scholars, the author concludes that the proper name has both speech and linguistic meaning. The speech meaning of the proper name implies the individual complex of knowledge about the subject, as well as the pragmatic attitudes of the participants in the speech act, which add to the word the meaning of appraisal and interpretation when naming the object. The peculiarity of the linguistic meaning of the proper name is that the latter is based on the concept of the generic word defined. The author gives some examples of the proper names' vocabulary definitions that contain sufficient information for understanding a word and introducing it into speech.

The linguistic and speech meanings of the proper name, as well as its extralinguistic characteristics, form an onomastic concept, which is being examined in the scientific works on cognitive onomastics.

Key words: meaning of the proper name; cognitive linguistics; parts of speech.

About the author: Bodrova Elena Vladimirovna, postgraduate of the Department of Foreign Philology and Applied Linguistics, G. R. Derzhavin Tambov State University, expert of the Department of Science and Innovations, Surgut State University.

С середины XX в. имя собственное приобрело популярность в исследованиях лингвистов. Изучались единицы ономастики, их история, этимология, специфика функционирования в разных типах дискурса и т.д. Несмотря на это, сегодня нет однозначного ответа на вопрос, какова природа значения имени собственного. Решение этого вопроса почти всегда основывается на перечислении характеристик, отличающих имена собственные от нарицательных. Задача данной статьи – дать представление о значении имени собственного с позиций когнитивной науки о языке, т.е. определить специфику языкового и речевого значения имени собственного, а также ментальные основания выделения собственных имен в отдельный класс слов.

Рассмотрение учеными специфики значения имен собственных через сравнение со значением имен нарицательных привело к появлению разноплановых теорий. Условно их можно разделить на те, которые развивают идею отсутствия у имен собственных значения (Дж.Ст. Милль, О.С. Ахманова, Л.Л. Гуляцкая, А. Гардинер, Е.М. Галкина-Федорук, Л.Т. Ельмслев, П. Кристоферсен, А.А. Реформатский и др.) или же наличия «большого» значения имен собственных по сравнению с нарицательными (стоики, Г. Суит, Ф.И. Буслаев, О. Есперсен, М. Бреаль, Х. Серенсен, Е. Курилович и др.), основанные больше на рассмотрении речевого значения, прагматике или привлечении энциклопедических знаний о предмете именованного (Суперанская 2007: 45–91; Ахметзянова 2010; Щербак 2012: 16–27 и мн. др.).

Так, А. Гардинер в работе «Теория имён собственных» пишет: «собственное имя – это слово или группа слов, специфическим значением которых признаётся отождествление и которые выполняют, или имеют тенденцию выполнять, это назначение исключительно посредством различительного звука, независимо от какого-либо значения, присутствующего этому звуку с самого начала или приобретаемого им в результате ассоциации с объектом или объектами, отождествлёнными посредством этого звука» (цит. по: Бондалетов 1983: 13). А.А. Реформатский отмечает, что собственные имена в чистом виде выполняют номинативную функцию и не выражают понятия (т.е. не выполняют семасиологическую функцию) (Реформатский 1996: 21). Ученый не исключает наличия значения у собственных имен, но оно «исчерпывается их номинативной функцией, их соотношением с называемой вещью (точнее: классом вещей)» (Реформатский 1996: 37).

О. Есперсен, полемизируя с Дж.Ст. Миллем, утверждает, что значение имени собственного в речи (к исследованию которой не обращался Дж.Ст. Милль) будет более специальным, поэтому собственные имена коннотируют большее количество признаков, чем нарицательные (Есперсен 1958: 71–72). Д.И. Ермолович в значении имени собственного выделяет четыре компонента: бытийный (значение предметности), классифицирующий (связь с денотатом), индивидуализирующий («специальная предназначенность данного имени для наречения одного из предметов в рамках денотата», т.е. связь с референтом) и характеризующий (признаки референта), – число которых, по мнению автора, может быть продолжено (Ермолович 2001: 14).

Сегодня большинство ученых признает наличие значения у имени собственного, но понимание термина «значение», его структура и специфика трактуются по-разному. Одни считают, что собственное имя имеет значение только в речи (А.В. Суперанская,

Ю.А. Карпенко, М.А. Рут), другие – и в языке, и в речи (Л.В. Щерба, Э. Ханзак, П. Шёблум, Н.Ф. Алефиренко).

А.В. Суперанская, рассуждая о семантике собственных имен, отмечает, что они не выражают никаких понятий, хотя каждое из них имеет вполне определённое значение. Чтобы понять их сущность, необходимо установить, «к какому предмету они относятся, узнать понятийную соотнесенность этого предмета...» (Суперанская 2007: 263). А.В. Суперанская приходит к выводу о том, что связь собственных имен с понятиями породивших их апеллятивов стремится к нулю, а с понятиями именуемых объектов опосредствована через предмет, связь с которым у собственного имени значительно сильнее, чем у нарицательного (Суперанская 2007: 136). Чтобы ввести имя в речь и понимать его, нужно знать минимум информации о нём, который сводится к «нахождению того родового определяемого (понятийного слова), с которым это имя соотносится. Например, *Кирк* – название острова, *Василий* – имя человека» (Суперанская 2007: 259). Другими словами, собственные имена обретают своё значение при установлении их связи с именуемыми объектами и «лишь тогда становятся языковыми знаками» (Суперанская 2007: 136).

Говоря об отсутствии языкового значения у имён собственных, А.В. Суперанская пишет о трёх типах информации имени: речевой, энциклопедической и языковой. Речевая информация осуществляет связь имени с объектом именованного и выявляет отношение говорящего к объекту. Энциклопедическая информация представляет собой «комплекс знаний об объекте, доступный каждому члену языкового коллектива, пользующемуся данным именем». Эта информация субъективна и индивидуальна. Языковая информация имени становится доступна учёным при лингвистическом анализе компонентов именованного. Важно, что основной чертой имён собственных является соотнесённость с предметом, а также то, что в их значение входят экстралингвистические компоненты, такие как: эстетический, аффективный, морально- и социально-оценочный (Суперанская 2007: 259–266).

Ю.А. Карпенко выделяет пять аспектов информации имени собственного: 1) языковая принадлежность, 2) словообразовательная модель, 3) этимологический смысл, 4) выбор производящей основы и 5) ситуация создания. Однако главным различительным признаком имён собственных и нарицательных учёный считал *единичность / множественность называемых объектов*. «Язык содержит названия одного предмета – собственные имена – и названия больше чем одного предмета – нарицательные имена. И всё. А в речи сплошь и рядом выступают названия меньше чем одного предмета – названия одной частицы, одного признака одного конкретного предмета». Учёный считает, что значение имени собственного в языке гораздо более бедное, чем в речи. Он отмечает, что «Собственное имя можно уподобить заглавию поэмы, которая содержит очень много строк. И вот язык ограничивается только заглавиями, а речь часто оперирует отдельными строками этих поэм, заключённых в собственных именах» (Карпенко 1981: 83–84).

Впоследствии информация об имени собственном, обозначенная А.В. Суперанской и Ю.А. Карпенко, стала включаться в смысловую структуру собственного имени или концепт собственного имени.

М.А. Рут, размышляя о семантике антропонима, отмечает, что сигнификат антропонима бессодержателен, т.е. относит его лишь к разряду «человек», а вот денотат антропонима максимально нагружен, т.е. имя несет смысл, если оно соотнесено с реальным человеком в социуме. Особую роль автор уделяет социуму, именно в нем антропоним обладает значением. Так как, по мнению М.А. Рут, «антропоним существует в языке, особенности его функционирования определяются языковыми законами. Личное имя существует в социолекте, и чем уже социум, тем ярче особенности функционирования имени», т.о. «семантика антропонима определяется общенародными культурными коннотациями. Семан-

тика личного имени определяется закрепленностью его за конкретным членом социума» (Рут 2001: 64).

Рассмотренные выше мнения в той или иной мере признают наличие у собственного имени языкового значения, пусть опосредствованного через родовое понятие, гораздо более бедного по сравнению со значением в речи или заключающегося лишь в отнесении собственного имени к разряду «человек». Следует согласиться с мнением Л.В. Щербы, который, рассматривая основные типы словарей, отмечает, что невозможно было бы общепонятно пользоваться в речи собственными именами, если бы не существовало «общеобязательного минимума». «Как мне кажется, – пишет ученый, – этим минимумом является понятие, под которое подводится данный предмет, с общим указанием, что это не всякий подводимый под данное понятие предмет, а один определенный» (Щерба 1974: 265–304). Например, Австралия – одна из стран света; Людовик XIV – один из французских королей; Хлестаков – один из персонажей комедии Гоголя «Ревизор». Л.В. Щерба предлагает включать в словарь лишь общеизвестные в данном языковом коллективе собственные имена, так как имена людей будут иметь типичное определение «одно из личных имен». Однако в речи эти собственные имена используются «с очевидным в каждой определенной среде смыслом».

Развивающиеся семиотика и когнитивный подход к языку обратили внимание на проблему смысла собственного имени, а также его связи с понятием. Так, Р.И. Павилёнис, рассуждая о проблеме смысла, представляет теорию построения и функционирования концептуальных систем. Смысл рассматривается им не как часть некоторой абстрактной «семантики сложившегося языка», а как часть так называемых концептуальных систем носителей языка, которые «кумулятируют знания людей, приобретаемые в результате отражения ими окружающего мира, и накопленный человечеством опыт, фиксируемый в языке» (Павилёнис 1983: 4). Важно, что «концептуальная система человека представляет собой непрерывно конструируемую систему информации (мнений и знаний) о действительном и возможном мире» (Болдырев 2014: 170). По мнению Р.И. Павилёниса, имена собственные являются средством фиксации определённых соотносимых с объектами концептов и обладают идеальным с точки зрения прагматики свойством: они чётко фиксируют референта имени, что во многих случаях является более важным, чем придание им смысла в речи (Ахметзянова 2010).

Интересным, на наш взгляд, является подход к определению сущности собственных имен Н.В. Васильевой. Опираясь, в первую очередь, на неоклаузальную теорию референции А. Д. Шмелева (Шмелёв 2002), а также работы Э. Ханзака, исследователь использует термин «мысленное досье», который в полной мере отражает процесс получения и обработки ономастической информации носителем языка. Под ономастической информацией автор понимает *«имеющийся (или формирующийся) у говорящего комплекс знаний о СИ, куда входят информация о СИ как языковой единице, информация о носителе СИ, а также ассоциации/коннотации, которыми обладает данное СИ для отдельного носителя языка и/или для данного лингвокультурного сообщества»* (курсив автора) (Васильева 2005: 33–34). Другими словами, это досье содержит «характеристики, составляющие основу речевого смысла ИС» (сокращение автора – имя собственное) (Шмелёв 2002: 46).

Один из главных выводов концепции имени Э. Ханзака сводится к тому, что «имя собственное, рассмотренное с позиций теории языка, имеет такой большой объем значения, какой вообще может иметь слово» (Васильева 2017: 213).

Как отмечает Н.В. Васильева в рецензии на сборник статей «Когнитивная ономастика», уже в 2006 г. П. Шёблум утверждает: «имена собственные обладают значением и обрабатываются человеческим мозгом особым образом». «Когнитивный подход, – по мнению автора, – как раз призван показать, что имена собственные уравниваются с апеллиати-

вами в праве участвовать в формировании концептуально-семантической сферы языка» (Васильева 2017: 215).

В связи с изложенными выше мнениями о природе значения имени собственного следует согласиться с Н.Ф. Алефиренко, который, рассуждая о языковом значении, приходит к выводу, что «... референтная, денотативная и сигнификативная отнесённость онимов образует ядро ономастического значения, а его периферию – коннотативные смыслы (социально-оценочные, эмотивные, культурно-исторические, региональные, эстетические)» (Алефиренко 2005: 210). Особенность референтной отнесённости онимов заключается в характере и объёме номинативной функции: индивидуализировать объект в пределах своего класса (ср.: категория (класс) «озёра» → оз. Эльтон). Особенность денотативного содержания ономастического значения определяется имплицитной связью онима с именем класса, к которому он принадлежит (ср.: Иван – мужчина, Волга – река, Венера – звезда). Особенность сигнификативной отнесённости онимов заключается, по мнению учёного, в дескрипциях типа «тот..., который...», «такой..., что...» или типа именного словосочетания. Таким образом, Н.Ф. Алефиренко выделяет особый тип сигнификата, «представляющего собой отражение существенных признаков *единичного* объекта именованя» (Алефиренко 2005: 201–209).

Имя собственное имеет значение и в языке, и речи, так как мозг человека не может адекватно пользоваться языковыми единицами, не отнеся их к определенной языковой и ментальной категории. Являются ли собственные имена самостоятельной частью речи? На этот вопрос дает ясный ответ работа Е.С. Кубряковой, в которой говорится, что категория предметности является простейшей онтологической категорией, от которой «происходят» другие части речи, обладающие «кластерным набором конституирующих их признаков». Например, категория признаковости (прилагательное) отпочковалась от категории предметности на основе мыслительного процесса выделения целого и его частей, т.е. признаков; осознание перемен ситуации или положения дел, связанных с окружающими человека предметами, формирует концепт процессуального признака (глагол) (Кубрякова 2004: 232–253). На основании этих рассуждений можно предположить, что в ходе развития языка в сознании человека произошло осознание такого феномена, как единичное – множественное (об этом говорили ещё в античности, в частности Хрисипп уже выделял среди частей речи собственные имена, даже Дж.Ст. Милль считает первым основным делением имён «различие между общими и индивидуальными, или единичными именами» (Милль 2011: 78; Суперанская 2007: 45–91), сегодня разграничение имен собственных и нарицательных общепризнанно строится на антиномии единичное – множественное). Данное предположение подтверждает словарная статья о собственном имени: «**ОНИМ** (онома, собственное имя) – Слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта среди других объектов; его индивидуализации и идентификации» (Подольская 1988: 91). Таким образом, ментальное основание выделения имен собственных как отдельного класса слов в языке, или самостоятельной части речи, заключается в наличии в сознании человека важной концептуальной характеристики **ЕДИНИЧНЫЙ**, или **ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ**. Думается, что мысленное выделение имен собственных появилось гораздо раньше, чем выделение признака по действию (причастие), признака действия (наречие) и некоторых других.

В связи с рассуждениями о возможности признания класса собственных имён самостоятельной частью речи необходимо затронуть и их формальную сторону. Сегодня части речи относят к лексико-грамматическим классам, т.е. каждая часть речи имеет свои лексические и грамматические характеристики, выделяющие их на фоне других частей речи. В то же время диффузность этих характеристик встречается повсеместно (это отражено и в учебниках по современному русскому языку). Так, значение действия могут выражать отглагольные существительные, значение предметности могут выражать субстантивиро-

ванные прилагательные и причастия и т.д., формальную категорию склонения имеют существительные, прилагательные и числительные, времени – глагол, причастие и деепричастие и т.д. Этот факт подтверждает теорию частей речи Е.С. Кубряковой, утверждающей, что части речи строятся прототипически, поэтому слова, их составляющие, демонстрируют принцип «фамильного сходства». Части речи «характеризуются кластерным набором конституирующих их признаков, и каждая отдельная ЧР существует в виде размытого множества, любой член которого обладает тем не менее значительным числом свойств из того уникального набора, который представляет категорию в целом или «лучший образец» такой категории – ее прототип» (здесь и далее сокращение автора ЧР – часть речи) (Кубрякова 2004: 232). Размытость множества есть признак отпочкования одной части речи от другой, когда часть речи теряет свойства порождающей части речи и приобретает свои уникальные черты. Такой уникальной чертой собственных имен считаем наличие концепта **ЕДИНИЧНЫЙ**, или **ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ**. По словам А.В. Суперанской, «объект, именуемый собственным именем, всегда определен и конкретен. Если конкретность именуемого объекта становится неочевидной, наблюдается тенденция перехода собственного имени в нарицательное» (Суперанская 2007: 113).

Известно, что собственные имена – вторичные знаки, и их связь с породившими их апеллятивами стремится к нулю, но их связь с предметами значительно сильнее (Суперанская 2007: 136) (см. выше). Будучи закреплённым за единичным, или индивидуальным, предметом, собственное имя становится жёстко связанным с понятием слова, репрезентирующего этот предмет. Более того, без связи с понятием родового слова собственное имя не может функционировать в речи. Главным принципом деления слов на части речи в современной лингвистике Е.С. Кубрякова называет их отношение «к речевой деятельности, дискурсу и их коммуникативным целям. В каком-то смысле можно утверждать, что ЧР выражают кластерным образом отношение к лексике, грамматике и прагматике» (Кубрякова 2004: 231).

А.Л. Шарандин, рассматривая части речи в ключе соотношения лексики и грамматики, приходит к выводу, что имена собственные – не разряд существительных, а «самостоятельный класс слов, особая часть речи, имеющая свое категориальное значение» (Шарандин 2001: 122). Учёный при определении частей речи использует функционально-семантические различительные признаки. Имена собственные с грамматической точки зрения приравниваются к несогласованным приложениям и имеют признаковую семантику, стремящуюся к уникальности.

Нельзя не согласиться с мнением В.И. Супруна о том, что семантика онимов должна рассматриваться в рамках теории лексического значения. Подтверждая своё убеждение, исследователь пишет, что «в языке нет и не может быть лексических единиц, не имеющих значения. Специфической семантической структурой обладают междометия, грамматическое значение выражают служебные части (частицы) речи, высокая степень семантической абстрактности присуща местоимениям и именам числительным (количественным). Онимы на их фоне выглядят достаточно полноценными лексическими единицами...» (Супрун 2000: 18).

Выводы:

1. **Языковое значение собственного имени базируется на понятии родового определяемого слова.** Основываясь на принципах когнитивной лингвистики, утверждающей, что «**значение слова – это лишь попытка дать общее представление о содержании выражаемого концепта, очертить известные границы представления его отдельных характеристик данным словом...**» (выделено автором) (Болдырев 2014: 86), словарная дефиниция собственных имен будет содержать отсылку к родовому понятию, и этого будет достаточно для понимания слова и введения его в речь. Например, «Татьяна – собственное имя человека женского пола», «Обь – название реки», «Мишка на севере – торго-

вая марка конфет» и т.д. Причём словарная статья может отражать омонимию, например, «Владимир – 1) собственное имя человека мужского пола; 2) название города», «Дели – 1) название города; 2) название реки» и т.д. Языковое значение, являясь социально закреплённым смыслом, может содержать дополнительную общеизвестную, общепризнанную информацию, например, указание страны: «Обь – название реки в России», «Дели – в Индии 1) название города; 2) название реки» и т.п. Этот вопрос требует отдельного рассмотрения, здесь же для нас важно, что собственное имя репрезентирует в сознании человека определённый концепт, который указывает на наличие у собственного имени языкового значения.

2. *Значение собственного имени в речи связано с индивидуальным комплексом знаний о предмете, а также прагматическими установками участников акта речи.* Важную роль включённости слова в дискурс обозначает Е.С. Кубрякова, которая предлагает для частей речи термин *когнитивно-дискурсивная категория*: «части речи – это особый речемыслительный феномен: с одной стороны, это содержательные структуры знания, связанные с психическими, ментальными и познавательными процессами; с другой стороны, участие данных структур в актах коммуникации» (Кубрякова 2004: 37). Далее ученый пишет, что слово способно репрезентировать и заменять в сознании человека «определённый осмысленный им фрагмент действительности, указывать на него, отсылать к нему, возбуждать в мозгу все связанные с ним знания – как языковые, так и неязыковые – и в конечном счете оперировать этим фрагментом действительности в процессах мыслительной и речемыслительной деятельности» (Кубрякова 2004: 68). Фрагмент действительности для собственного имени – это объект, носящий индивидуальное имя, выделенный из числа себе подобных, значит, включение в речемыслительную деятельность и речевой акт собственного имени предполагает обращение к энциклопедическим знаниям разной наполненности участников акта. Однако в значение единицы входит не только информация об объекте, но и «суждения о ее восприятии» (Кубрякова 2004: 87), т.е. оценочность и интерпретация объекта.

3. Языковое и речевое значения имени собственного, а также его экстралингвистические характеристики образуют *ономастический концепт* как единицу «осмысленного (осознанного) знания о предмете или событии, их отдельных свойствах, характеристиках, взаимосвязях с другими предметами и событиями, которой оперирует человек в процессе речемыслительной деятельности» (Болдырев 2016: 4).

4. Скорее всего, настало время признать, что собственное имя в силу уникальности своего языкового и речевого значения является самостоятельной значимой частью речи.

ЛИТЕРАТУРА

- Алефиренко Н. Ф. 2005. Спорные проблемы семантики: Монография. М.: Гнозис.
- Ахметзянова Л. М. 2010. Проблема семантики имени собственного // Вестник КазГУКИ 1 // <http://cyberleninka.ru/article/n/problema-semantiki-imeni-sobstvennogo> (2017. 12 нояб.).
- Болдырев Н. Н. 2014. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Изд. 4-е, испр. и доп. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.З. Державина.
- Болдырев Н. Н. 2016. Когнитивная природа языка: Сб. статей. М.; Берлин: Директ-Медиа.
- Бондалетов В. Д. 1983. Русская ономастика. М.: Просвещение.
- Васильева Н. В. 2005. Собственное имя в тексте: интегративный подход: Дис. ... д-ра филол. наук. М.
- Васильева Н. В. 2017. Когнитивная ономастика: взгляд из Европы: Рец. на кн.: *Cognitive Onomastics: A Reader* / Ed. by S. Brendler. Hamburg: Vaar, 2016. 204 p. // Вопросы ономастики Т. 14. № 3, 210–221.
- Ермолович Д. И. 2001. Имена собственные на стыке языков и культур. М.: Р.Валент.
- Есперсен О. 1958. Философия грамматики / Пер. с англ. В. В. Пассека, С. П. Сафроновой; под ред. Б. А. Ильиша. М.: Изд-во иностранной литературы.
- Карпенко Ю. А. 1981. Специфика имени собственного в языке и речи // Proceedings of the 13-th International Congress of Onomastic Sciences. Warszawa: Kraków, V. I. P. 79–89.
- Кубрякова Е. С. 2004. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры. (Язык. Семиотика. Культура).

Милль Дж. Ст. 2011. Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательств и связи с методами научного исследования / Пер. с англ., предисл. и прил. В.К. Финна. Изд. 5-е, испр. и доп. М.: ЛЕНАНД. (Из наследия мировой философской мысли: логика).

Павиленис Р. И. 1983. Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка / <https://refdb.ru/look/2108566.html> (2017. 17 нояб.).

Подольская Н. В. 1988. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука.

Реформатский А. А. 1996. Введение в языковедение / Под ред. В. А. Виноградова. М.: Аспект Пресс.

Рут М. А. 2001. Антропонимы: размышления о семантике // Известия Уральского гос. ун-та 20, 59–64.

Супранская А. В. 2007. Общая теория имени собственного. Изд. 2-е, испр. М.: Изд-во ЛКИ.

Супрун В.И. 2000. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград: Перемена.

Шарандин А. Л. 2001. Курс лекций по лексической грамматике русского языка. Морфология: Учебное пособие по проблеме взаимодействия лексики и грамматики. Тамбов: Изд-во Тамбов. ун-та им. Г.Р. Державина.

Шмелев А. Д. 2002. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры. (Язык. Семиотика. Культура).

Щерба Л. В. 1974. Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность // <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba9.htm>. (2017. 15 окт.).

Щербак А. С. 2012. Когнитивные основы региональной ономастики. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина.

УДК 81.1

М. А. Еремина

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ¹

Аннотация. В статье представлен обзор научных трудов последних двух десятилетий, в которых с лингвистической точки зрения освещаются разные аспекты институциональных трудовых (профессиональных) отношений. Целью статьи является решение вопросов о том, какие объекты из сферы институциональных отношений попадают в поле зрения современной лингвистики, какая проблематика при этом формируется и какого рода методология используется. Обзор структурируется в соответствии с двумя основными составляющими института труда: трудовые ресурсы и организация труда.

Автором отмечается, что в области трудовых ресурсов объектом изучения преимущественно становятся профессиональный социолект (его структура, функциональная специфика его единиц, разница в составе и функционировании социолектов разных профессий); профессиональная коммуникация (жанровый состав речи, стратегии и тактики речевого поведения, социокультурная специфика видения мира представителей различных профессий); субъект труда как объект номинации и концептуализации. В аспекте организации труда приоритетным направлением лингвистических исследований можно считать выявление идеологических установок, регулирующих поведение и взаимодействие основных субъектов социально-трудовых отношений.

Предметная область социально-трудовых отношений исследуется лингвистами с точки зрения синхронии инструментами традиционной лексикологии, ономастологии, речеведения, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, лингвоперсонологии при помощи как описательного, так и сопоставительного метода.

Ключевые слова: лексика трудовых отношений; профессиональная коммуникация; профессиональный социолект; наименования лиц по профессии; концепт труда; идеология труда; научный обзор.

Сведения об авторе: Еремина Марина Артуровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и межкультурных коммуникаций Уральского государственного университета путей сообщения; научный сотрудник Российского государственного профессионально-педагогического университета.

Контактная информация: 620034, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, д. 66, ауд. Б-33; тел. 8(3466)273510; e-mail: marina_makridina@mail.ru.

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02075 «Русский социум в зеркале лексической семантики») / The study is supported by Russian Science Foundation (project No. 16-18-02075 «Russian Society in the Mirror of Lexical Semantics»).

THE INSTITUTIONAL LABOUR RELATIONS IN THE LINGUISTIC ILLUMINATION

Abstract. The article presents an overview of scientific works of the last two decades, which from a linguistic point of view highlights different aspects of institutional labour (professional) relations. The article aims to find answers to questions about what objects from the sphere of institutional relations come to the attention of modern linguistics, what's the issue with this is formed and what kind of methodology is used. The overview is structured in accordance with two main components of the institute of labour: labour resources and labour organisation.

The author notes that in the field of human resources by linguists primarily covers professional sociolect (its structure and functional specificity of its units, the difference in the composition and functioning of the sociolects of different professions); professional communication (genre part of speech, strategies and tactics of verbal behavior, socio-cultural specificity of the communicative behavior of different professional groups); agent of the labour (as an object of nomination and conceptualization). In the aspect of work organization as a priority direction of linguistic research can be considered the identification of ideological governing the behaviour and interaction of the main subjects of social and labor relations. The subject area of labor relations are studied by linguists from the point of view of synchrony tools traditional lexicology, onomasiology, cognitive linguistics, cultural linguistics with descriptive and comparative methods.

Key words: vocabulary of the labour relations; professional communication; professional sociolect; the names of persons in the profession; the concept of labour, ideology of work; scientific review.

About the author: Eremina Marina Arturovna, candidate of philological sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Intercultural Communications, Ural State University of Railway Transport; researcher, Russian State Vocational Pedagogical University.

В ходе общественной практики реализация потребности в целенаправленной и созидательной деятельности приводит к формированию устойчивых норм, правил, процедур, линий поведения и взаимодействия основных субъектов социально-трудовых отношений: наёмных работников и работодателей, которые поддерживаются общественным мнением, принимаются и узакониваются обществом. С точки зрения социологии, данный процесс является частным случаем институционализации как процесса определения и закрепления социальных норм, правил, статусов и ролей, приведения их в систему, которая способна действовать в направлении удовлетворения некоторой общественной потребности. Институциональные (профессиональные) трудовые отношения следует рассматривать через совокупность регулирующих правил и взаимосвязей между основными субъектами по поводу вопросов профессионального образования, трудоустройства, условий труда, распределения доходов, увольнения, выхода на пенсию. Принадлежность к сфере регулирования официальными органами, стандартизованность и устойчивость отличают данный тип от неинституциональных трудовых отношений, которые регулируются обычаем, не закрепляются документально и подвержены изменениям. Стоит отметить, что граница между двумя типами часто неочевидна, поскольку неинституциональные отношения лежат в основе любых институциональных образований. Так, максима традиционного общественного сознания о необходимости ответственно относиться к порученному делу, эксплицированная, в частности, в пословице *Вразумись здраво, начни рано, исполни прилежно*, имеет аналог в любой должностной инструкции: *Работник несет ответственность за надлежащее и своевременное исполнение возложенных на него должностных обязанностей, предусмотренных настоящей должностной инструкцией*.

Функционирование института труда является важной частью социальной и культурной жизни, в связи с чем актуальными представляются вопросы о том, какие объекты из сферы институциональных социально-трудовых отношений попадают в поле зрения современной лингвистики, какая проблематика при этом формируется и какого рода методология используется.

Структура обзора научных трудов по указанным вопросам определяется в соответствии с основными составляющими института труда: 1) **трудовые ресурсы** (человеческие ресурсы которые структурируются в зависимости от уровня образования, квалификации, профессии, статуса занятости и др.); 2) **социальная организация труда** (формы и методы

осуществления трудового процесса, которые обеспечивают развитие и реализацию трудового потенциала работника, оптимизируют личностные взаимоотношения в процессе трудовой деятельности, формируют удовлетворенность трудом) (Киселева 2011).

1. Языковой репрезентацией трудовой дифференциации общества выступает профессиональный социолект («подъязык», «подсистема языка»), изучаемый в современной науке с социолингвистической позиции. Связанная с исследованием социолекта проблематика включает в себя вопросы о его структуре (критерии разграничения, соотношение и взаимодействие терминов и некодифицированных единиц (профессионализмов)); о функциональной специфике структурных единиц социолектов; о разнице в составе и функционировании социолектов разных профессий. Круг филологов, проявляющих интерес к данным проблемам, обширен, в него входят Р.Х. Валиева (Валиева 2006), С.С. Польская (Польская 2011), М.А. Грачев (Грачев 2011), С.В. Лебедева (Лебедева 2011), В.М. Лейчик (Лейчик 2011) и др.

Различные аспекты профессиональной коммуникации («дискурса», «языкового поведения») давно привлекают внимание лингвистов. Как правило, они рассматриваются в рамках речеведческого подхода. Это направление представлено трудами Е.В. Харченко (Харченко 2003), Е.И. Головановой (Голованова 2004), С.В. Мыскина (Мыскин 2015), Е.А. Пономаренко (Пonomаренко 2014), М.И. Барсуковой (Барсукова 2007) и др. В большинстве работ подчеркивается социокультурная специфика видения мира, которая отражается в языковом сознании и коммуникативном поведении представителей различных профессиональных групп в рамках определенной корпоративной культуры. Помимо этого, предметом изучения выступают жанровый состав речи, стратегии и тактики речевого поведения, а также культура речи как условие эффективности профессионального общения.

Самостоятельное направление научных поисков в области профессиональной коммуникации представляет собой когнитивное терминоведение, центральной проблемой которого является соотношение терминосистем и профессиональных подъязыков со стоящими за ними структурами специального знания. В центре внимания терминоведов находятся: исследование языковой личности в профессиональной сфере (структура, типология, способы репрезентации языковой личности, методология лексикографического описания, методика дискурсивного исследования); анализ профессионального знания (типы и виды, форматы хранения и их специфика, динамика взаимосвязи с развитием терминосистем); разработка целостной типологии профессиональных дискурсов, субдискурсов, жанров профессиональной коммуникации; межъязыковое заимствование в сфере языков профессиональной коммуникации.

Особое место в сфере профессиональной коммуникации занимает субъект профессиональной деятельности. Наименования лиц по профессии и должности составляют объемную лексическую группу, которая в достаточно полном виде представлена в Словаре актуальных профессий, решающем следующие задачи: систематизация представления современных профессий, уточнение и прояснение характеристик целого ряда профессий, толкование актуальных видов деятельности (Голованова 2004).

Следует отметить неоднозначность подхода к наименованиям деятеля. В отечественном языкознании работы о наименованиях лиц по профессиональному статусу касаются либо способов номинации данной группы слов, либо структурной классификации, либо лингвистических характеристик данных единиц в словарном составе русского языка тех или иных исторических эпох. В основном же наименования лиц по профессии затрагиваются при анализе названий лиц вообще, часто при словообразовательном анализе.

Вопрос об изучении наименований лиц по профессии через призму единой ментальной (и соотносительной с ней языковой) категории профессионального деятеля, т.е. о рассмотрении их как системы имен, представляющих определенный фрагмент действительности в сознании человека на протяжении письменной истории одного языка, составляет

содержание монографического исследования Е.И. Головановой (Голованова 2008). Используя методологию когнитивной лингвистики, автор выявляет основные структуры знания, которые определяют концептуальное содержание данной категории, в том числе и в динамическом аспекте.

В изучении наименований профессий возможен также сопоставительный аспект, предполагающий сравнение лексики разных языков. Сам термин «профессия» становится объектом концептуального анализа в диссертационном исследовании А.А. Огановой (Оганова 2015).

Внимание исследователей привлекают также отдельные концепты имен деятелей, функционирующие в профессиональных дискурсах. При помощи методик когнитивной лингвистики и лингвокультурологии характеризуются понятийная, образная и ценностная составляющие концептов. Исследовательская ниша, связанная с изучением этого участка концептосферы русского языка, в настоящее время представлена работами, посвященными концептам учителя/учительницы (Арнаутова 2011; Смыслова 2007; Заречнева 2009; Попова 2012), предпринимателя (Иванова 2008), политика (Белкина 2004), писателя (Дячук 2005), врача/медика (Залялова 2007; Болокова 2009), милиционера (Залялова 2007). Специфическим классом слов в силу своей открытости является лексика концептуального поля «трудовые ресурсы», исследуемая в работе М.А. Костьевой в сопоставительном аспекте (Костьева 2008). Как особое, метапрофессиональное образование рассматривается концепт «услуга» в исследовании М.В. Прищепенко, одной из задач которого является сравнительный анализ репрезентации концепта в обиходном и институциональном типах общения (Прищепенко 2006).

В исследованиях стереотипных представлений о профессионально маркированном речевом поведении ключевым становится понятие «лингвокультурный типаж», пришедшее в современную лингвистику вместе с направлением лингвоперсонологии. Материалом для лингвокультурного моделирования становятся художественные или публицистические тексты, обыденный или институциональный дискурс. В качестве предмета анализа избираются понятийные, образные и оценочные характеристики типажа, особенности коммуникативного поведения избранного типажа (уровень речевой культуры, набор речевых стратегий и тактик), субъектное позиционирование данного типажа (различное оценочное осмысление этого типажа представителями определенных групп общества). На данный момент исследованы типажии представителей прежде всего социально-значимых профессий: врача (Щербаева 2010), учителя/учительницы (Попова 2012; Щербаева 2010), предпринимателя (Милехина 2006), а также межпрофессиональный типаж эксперта (Еремина 2016).

На стыке когнитивной лингвистики и лингвокультурологии находится исследование языковых репрезентаций и критериев выделения когнитивного стиля современного делового человека (бизнесмена, предпринимателя, управленца, менеджера), выполненное Е.А. Погодаевой (Погодаева 2009) на материале текстов из деловой прессы. Основным методом реконструкции образа делового человека в работе становится выявление набора фреймов, представляющих модель сознания делового человека.

2. Основанием для организации труда служит господствующая в обществе в конкретный исторический период идеология (концепция) труда. Официальная система представлений о труде формируется через средства массовой информации и отражается в идеологической составляющей концепта труда. Лингвокультурологическому исследованию труда в статусе идеологемы посвящены работы Г.В. Токарева (Токарев 2003), Н.А. Купиной (Купина 2005), С.Ю. Данилова (Данилов 2003), О.И. Черновой (Чернова 2004), М.А. Ереминой (Еремина 2013), А.К. Тентимишовой (Тентимишова 2016), О.В. Борщевой (Борщева 2011). Н.А. Купина обращается к толкованиям единиц, связанных с обозначением труда в эпоху социализма: *социалистическое соревнование, стаханов-*

вещи и др. (Купина 2005). С.Ю. Данилов, осуществляя лингвоидеологический анализ письменных работ десятиклассников на тему «Мой город», выявляет типовой сценарий смыслового развертывания идеологемы «труд» (Данилов 2003). Целью исследования О.И. Черновой является рассмотрение динамики идеологического содержания концепта «труд» в русском языке в период с 1933 по 2002 гг. (Чернова 2004). О семантических процессах деидеологизации труда в последнее десятилетие на материале современных публицистических текстов говорится также в статье М.А. Ереминой (Еремина 2013). В этом же ряду стоит научный труд Г.В. Токарева, в котором автор, используя культурно-семиотический подход, демонстрирует, что категория труда становится объектом нескольких дискурсов, в том числе и правового (Токарев 2003). В статье А.К. Тентимишовой рассматривается политический и идеологический слой концепта «труд», также анализируется языковая и когнитивная сторона широко распространенных в советское время крылатых выражений, призывающих к труду, объединению и обороне: *Пролетарии всех стран, объединяйтесь! Будь готов к труду и обороне!* (Тентимишова 2013).

Частью идеологии труда являются эксплицированные в виде фразеологических единиц суждения о труде, высказанные от лица политических лидеров. Функционированию фразеологических единиц со значением «Наличие/отсутствие трудовой деятельности» в политическом дискурсе русских СМИ посвящена статья О.В. Борщевой (Борщева 2011). В ней отмечается, что субъектами труда могут выступать политические деятели, страны и народ. Наиболее частотными фразеологическими единицами являются *люди труда, место работы, не у дел, общественный деятель, плоды труда, выйти в отставку, выработать/выработать норму, план, Герой Социалистического Труда, делать дело*.

Таким образом, наиболее перспективными направлениями, связанными со сферой социально-трудовых отношений, в современной русистике, являются:

- 1) изучение субъекта труда как объекта номинации и концептуализации, носителя социолекта и участника профессиональной коммуникации;
- 2) выявление идеологических установок, регулирующих поведение и взаимодействие основных субъектов социально-трудовых отношений.

Предметная область социально-трудовых отношений исследуется лингвистами с точки зрения синхронии инструментами традиционной лексикологии, ономазиологии, речеведения, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, лингвоперсонологии при помощи как описательного, так и сопоставительного метода.

В заключение отметим, что представленное в статье исследовательское пространство можно расширить за счет разработки идеографии лексики социально-трудовых отношений. Идеографическое описание этого обширного, с учетом диалекта, лексического материала обладает несомненной актуальностью и новизной.

ЛИТЕРАТУРА

- Арнаутова О.А. 2011. Реализация ядра концептуального пространства «Учитель учение ученик» в русской лингвокультуре // Известия ЮФУ. Технические науки 10, 8–17.
- Барсукова М.И. 2007. Медицинский дискурс: стратегии и тактики речевого поведения врача: Дис. ... канд. филол. наук. Саратов.
- Белкина О.Е. 2004. Русско-французская дискурсная практика (Реконструкция концепта «политик»): Дис. ... канд. филол. наук. М.
- Болокова Н.К. 2009. Лингвокультурологический анализ концепта «врач/медик»: на материале русского и английского языков: Дис. ... канд. филол. наук. Краснодар.
- Бондарчук М.Н., Колчанова А.В. 2007. Лингвокогнитивный анализ наименований профессионального деятеля в авиационной сфере // Голованова Е.И. (отв. ред.). Языки профессиональной коммуникации: Сб. статей участников Третьей международной научной конференции (Челябинск, 23–25 октября 2007 г.). Челябинск: Энциклопедия, 345–349.
- Борщева О.В. 2011. Отношение к труду в политическом дискурсе (на материале русской фразеологии) // Политическая лингвистика 4, 67–70.

- Валиева Р.Х.* 2006. Универсальное и национально-специфическое в профессиональном подязыке: Дис. ... канд. филол. наук. Казань.
- Голованова Е.И.* 2008. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке. М.: Эллис.
- Голованова Е.И.* 2004. Словарь актуальных профессий. Челябинск: Челябинский гос. ун-т.
- Грачев М.А.* 2011. К вопросу об изучении социолектизмов в профессиональном языке силовых структур // Вестник Челябинского гос. ун-та 24, 211–213.
- Данилов С.Ю.* 2003. Очаги напряжения и конкуренция идеологием // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 507–525.
- Дячук Т.В.* 2005. Концепт «писатель» в литературных воспоминаниях второй половины XIX – начала XX веков: Дис. ... канд. филол. наук. СПб.
- Епимахова А.Ю.* 2011. Когнитивно-коммуникативный подход к заимствованию в профессиональных сферах языка // Вестник Челябинского гос. ун-та 24, 137–139.
- Еремина М.А.* 2016. Своеобразие лингвокультурного типажа «эксперт» в представлении телеведущей Э. Хромченко // Гуманитарные научные исследования 10 // <http://human.snauka.ru/2016/10/17233> (2017. 11 нояб.).
- Еремина М.А.* 2013. Представление концепта «труд» в публицистических текстах // Себелева А.А. (отв. ред.). Югра, Сибирь, Россия: политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию высшего филологического образования в Ханты-Мансийском округе – Югре. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 77–74.
- Залялова Р.Р.* 2007. Лингвокогнитивный аспект профессионального анекдота: Дис. ... канд. филол. наук. Казань.
- Заречнева Е.Н.* 2009. Социокультурный концепт «учитель»: когнитивно-дискурсивное исследование: Дис. ... канд. филол. наук. Барнаул.
- Иванова М.М.* 2008. Языковая объективация концепта «предприниматель» в русском языке Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж.
- Киселева В.А.* 2011. Экономика труда: Учеб. пособие. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ.
- Костьева М.А.* 2008. Концепт «трудовые ресурсы» и его реализация в языке и культуре в сопоставительном освещении: на материале английского и русского языков: Дис. ... канд. филол. наук. М.
- Купина Н.А.* 2005. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь: Западно-Уральский учебно-научный центр.
- Лебедева С.В.* 2011. Проксимины в языке профессии // Вестник Челябинского гос. ун-та 24, 26–28.
- Лейчик В.М.* 2011. Профессиональная и непрофессиональная лексика в профессиональных и непрофессиональных LSP // Вестник Челябинского гос. ун-та 24, 29–32.
- Милехина Т.А.* 2006. Российские предприниматели и их речь (образ, концепты, типы речевых структур): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов.
- Мыскин С.В.* 2015. Типология профессиональных коммуникативных ситуаций // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность 2, 40–56.
- Оганова А.А.* 2015. Концепт «Профессия» в испанском и русском языковом сознании: Дис. ... канд. филол. наук. Пенза.
- Польская С.С.* 2011. Структура и функционирование профессионального социолекта: на материале английского языка: Дис. ... канд. филол. наук. М.
- Пономаренко Е.А.* 2014. Жанровая организация речевого общения врача и пациента: на материале художественных произведений писателей-врачей: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Симферополь.
- Попова С.В.* 2012. Лингвокультурный типаж «школьная учительница»: субъектное позиционирование: Дис. ... канд. филол. наук. Астрахань.
- Погодаева Е.А.* 2009. Репрезентация когнитивного стиля современного делового человека в текстах деловой прессы: Дис. ... канд. филол. наук. Барнаул.
- Прищепенко М.В.* 2006. Метапрофессиональный концепт «услуга» в обиходном и институциональном дискурсе (на материале английского языка): Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград.
- Смыслова С.Л.* 2007. Концепт «учитель» в русском педагогическом дискурсе рубежа XIX–XX веков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень.
- Чернова О.Е.* 2004. Концепт «труд» как объект идеологизации: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург.
- Тентимшиова А.К.* 2016. Политический и идеологический слой концепта «труд» в эпоху социализма // Кутаев Ш.К. (отв. ред.) Актуальные проблемы современной науки в 21 веке: Сб. материалов X международной научно-практической конференции. Махачкала: Апробация, 125–128.
- Токарев Г.В.* 2003. Дискурсивные лики концепта. Тула: Изд-во ТГПУ.

Харченко Е.В. 2003. Модели речевого поведения в профессиональном общении. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ.

Щербаева А.А. 2010. Лингвокультурные типажи «учитель» и «врач»: общекультурные и индивидуально-авторские характеристики: на материале прозы А.П. Чехова: Дис. ... канд. филол. наук. Краснодар.

УДК 81'373.47

Ю. В. Корнейчук

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ОНЛАЙН-ИГРЕ «ГОДВИЛЛЬ»

Аннотация. Язык является неотъемлемым элементом каждого носителя речевой культуры. Речь человека определяется как правильная, если он знает и учитывает в своей коммуникации нормы орфоэпии, словообразования, морфологии, синтаксиса. Однако этого мало. Человек достигает высшего уровня речевой культуры, если располагает связной и правильной речью. Это значит, что он не только не допускает ошибок, но и умеет наилучшим образом строить высказывания в соответствии с целью общения, отбирать наиболее подходящие в каждом случае слова и конструкции, учитывая при этом, к кому и при каких обстоятельствах он обращается. Также очень важны для речевого взаимодействия коммуникативные качества речи, такие как точность, логичность, ясность, чистота, содержательность, богатство и выразительность. Последнее из названных коммуникативных качеств речи достигается и с помощью введения в текст высказывания языковой игры.

Актуальность данной статьи обусловлена недостаточной разработанностью темы языковой игры в пространстве всемирной сети Интернет. Языковая игра определяется как игра слов, один из способов создания комического, способ, в котором закодировано вербальное послание. Языковая игра позволяет значительно расширить творческий потенциал языка на всех его уровнях: фонетическом, лексическом, словообразовательном и других.

Сравнительный анализ позволяет изучить и систематизировать примеры проявления языковой игры в одной из распространенных браузерных многопользовательских игр в сети Интернет «Годвилль».

Целью данной работы является определение видов и приемов языковой игры в текстовом пространстве конкретного онлайн-проекта.

Ключевые слова: языковая игра; крылатое выражение; фразеологизм; устойчивое сочетание.

Сведения об авторе: Корнейчук Юлия Васильевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры филологии и массовых коммуникаций Нижневартковского государственного университета.

Контактная информация: 628624, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 3Б, ауд. 305; тел.: 89195301761, e-mail: julkorneichuk@mail.ru

J. V. Korneychuk

LANGUAGE PLAY IN THE ONLINE GAME «GODVILLE»

Abstract. Language is an essential element of each carrier of voice culture. Human speech is defined as correct if it knows and considers in its communication, the norms of orthoepy, vocabulary building, morphology, syntax. However, this is not enough. Man reaches the highest level of speech culture, if it has a coherent and correct speech. This means that he not only mistakes, but also knows how best to build statements in accordance with the purpose of communication, select the most suitable in each case words and constructions, taking into account, to whom and under what circumstances he is addressing. It is also very important for speech interaction communicative qualities of speech, such as accuracy, consistency, clarity, purity, richness, richness and expressiveness. The last of these communicative qualities of speech and is achieved by introducing in the text of the statements of the language game.

The relevance of this article due to the insufficient development of the topic of the language game in the space of the world of the Internet. A language game is determined by the play on words, one way of creating a comic, the way in which a coded verbal message. Language game allows you to significantly expand the creative potential of the language at all its levels: phonetic, lexical, derivational, and others.

Comparative analysis allows to study and systematize the examples of language play in one of the most common browser-based multiplayer games on the Internet «Godville».

The aim of this work is to define the types and methods of language game in the text space specific online project.

Key words: language game; a proverb; an idiom; a sustainable combination.

About the author: Korneychuk Julija Vasil'evna, Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer of Department of philology and mass communications, Nizhnevartovsk State University.

Языковая игра – это определенный тип речевого поведения говорящих, который основан на преднамеренном (сознательном и продуманном) нарушении системных отношений языка. Деструкция речевой нормы в данном случае своей целью определяет создание неканонических языковых форм и структур, приобретающих в итоге этой деструкции экспрессивное значение и способность вызвать у читателей стилистический эффект (Языковая игра ...).

Термин «языковая игра» был введен Людвигом Витгенштейном в его труде «Философские исследования» (1953 г.). Как правило, языковая игра может проходить на всех уровнях языка, начиная с фонетического и заканчивая синтаксическим. Новообразованные конструкции создаются на основе уже известных слушателям или читателям, что позволяет провести аналогию и оценить стилистику языковой игры.

Уже давно языковая игра перестала быть показателем исключительно печатных трудов или разговорного стиля, перейдя в интернет. Примером этого может служить онлайн-игра «Годвилль». Это многопользовательская текстовая игра в жанре ZPG (Zero Player Game), т.е. игра, в которой включение игрока осуществляется в минимальном размере.

Игрок в «Годвилле» предстает в виде бога, следящего за приключениями своего героя. Сам герой попадает в различные ситуации, описанные в текстовом режиме. И это позволяет в полной мере проявить в данном случае языковую игру.

Первая группа языковых конструкций, присутствующая в «Годвилле», – это высказывания, представляющие фразеологизмы в прямом значении. Например: «Довела монстра до белого каления. Красиво». В данном случае обыгрывается фразеологизм «довести до белого каления», раскрывающий не глубокий переносный смысл «привести в состояние сильного раздражения», а прямое значение – довести металл до состояния сильного нагрева в зависимости от определенной температуры. Первоначально металл светится красным, затем желтым светом, и, наконец, ослепительно белым.

«На душе скреблись кошки, но Вульф их прогнал. Полегчало». Видоизменен фразеологизм «на душе кошки скребут» со значением «очень сильного беспокойства, тревоги». В отличие от переносного смысла фразеологизма, этих кошек можно просто прогнать, обеспечив себе тем самым если не радостное, то, по крайней мере, спокойное состояние души. (Вульф – имя питомца в игре. – прим. автора).

«С интересом смотрела, как Гореограф валяет дурака». Фразеологизм «валять дурака», обозначающий «без труда проводить свое время, бездельничать» превращен в обозначение действия глагола «валять» – «ворочать с боку на бок, катать». Это же высказывание можно отнести и к группе словообразовательной языковой игры.

«Лебединая пенсия». Фразеологизм «лебединая песня», имеющий значение «проявление чего-либо в последний раз», преобразован в словосочетание «лебединая пенсия» со значением «период жизни, в течение которого можно совершить что-то яркое и необычное».

«Мешочек танталовой муки». Фразеологизм «танталовые муки» со значением «недостижимость находящейся рядом цели и мучения, испытываемые от осознания этого» трансформируется в «Годвилле» в выражение «мешочек танталовой муки», переводя первоначальное значение в область наименования конкретного продукта.

«Самоучитель игры на нервах». Устойчивое сочетание «играть на нервах», т.е. «намеренно кого-либо раздражать, доводить» используется в «Годвилле» в качестве пояснения к слову «самоучитель», что значит «самостоятельное обучение чему-либо», в том числе и доведению собеседника до состояния злости.

Вторая группа – устойчивые словосочетания, преподносящиеся в видоизмененном виде. Например: «Попала под небольшой кровопролитный дождь». Словосочетание «кровопролитное сражение/кровопролитная битва» обыгрывается в «Годвилле» совместно с

устойчивым словосочетанием «попасть под дождь». В итоге получается совмещение в виде фразы, выражающей прямое значение обоих словосочетаний.

«Анатомический глобус». Рассматривается изменение сочетания «анатомический атлас» – книга или учебное пособие, в котором представлены структурно выстроенные сведения, касающиеся строения человека, его скелета, мышц, внутренних органов и систем организма. В атласе, анатомическом или географическом, как правило, представлена двухмерная модель мира или строения человеческого тела, тогда как глобус представляет трехмерную модель Земли. В данном случае получается, что представлена трехмерная модель анатомии человеческого тела.

«Взбитые сливки общества». Сочетание выражений «взбитые сливки», которое относится к наименованию одного из молочных продуктов, и «сливки общества», которое обозначает «верхи, высший социальный слой общества», дает возможность предположить несколько вариантов: от «каких-либо потрясений среди верхов» до «утонченной элиты общества».

«Картина салом». В основе лежит изменение устойчивого сочетания «картина маслом», обозначающего некое впечатляющее, запоминающееся зрелище негативного характера.

«Иррациональное зерно». Устойчивое сочетание, поясняющий элемент которого в тексте игры представлен со словообразовательным элементом «ир», меняющим значение на противоположное – вместо «обладающий долей истины, заключающий в себе разумную идею» – «представляющий деструктивную точку зрения».

«Кафельный стаканчик». Мучное кондитерское изделие в рассматриваемом варианте приобретает значение «несъедобного предмета, относящегося к обустройству жилища».

Третья группа создана из видоизмененных выражений, взятых из известных фильмов, мультфильмов или книг. Например: «Трухлявый Энт-лесоруб». Энты в оригинале – герои произведений Дж.Р.Р. Толкиена, внешне похожие на деревья. В данном случае обыгрывается два смысла: во-первых, оксюморон – Энт-лесоруб, т.е. совмещение несовместимого: энты не могут быть лесорубами, поскольку очень близки к лесу и сроднились с ним. Во-вторых, понятие «трухлявый», которое применимо к обозначению дерева или того, что от дерева осталось, – пня, и напоминает устойчивое словосочетание «трухлявый пень».

«Гадкий Котенок погиб в процессе извлечения трофея». Обыгрывается наименование одного из персонажей Г.Х. Андерсена из одноименной сказки «Гадкий утенок».

«Баллон с легким паром». Можно проследить отсылку к легендарному фильму «Ирония судьбы, или С легким паром» Эльдара Александровича Рязанова, вышедшему на экраны 31 декабря 1975 г. В русском языке существует словосочетание «баллон с (наименование или характеристика) газом», нередко включающее также конкретное название газа или его характеристику: баллон со сжатым воздухом или баллон с гелием.

«Идентификатор борнов». Напоминание о фильме «Идентификация Борна», вышедшем на экраны в 2002 г. (режиссер Даг Ламайн). В «Годвилле» понятие идентификации, т.е. установления тождественности, соответствия реального, известного объекта неизвестному, видоизменяется в имя существительное «идентификатор» – некий прибор, позволяющий установить соответствие, в данном случае с некими борнами (искажение имени собственного главного героя фильма, переход имени собственного в нарицательное).

«Билетик на место под солнцем». В данном случае возможна отсылка к фильму 1951 г. «Место под солнцем» (режиссер Джордж Стивенс) либо к крылатому словосочетанию, обозначающему «право на существование». В тексте игры «билетик на место под солнцем» обозначает наличие документа, открывающего доступ куда-либо, в определенное место – под солнцем.

«Блошиная подкова». Фраза, используемая в игре, является явной отсылкой к произведению Николая Семеновича Лескова «Левша», в котором русский мастер-умелец подковал блоху.

«Буренький цветочек». Отсылка к сказке Сергея Тимофеевича Аксакова «Аленький цветочек», однако в игре опять проявлен «черный юмор», и классический аленький цветочек превращается в цветочек буренький, предполагающий один из оттенков коричневого цвета, а также ассоциацию со словосочетаниями «бурый медведь» и «бурый рис».

«Сборник воганских стихов». Напоминание о первом романе из одноименного цикла английского писателя Дугласа Адамса (1979) «Автостопом по галактике». Одна из встречающихся в произведении рас жителей вселенной – воганы – была увлечена сочинением стихов, однако плоды их творческой мысли, которые они заставляли слушать других принудительно, были ужасны. Этот юмористический момент и обыгрывается в Годвилле.

Четвертая группа – фразы, построенные на использовании многозначных слов. Например: «Бродячий менестрель сказал, что мне надо бы почитать художественную литературу. Еще чего! Я почитала и буду почитать только Великую!» (Великая – одно из имен игрока. – прим. автора). В рассматриваемом случае глагол «читать» или «почитать» в значении «некоторое время читать что-либо» и в значении «уважать кого-либо, поклоняться кому-либо» используется в соединении первого и второго своих значений.

Пятая группа – омонимические выражения. К примеру: «Разглядела затухающие огненные буквы на горизонте: ты должен обыграть современника в классики». Понятие «классики (русской) литературы» обыгрывается с названием игры, в которую некоторое время назад любили играть школьники. В «Годвилле» получается смысл «выиграть у современника в игру “классики”».

Пятая группа – выражения, построенные на словообразовательной языковой игре. Например: «Икс-икс-эльф вдруг лукаво улыбнулся, отвесил шатающейся мне щелбан и ушел, отечески потрепав меня лапой по уху». Обыгрывается наименование размера XXL (икс-икс-эль) и созвучное последней части слово «эльф».

«Плащ-кровать». Исходное сложное слово «плащ-палатка» превращается с заменой второй части в «плащ-кровать» – более уютный вид мебели для отдыха, особенно с учетом уменьшительно-ласкательного суффикса. Однако оставшийся в обоих вариантах словообразовательный элемент «плащ» сохраняет дополнительное значение «походный».

Шестая группа – фразы, обыгрывающие наименование профессий. Например: «Противовоздушный Гимнаст». Оригинальное, правильное звучание профессии – воздушный гимнаст – в «Годвилле» получает свой второй смысл, указывающий на иные, противоположные особенности вида занятости.

Седьмая группа – выражения, в которых заложены несовместимые понятия, выражения, в основе которых лежит оксюморон. Например: «аптечка последней помощи». В основе данной языковой игры лежит словосочетание «аптечка первой (медицинской) помощи», обыгранное с мрачным юмором Годвилля.

«Большой энциклопедический букварь». Букварь в своей основе предполагает учебное пособие для обучения грамоте, т.е. начальный уровень изучения; энциклопедия же, наоборот, является средоточием системы знаний, это высокий, если не высший уровень знаний в какой-либо области. В игре «большой энциклопедический букварь» представляется источником большого знания по основам.

«Вершки корешков». Отсылка к русской народной сказке, в которой медведь раз за разом старался выбрать из посевов то, что было вкуснее, однако ни разу не смог обмануть хитрого мужика. Вершки корешков – тот самый невероятный вариант, когда есть возможность соблюсти свои интересы и все-таки получить выгоду. Примечательно, что в кроссвордах «вершки корешков» обозначаются как «ботва».

«Квадратный шар». Совмещение несовместимых размеров – правильного четырёхугольника и геометрического тела, у которого все точки находятся на равном удалении от центра. В игре квадратный шар представляется неким единством двух форм.

«Сборник “Из ненаписанного”». Сборник – это какое-либо уже изданное собрание произведений, тогда как понятие «ненаписанное» подразумевает противоположный смысл – еще не вышедшие в свет, не опубликованные творения автора.

Восьмая группа – бывшая языковая игра. «Банка бесцветной краски». Само понятие «краска» подразумевает изначально наличие какого-либо цвета. В словарях мы находим следующее определение: краска – это вещество, придающее тот или иной цвет предметам, которые оно покрывает или пропитывает. Однако в настоящее время в индустрии красоты или в области пошива обуви появились понятия, обозначающие «бесцветную краску для волос», «бесцветное тонирование» или «бесцветную краску для замши или нубука» в качестве средств, поддерживающих здоровье волос или хорошее состояние обуви. Таким образом, сочетание «банка бесцветной краски» вполне может соответствовать новым реалиям языка и быть исключено из языковой игры.

«Бульонный параллелепипед». В русском языке с определенного времени закрепилось понятие «бульонный кубик», связанное с пищевым продуктом – спрессованным овощным или мясным обезвоженным бульоном. Однако если присмотреться к действительной форме данного продукта, то можно заметить, что бульон прессуется именно в виде не кубика, а параллелепипеда со стороны, равной примерно пятнадцати миллиметрам. Можно встретить мнения, что первоначально этот продукт создавался в виде маленького куба или же носители языка изменили название с целью удобства произношения при покупке. Можно предположить, что в «Годвилле» всего лишь пронаблюдали истинную форму оформления продукта и акцентировали на этом внимание.

Таким образом, в онлайн-игре «Годвилль» языковая игра представлена в разных аспектах: словообразовательном, лексическом и фразеологическом. Отсылки к известным выражениям, крылатым фразам, фразеологизмам, изменение существующих понятий по определенным схемам позволяет игрокам более емко ощутить игровую атмосферу и оценить, каким образом языковые реалии настоящего мира были трансформированы и адаптированы применительно к миру игровому.

ЛИТЕРАТУРА

Языковая игра // Стилистический энциклопедический словарь русского языка // <https://stylistics.academic.ru/271/> (2017. 03 нояб.).

УДК 821.161.1

О. М. Култышева¹, Р. А. Кулашкина²

СКАЗКОТЕРАПИЯ В РАБОТЕ СО ВЗРОСЛЫМИ (НА МАТЕРИАЛЕ «СКАЗОК ДЛЯ ДЕТЕЙ ИЗРЯДНОГО ВОЗРАСТА» М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА И «СКАЗОЧЕК НЕ СОВСЕМ ДЛЯ ДЕТЕЙ» Л.Н. АНДРЕЕВА)

Аннотация. Актуальность и новизна комплексной сказкотерапии заключается в стремлении к объединению многих методических, педагогических, психотерапевтических приемов в едином сказочном контексте и адаптации их к психике человека. Необходимо подчеркнуть, что метод сказкотерапии применяется в совокупности с другими методами и приемами учебно-воспитательной работы. Причем применение такой методики не имеет возрастных ограничений и позволяет повлиять как на ребенка, так и на взрослого человека.

Цель настоящей статьи – обосновать возможность активизации во взрослом человеке творческого, создающего начала, раскрытия глубин его внутреннего мира, развития самосознания индивидуума посред-

вом «сказкотерапии» (построенной на материале сказок для взрослых, а именно: «Сказок для детей изрядного возраста» М.Е. Салтыкова-Щедрина и «Сказочек не совсем для детей» Л.Н. Андреева).

Задачи статьи: охарактеризовать возможность применения сказок для взрослых как одного из видов здоровьесберегающих технологий; обосновать возможность использования сказкотерапии для создания благоприятной психологической атмосферы (например, в педагогическом коллективе), обогащения эмоционально-чувственной сферы человека; определить возможность развития и «привития» художественной культуры через интегративные образовательные области посредством сказок для взрослых М.Е. Салтыкова-Щедрина и Л.Н. Андреева.

Гипотеза, выдвигаемая в статье: если психологически воздействовать на взрослого человека посредством такого метода как сказкотерапия, это может привести к обогащению его эмоционально-чувственной сферы, активизации творческого, созидющего начала, раскрытию глубин его внутреннего мира, развитию самосознания, что повлечет за собой создание благоприятной психологической атмосферы в коллективе.

Ключевые слова: сказкотерапия; здоровьесберегающая технология; психологический климат в коллективе.

Сведения об авторах: Кultyшева Ольга Михайловна¹, доктор филологических наук, профессор кафедры филологии и массовых коммуникаций Нижневартковского государственного университета; Кулашкина Регина Александровна², заместитель директора по воспитательной работе МБОУ «СШ № 3».

Контактная информация: 628609, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 36, ауд. 305; тел.: 8(3466)273510; e-mail: kultyшева@inbox.ru¹; e-mail: vregina@yandex.ru².

O. M. Kultyшева¹, R. A. Kulashkina²

**THERAPY THROUGH THE FAIRY TALE IN WORK WITH ADULTS
(ON MATERIAL «FAIRY TALE FOR CHILDREN OF THE EARLY AGE» M.E. SALTYSKOV-SHCHEDRIN AND «FAIRY TALKS IS NOT AVAILABLE FOR CHILDREN» L.N. ANDREEV)**

Abstract. The urgency and novelty of complex fairy tale therapy consists in the desire to unite many methodological, pedagogical, and psychotherapeutic methods in a single fantastic context and to adapt them to the human psyche. It must be emphasized that the method of fairy-tale therapy is used in conjunction with other methods and methods of teaching and educational work. Moreover, the use of such a technique has no age limits and can affect both the child and the adult.

The purpose of this article is to justify the possibility of activating in the adult person a creative, creative beginning, revealing the depths of his inner world, developing the individual's self-awareness through «fairy tale therapy» (built on the material of fairy tales for adults, namely: «Fairy tales for children of fair age» Saltykov-Shchedrin and «Fairy-talks not exactly for children» Andreev).

The objectives of the article: describe the possibility of using fairy tales for adults as one of the types of health-saving technologies; to substantiate the possibility of using fairy-tale therapy to create a favorable psychological atmosphere (for example, in a pedagogical collective), enriching the emotional-sensory sphere of a person; to determine the possibility of developing and «inculcating» artistic culture through integrative educational fields through fairy tales for adults Saltykov-Shchedrin and Andreev.

The hypothesis put forward in the article: if psychologically acting on an adult by means of such method as fairy-tale therapy, it can lead to enrichment of his emotional-sensory sphere, activation of creative, creative beginning, revealing the depths of his inner world, development of self-consciousness, which will entail the creation favorable psychological atmosphere in the team.

Key words: therapy by means of a fairy tale; health saving technology; psychological climate in the team.

About the authors: Kultyшева Olga Mikhailovna¹, Doctor of Philology, Professor of the Department of Philology and Mass Communications of Nizhnevartovsk State University; Kulashkina Regina Aleksandrovna², deputy director for educational work "Secondary School № 3".

Сказки могут помочь воспитать ум, дать ключи для того,
чтобы войти в действительность новыми путями...

Д. Родари

Сказкотерапия – это один из методов психологического воздействия на человека, который способствует развитию личности и коррекции уже сформировавшихся сугубо индивидуальных проблем. Инструментом данного направления терапии являются сказки, в которых можно проследить определенный стиль поведения и варианты решения жизненных ситуаций со стороны. В понимании Т.Д. Зинкевич-Евстигнеевой сказкотерапия – это не просто направление психотерапии, а синтез многих достижений психологии, педагогики, психотерапии и философии разных культур (Зинкевич-Евстигнеева 2000: 12). «Лече-

ние сказкой» необходимо, если у человека наблюдаются эмоционально-личностные и поведенческие проблемы: агрессивность, тревожность, страхи, застенчивость и неуверенность в себе.

Сказкотерапию можно понимать и как один из видов здоровьесберегающих технологий. Сказка позволяет актуализировать, осознать свои проблемы и увидеть различные пути их решения. Сказкотерапия является самым древним психологическим и педагогическим методом. Издавна жизненный опыт передавался через образные истории. Однако опыт опыту рознь. Можно просто рассказать историю, которая недавно произошла. А можно не просто рассказать интересный сюжет, но и сделать определённый вывод, или задать вопрос, который бы подтолкнул слушателя к размышлениям о жизни. Именно такие истории являются терапевтическими. И именно они являются основой сказкотерапии.

Выделяют пять видов «терапевтических» сказок:

- художественные сказки – народные и авторские;
- дидактические сказки – создаются для подачи учебного материала;
- психокоррекционные сказки – создаются для мягкого влияния на поведение человека;
- психотерапевтические сказки – раскрывают глубинный смысл происходящих событий;
- медитативные сказки – создаются для накопления положительного образного опыта, снятия психоэмоционального напряжения (Соколов 2000: 7).

Впервые услышав о сказкотерапии, большинство людей твердят, что они уже не дети и им это не нужно. Но сказки, как и мультфильмы, бывают разные. Сказкотерапия – это самостоятельное написание или обсуждение сказок других авторов (или народных) с целью избавления от проблем. Сказкотерапия для взрослых отличается от детской только степенью и характером трудностей, желаний и тревог. Одна и та же сказка помогает разным людям найти в ней частичку своей проблемы, подставить своих действующих лиц и найти пути решения ситуации. Однако в каждом конкретном случае сказка должна быть подобной тем жизненным обстоятельствам, которые она призвана помочь преодолеть.

Преимущество сказкотерапии состоит в том, что она вмещает в себя множество необходимых технологий, начиная с диагностики, профилактики, развития индивидуальности и заканчивая коррекцией. Можно выделить такие направления и функции данной методики, как:

1. **Сглаживание барьеров между терапевтом и клиентом.** Позволяет быстро наладить контакт и настроиться на дальнейшую работу.

2. **Анализ глубоко спрятанных в памяти проблем.** Детские обиды, которые негативно отражаются на жизни человека, можно будет проследить в любимой сказке клиента или придуманной им самим.

3. **Выход из сложных, неоднозначных жизненных ситуаций.** На примерах героев сказок можно найти выход из любой неурядицы, ведь все рассказы несут в себе поучительный смысл. Вполне возможно, что кто-то уже переживал такие же проблемы и смог побороть их определенным образом.

4. **Актуализация скрываемых клиентом личностных моментов.** Даже если человек пытается скрыть от психолога-терапевта беспокоящие его проблемы, не считая их особо важными, сделать это не удастся, ведь подсознание все равно раскроет их в обсуждении или сочинении сказок.

5. **Отображение внутреннего конфликта.** Предоставляется возможность выявить противоречия в себе и через сказку поразмыслить над ними (Соколов 2000: 12).

Рассмотрев направления и функции сказкотерапии, можно утверждать, что данный метод помогает побороть фобии, привить элементарные бытовые навыки и любовь к окружающей среде, развить фантазию и словарный запас, раскрыть индивидуальность, пре-

достеречь от неприятностей, поднять самооценку, отделить добро от зла, научить преодолевать жизненные трудности.

Познав суть сказкотерапии и научившись пользоваться ее технологиями, взрослые, порой под действием страха не найти выход из сложных жизненных ситуаций, обретают подсазки в обычных сказочных историях.

На сегодняшний день сказкотерапия для взрослых стала популярной, ей все больше отдают предпочтение в диагностике и коррекции различных психологических состояний, в том числе и с целью создания благоприятной (дружественной) атмосферы в рабочем коллективе.

Данный вид терапии можно применять в работе со взрослыми такими способами:

- **Обсуждение уже написанного сказочного произведения.** Открывает новые грани возможностей индивидуума; человек объясняет содержание сказки согласно своим убеждениям, что раскрывает его сущность.

- **Написание сказки.** Придумывать свое произведение можно вместе с человеком, проводящим сказкотерапию, который поможет выявить по содержанию сочиненной сказки проблемный аспект и избавиться от него.

- **Проигрывание сказки.** При данном способе происходит переживание пугающей ситуации, что способствует выплескиванию внутренних эмоций наружу и, таким образом, избавлению от них.

Главным аспектом применения сказкотерапии в работе со взрослыми является их осознание, которое предоставляет возможность принять свои душевные процессы и контролировать их. Выход в «волшебное пространство» позволяет порой все неурядицы и проблемы перенести на персонажей. Нередко человек, воспользовавшийся сказкотерапией, обретает цель в жизни.

Очевидно, что более оправданным является применение сказкотерапии для взрослых на основе сказок, ориентированных на взрослого читателя.

Своеобразие жанра «сказок для взрослых» заключается в отображении в сказках исторической действительности и ориентации на взрослого читателя. Основная коммуникативная цель сказок для взрослых – произвести на читателя определенное эстетическое воздействие, апеллировать к его эмоциональной и интеллектуальной сфере с целью нравственного очищения, создания негативного отношения к проявлению зла, чувства сопереживания добру в его вечной борьбе со злом. Поскольку сказка иллюстрирует проблемы общества и человека в нем, то дидактическая цель заключается в воздействии на интеллектуальную сферу адресата, стремлении автора сказки донести до читателя поучительный или познавательный смысл, преподнести урок.

Взаимодействие в литературной сказке для взрослых иносказательного фантастического и мира современных бытовых реалий отвечает неоромантическому двоемирию: «сверхъестественное» формирует фон для происходящих событий: бытовое уживается с «аурой» таинственности, чудеса подвергаются бытовому комментарию, любая деталь может стать символом, осознаваемым только взрослым читателем.

Материалом для применения сказкотерапии в работе со взрослыми могут быть, например, «Сказки для детей изрядного возраста» великого сатирика М.Е. Салтыкова-Щедрина, которые базируются на лучших традициях народно-поэтического творчества и предшествовавшей им русской и зарубежной литературы. В них отражены социально-политические проблемы, которые по сей день имеют большую актуальность.

М.Е. Салтыков-Щедрин создал своего рода сатирическую энциклопедию русской жизни. Сказки подвели итог 40-летней работе писателя и создавались в течение четырех лет: с 1882 по 1886 гг. В цикле «Сказок для детей изрядного возраста» содержится 32 произведения (М.Е. Салтыков-Щедрин в русской критике 1959: 76).

Писатель сознательно создает «сказки для детей изрядного возраста», т.е. для взрослого читателя. «“Сказки для детей изрядного возраста” Салтыкова-Щедрина – итог творческого пути писателя, который привел на вершину горькой сатиры. И эту вершину еще никто не покорил... Его сказки не для детей. Но эти взрослые сказки должны прочитать дети, которые неизбежно станут взрослыми», – считает исследователь А.С. Бушмин (Бушмин 1984: 79).

Салтыков-Щедрин обращается к жанру сказки с целью открыть взрослому читателю глаза на современную жизнь. Сказка по простоте своей формы была доступна любому, даже неискушенному читателю, и поэтому представляла опасность для властей. Недаром цензор Лебедев говорил: «Намерение г. С. издать некоторые свои сказки отдельными брошюрами более чем странно. То, что г. С. называет сказками, вовсе не соответствует своему названию; его сказки – это та же сатира, и сатира едкая, тенденциозная, более или менее направленная против общественного и политического нашего устройства» (Лебедев 1999: 94).

Поскольку созданные Салтыковым-Щедриным сказки для взрослых иллюстрируют проблемы общества и человека в нем, то их дидактическая цель заключается в воздействии на интеллектуальную сферу адресата, в стремлении автора сказки донести до читателя поучительный или познавательный смысл, преподнести урок. Авторская позиция «заставляет» читателя действовать «от противного» (именно так реконструируется в сказках М.Е. Салтыкова-Щедрина авторский идеал).

В качестве примера такой сказки, которая включает в себе авторский идеал, реконструируемый «от противного», приведём сказку «Премудрый пискарь». Используя гоголевскую традицию изображения «маленького человека» (повесть «Шинель»), Щедрин рисует образ до смерти перепуганного обывателя, «остолопа, который не ест, не пьет, никого не видит, ни с кем хлеба-соли не водит и все только распостылую жизнь свою бережет». Обыватель-пискарь считает основным смыслом жизни лозунг: «Выжить и шуке в хайло не попасть». Смысл щедринской аллегории, изображающей, конечно, не рыбу, а жалкого трусливого человечка, заключается в словах: «Неправильно полагают те, кои думают, что лишь те пискари могут считаться достойными гражданами, кои, обезумев от страха, сидят в норах и дрожат. Нет, это не граждане, а по меньшей мере бесполезные пискари». В отличие от сатиры Гоголя, направленной на воспитание личности, ее преобразование, сатира Щедрин беспощадно обличает и раскрывает все пороки и недостатки как в человеке, так и в обществе, поэтому его сатира носит социальный характер. Применяя на материале данной сказки метод сказкотерапии, можно предложить **обсуждение данной сказки**, показывая отрицательные стороны «маленького человека» – человека, не только занимающего невысокое социальное положение на социально-иерархической лестнице, но и имеющего невысокое мнение о себе самом, склонного к самоуничижению, – и тем самым побудить у взрослого человека стремление «выжать из себя раба».

Написание новой концовки сказки – ещё один из способов сказкотерапии, который может быть применен по отношению к сказкам М.Е. Салтыкова-Щедрина. В этом смысле хорошо подойдет сказка «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил». Взрослый человек может предположить, что, получив издевательскую благодарность от спасенных генералов (рюмку водки да пятак серебра), исполинский мужик может заявить о своих правах на практическую реализацию своей личности в социуме. А после обсуждения отрицательных героев сказки (двух тощих генералов) может быть предложено задание изобразить их карикатурно.

«Сказочки не совсем для детей» (1907) Л.Н. Андреева также представляют собой сатирические произведения, в которых время от времени прослеживается мистический характер. Они направлены против пороков общества, и в этом продолжают традиции Салтыкова-Щедрина. Сказки отличаются остротой сюжетов, реалистичностью показа харак-

теров, натуралистичностью описаний. Они психологичны, анализируют поступки и мысли персонажей, что может быть применимо в контексте сказкотерапии для взрослых.

В сказках Андреева противостоят несоместимые начала: «тьма – свет», «зло – добро», «бесправие – свобода», «сила – слабость», «социальное – биологическое», «сознательное – бессознательное», «ум – глупость». В «сказочках» присутствует иносказательная фантастика: случаются «чудесные превращения»: в «Орешке» (1913) молодая белочка становится старушкой, а в «Покое» (1882) черт приходит в дом к сановнику под видом священника, ладана и свечей. В них находится место и «волшебным предметам»: орешку и грязной бумажке, «больше похожей на носовой платок, чем на важный документ».

В целях сказкотерапии может быть использована сказка «Покой», написанная Андреевым, вероятно, под впечатлением от повести Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» (1880). Кроме того, в неё включены мотивы Ф.М. Достоевского (живой покойник на кладбище) и фаустианская проблематика. Умиравшему старому сановнику хочется еще пожить, «хоть до будущего понедельника», и он решается продать душу «на выгодных условиях» Черту, пришедшему к нему под видом священника. Поспешное подписание «контракта» «с закрытыми глазами» приводит к разочарованию и сожалению, да поздно – сановника «уже зарывали». Сказка превращается в саркастическую притчу о неразличимости бытия и небытия (мертвый сановник думает и разговаривает, смерть сравнивается с ревизией, агония – с железнодорожной станцией). В отношении данной сказки может быть применена методика **проигрывания сказки**. Взрослому может быть предложено внутренне пережить данную пугающую ситуацию, что способствует выплескиванию внутренних эмоций, связанных со страхом смерти, наружу и, таким образом, избавлению от них.

Считаем, что внедрение технологий сказкотерапии в работе со взрослыми (педагогическим коллективом) позволяет создать оптимальные условия для развития творческого мышления, высокого уровня творческой деятельности каждого преподавателя, участвовавшего в процессе сказкотерапии, формирования у них определенной жизненной позиции, развития интереса к себе и своему внутреннему миру, познания и принятия своих положительных и отрицательных качеств.

ЛИТЕРАТУРА

- Бушмин А.С.* 1984. Эволюция сатиры Салтыкова-Щедрина. Ленинград: Наука.
- Вачков И.В.* 2007. Сказкотерапия: Развитие самосознания через психологическую сказку. М.: Ось-89.
- Зинкевич-Евстигнеева Т.Д.* 2000. Практикум по сказкотерапии. СПб.: ООО «Речь».
- Лебедев Ю.В.* 1999. Сказки М.Е. Салтыкова-Щедрина // М.Е. Салтыков-Щедрин. Сказки. М.: Детская литература, 3–18.
- М.Е. Салтыков-Щедрин в русской критике. 1959. М.
- Пропп В.Я.* 1998. Морфология волшебной сказки; Исторические корни волшебной сказки (Собрание трудов В.Я. Проппа; Вып. 2) / Ред. Г.Н. Шелогурова; сост. И.В. Пешкова; комментарии Е.М. Мелетинского и др. М.: Лабиринт.
- Соколов Д.Ю.* 2000. Сказки и сказкотерапия: сказки. М.: Класс.
- Сказкотерапия // <http://bluhterova.ru/skazkoterapiya> (2017. 03 нояб.).

УРБАНИЗМ И ПРОБЛЕМА ЦИВИЛИЗАЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ В. МАЯКОВСКОГО

Аннотация. Настоящая статья исходит из того, что проблемы урбанизма и цивилизации в творчестве В. Маяковского существуют как определяющие. Увлечение урбанистической тематикой пришло к Маяковскому с увлечением футуризмом. Характерной для российских художников и поэтов-футуристов явилась эстетизация техники и урбанистической культуры. Исходной точкой технических исканий футуристов стала динамика, стремительный темп современной жизни и современного города. Другой причиной урбанистических предпочтений футуристов явилась полемика с принципами символистов и акмеистов. Эстетизму поэзии символистов и акмеистов футуристы противопоставили демонстративную деэстетизацию. В их произведениях приоритет отдавался реальности, до того не затронутой или мало затронутой в художественном творчестве. Поэтический интерес вызвали предметы, лишь недавно внедренные в обиход; в основном это была материальная культура города, что и вылилось в урбанизм. В творчестве футуристов отразилась динамика, огромный размах и титаническая мощь современного индустриального города с его, выражаясь словами Маяковского, «шумами, шумиками, шумищами», светящимися огнями заводов, уличной суматохой, ресторанами, толпами движущихся масс.

В. Маяковский в период пребывания «истинным» футуристом (скоро он перестает быть футуристом в изначальном смысле этого слова) вырабатывает своеобразный плакатно-гиперболический стиль, выкрикивающий короткий стих, «фривольные строки», удачно найденные для передачи ритма современного города. Однако скоро социальная тематика начинает вытеснять самоценные до того кубистские урбанистические пейзажи, а если элементы кубизма и сохраняются в стихах Маяковского, то они приобретают социальную функцию. Восприятие города глазами выражающего страдания его людей-«пленников» лирического героя сообщает городскому пейзажу дооктябрьского Маяковского апокалипсические черты. Цивилизация же современного города для послеоктябрьского Маяковского явилась воплощением его сокровеннейшей дооктябрьской мечты – мечты футуристов о приближении будущего к настоящему, ее материальным воплощением.

Ключевые слова: Маяковский; футуризм; урбанизм; цивилизация; художественный мир.

Сведения об авторе: Култышева Ольга Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры филологии и массовых коммуникаций Нижневартковского государственного университета.

Контактная информация: 628609, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 36, ауд. 305; тел. 8(3466)273510; e-mail: kultisheva@inbox.ru.

О. М. Kultysheva

URBANISM AND THE PROBLEM OF CIVILIZATION IN THE CREATIVITY OF V. MAYAKOVSKY

Abstract. This article is based on the fact that the problems of urbanism and civilization in the works of V. Mayakovsky exist as defining. Passion for urban themes came to Mayakovsky with enthusiasm for Futurism. Characteristic for Russian artists and poets-futurists was the aesthetics of technology and urban culture. The starting point of the technical searches of the Futurists was dynamics, the rapid pace of modern life and the modern city. Another reason for the urbanistic preferences of the Futurists was a polemic with the principles of the Symbolists and Acmeists. To the aestheticism of the poetry of the Symbolists and Acmeists, the futurists opposed demonstrative de-aesthetization. In their works, priority was given to reality, which had not been touched upon or touched upon in art. Poetic interest was caused by objects that had only recently been introduced into everyday life; basically it was the material culture of the city, which resulted in urbanism. In the creative work of the Futurists, the dynamics, huge scope and titanic power of the modern industrial city were reflected with it, in the words of Mayakovsky, «noises, noises», glowing factory lights, street turmoil, restaurants, crowds of moving masses.

V. Mayakovsky during his stay as a «true» futurist (he soon ceases to be a futurist in the original sense of the word) develops a peculiar poster-hyperbolic style, shouting a short verse, «torn lines», successfully found to convey the rhythm of a modern city. However, soon the social theme begins to supplant the self-valuable Cubist urban landscapes before, and if elements of cubism are preserved in Mayakovsky's poetry, then they acquire a social function. Perception of the city through the eyes of the suffering people «captives» of the city of the lyrical hero tells the urban landscape of the pre-October Mayakovsky apocalyptic features. Civilization of the same city for the post-October Mayakovsky was the embodiment of his most intimate pre-October dream – the dream of the futurists about the approach of the future to the present, its material embodiment.

Key words: Mayakovsky; futurism; urbanism; civilization; artistic world.

About the author: Kultysheva Olga Mikhailovna¹, Doctor of Philology, Professor of the Department of Philology and Mass Communications, Nizhnevartovsk State University.

Проблемы урбанизма и цивилизации в творчестве В. Маяковского существуют как ведущие, определяющие. Увлечение урбанистической тематикой пришло к Маяковскому с увлечением футуризмом. Как известно, характерной для российских художников и поэтов-футуристов явилась, помимо прочего, эстетизация техники и урбанистической культуры. В свою очередь, исходной точкой технических исканий футуристов стала динамика, стремительный темп современной жизни и современного города. И. Игнатьев в манифесте «Эгофутуризм» (1913) писал о причинах любви футуристов к динамике: «В быстроте залог сознания силы, а чувство мощи и независимости от условий природы, появляющееся в легком и непринужденном преодолении ее преград, заставляет художника вспоминать о свободных <...> переживаниях его в момент озарения» (Литературные манифесты ... 1929: 68). И.Ю. Иванюшина, ссылаясь на автобиографию «Я сам!» (1922. 1928), заключает, что «Маяковский с детства отдает предпочтение искусственному, рукотворному перед органическим, природным» (Иванюшина 1992: 14).

Нелюбовь футуристов к природному, естественному, стремление обрести чувство уверенности за счет приобщения к мощи цивилизации, в том числе городской, были чем-то сродни отчуждению от природы акмеиста Мандельштама. Мандельштам периода «Камня» (1913) природу как таковую воспринимает отчужденно, а то и враждебно. Это мироощущение сугубого горожанина, которого «дикая» природа пугает и отталкивает. Предпочтение материальной культуры природному миру раскрывается уже в начальных строках стихотворений («Я ненавижу свет / Однообразных звезд. / Здравствуй, мой давний бред, – / Башни стрелчатый рост!» – «Я ненавижу свет...» (1912) (Мандельштам 1991: 60), «Я вздрагиваю от холода – / Мне хочется онеметь! / А в небе танцует золото – / приказывает мне петь» – «Я вздрагиваю от холода...» (1912, 1937) (Мандельштам 1991: 58).

Другой причиной урбанистических предпочтений футуристов явилась полемика с принципами «старших современников» – символистов и акмеистов. Эстетизму поэзии символистов и акмеистов футуристы противопоставили демонстративную деэстетизацию. В их произведениях приоритет отдавался реальности, до того не затронутой или мало затронутой в художественном творчестве. Поэтический интерес вызывали явления, которые не принято было отображать в искусстве (как-то: проституция, пьянство, венерические болезни), а также предметы, лишь недавно внедренные в обиход; в основном это была материальная культура города, что и вылилось в урбанизм. В творчестве футуристов отразилась динамика, огромный размах и титаническая мощь современного индустриального города с его, выражаясь словами Маяковского, «шумами, шумиками, шумищами», светящимися огнями заводов, уличной суматохой, ресторанами, толпами движущихся масс.

В. Маяковский в период пребывания «истинным» футуристом (скоро он перестает быть футуристом в изначальном смысле этого слова) вырабатывает своеобразный плакатно-гиперболический стиль, выкрикивающий короткий стих, «рваные строки», удачно найденные для передачи ритма современного города, движения населяющих город многочисленных масс:

У -
лица.
Лица
у
догов
годов
рез -
че...

(«Из улицы в улицу» (1913) (Маяковский 1955: 38)

В своих первых футуристических стихах Маяковский создает урбанистические пейзажи, характерные для живописного кубизма с его принципом передачи динамики через «совмещение контуров»:

Фокусник
рельсы
тянет из пасти трамвая,
скрыт циферблатами башни
(«Из улицы в улицу», 1913) (Маяковский 1955: 38)

Или:

Вывески разинули испуг.
Выплывывали
то «О»,
то «S»
(«В авто», 1913) (Маяковский 1978а: 69)

В стихотворении «Ночь» (1912) ночной городской пейзаж изображается также в живописной кубистской традиции – в смене цветовых эпитетов и метафор:

Багровый и белый отброшен и скомкан,
в зеленый бросали горстями дукаты,
а черным ладоням сбежавшихся окон
раздали горящие желтые карты.

(Маяковский 1978а: 65)

Однако очень скоро Маяковский отказывается от построения образов в «стиле кубизма» и заявляет: «Нам слово нужно для жизни. Мы не признаем бесполезного искусства» («Без белых флагов» (1914) (Маяковский 1978b: 51)). Социальная тематика начинает вытеснять самоценные до того кубистские урбанистические пейзажи, а если элементы кубизма и сохраняются в стихах Маяковского, то они приобретают социальную функцию. Маяковский становится известен как поэт города.

И.Ю. Иванюшина пишет: «Город <...> существует в сознании Маяковского в двух ипостасях: современный город – «адище», революционный Петроград, нэповская Москва и город будущего, город солнца, город-сад» (Иванюшина 1992: 15). До революции в зарисовках городского пейзажа отражается у Маяковского преимущественно социальная тема (город для поэта – ад, «адище», воплощение общественных контрастов). Городской пейзаж Маяковского очеловечен образами страдания людей-«пленников» города («Адище города», «Из улицы в улицу», «Еще я»)¹. В подобном решении городской темы у футуриста-урбаниста Маяковского есть нечто общее с неокрестьянским поэтом Н. Клюевым – это образ лирического героя, страдающего в городском аду, характерный для творчества Клюева и особенно для дооктябрьского творчества Маяковского. В мироощущении героя Клюева город предстает «каменным адом», «адом электрическим»; в железном начале города – мертвенность, апокалипсические предвестия:

Ваши песни – стоны молота,
В них созвучья – шлак и олово;
Жизни древо надколото,
Не плоды на нем, а головы.

¹ Образы безмерного страдания людей-пленников «адища города», характерные для дооктябрьского творчества Маяковского, по словам Л.А. Спиридоновой, восходят к целому ряду подобных в литературе конца XIX – начала XX века: «Чудовищный город, где люди ничтожны и бесцветны, “желудок из камня и железа”, перемальвающий людские жизни, – символический образ, имеющий параллели в литературе конца XIX – начала XX века. Среди них “город-спрут” Верхарна, “мучительно-тесная громада домов” у Бальмонта <...>, “каменный плен” Горького. Горький изображает город с помощью грандиозной развернутой метафоры: улица – скользкое алчное горло, локомотивы – черви, копошащиеся на его груди» (Спиридонова (Евстигнеева) 1977: 46).

У подножья кости бранные.
Череп с кромешным хохотом...

(Клюев и др. 1999: 127–128)

Восприятие города глазами лирического героя как выразителя мироощущения городских мучеников сообщает городскому пейзажу дооктябрьского Маяковского черты конца света:

Адище города окна разбили
на крохотные, сосущие светами адки.
Рыжие дьяволы, вздымались автомобили,
над самым ухом взрывая гудки.

<...>

В дырах небоскребов, где горела руда
и железо поездов громоздило лаз –
крикнул аэроплан и упал туда,
где у раненого солнца вытекал глаз.

(«Адище города», 1913) (Маяковский 1955: 55)

Однако после Октября вместе с изменением общей тональности творчества Маяковского под влиянием надежд на кардинальное изменение социальной ситуации в стране город становится для поэта воплощением мечты: средоточием фешенебельных «электрических услуг» («Мистерия-буфф», 1918), поводом для гордости за «дело рук человеческих» («я горд / вот этой / стальной милей, / живьем в ней / мои видения встали – / борьба / за конструкции / вместо стилей, / расчет суровый / гаек / и стали» – «Бруклинский мост», 1925) (Маяковский 1957b: 85). По мнению И.Ю. Иванюшиной, «город как упорядоченное, организованное по воле человека пространство безусловно связан с утопией. <...> В урбанистической утопии особое место отводится науке и технике. Демиургические склонности человека XX века наиболее последовательно способны проявиться именно в технике. <...> Маяковский явно утопизировал технику. Для него наука, техника <...> – средства для достижения утопических целей» (Иванюшина 1992: 15).

В то время как недавний единомышленник Маяковского в решении городской темы Клюев продолжает воспевать гармоничный космос крестьянского быта, противопоставляя его образу всего гибельного для него, враждебного, несущего зло разрушения того, что свято для крестьянина, – образу города, Маяковский восхищается городским механицизмом.

Городская тема у Клюева насыщается мотивами разрушительного воздействия цивилизации и технического прогресса. Лирический герой Клюева испытывает ужас перед наступающей всеохватной урбанизацией. Таковы, например, переживания лирического героя стихотворения «Мы – ржаные, толоконные...» (1918) из цикла «Сергею Есенину», в котором милый Клюеву мир крестьянской деревни противопоставляется миру «чугунного» города по принципу оппозиции:

Мы – ржаные, толоконные,
Пестрядинные, запечные,
Вы – чугунные, бетонные,
Электрические, млечные.
Мы – огонь, вода и пажити,
Озимь, солнца пеклеванные,
Вы же таин не расскажете
Про сады благоуханные...

(Клюев и др. 1999: 127)

По словам К. Азадовского, «то, что противостоит Природе и Деревне – Культура, Город, Интеллигенция, Фабрика, – обличалось Ключевым как проявление адских и дьявольских сил» (Азадовский 1991: 6).

Не таково отношение к городской цивилизации послеоктябрьского Маяковского. Цивилизация современного города для него явилась воплощением его сокровеннейшей дооктябрьской мечты – мечты футуристов о приближении будущего к настоящему, точнее, ее материальным воплощением. В цикле «Стихов об Америке» (1925–1926) поэт воспекает кульминацию инженерной мысли, воплощенную в городской архитектуре:

Асфальт – стекло.
Иду и звеню.
Леса и травинки –
сбриты.
На север
с юга
идут авеню,
на запад с востока –
стриты.
А между –
(куда их строитель завез!) –
дома
невозможной длины.
Одни дома
длиною до звезд,
другие –
длиной до луны.

(«Бродвей», 1925) (Маяковский 1957b: 55)

Маяковский становится в оппозицию к тем поэтам, которые воспевали патриархальный уклад русской деревни, противопоставляя его «бездуховному вторжению» городской цивилизации. Прежде всего к Н. Ключеву, непримиримому борцу с апологетами «железа» пролеткультовцами В. Кирилловым и М. Герасимовым, а также к С. Клычкову, который выступал в своем творчестве против тотального наступления на человека техники. Обыграв мотив противостояния природного и железного, Клычков создал символический образ черта, приделавшего человеку вместо души гайку, и призвал к спасительному для человеческой души возвращению к природе:

Душа моя, как птица,
Живет в лесной глуши,
И больше не родится
На свет такой души.
По лесу треск и скрежет:
У нашего села
Под ноги ели режет
Железный змей-пила.
Сожгут их в тяжких горнах,
Как грешных, сунут в ад,
А сколько бы просторных
Настроить можно хат!

(«Душа моя, как птица...» (1924) (Клычков 1991: 139)

Маяковский критикует «очень деревенские» (Маяковский 1959: 93) ранние стихи С. Есенина, создавшего устрашающий образ «железного гостя». В своем творчестве Есенин прошел через неприятие разрушительного влияния современной цивилизации («Со-

рокоуст» (1920)), присущую «крестьянину» убежденность в том, что город, надвигаясь на деревню, в конце концов, уничтожит ее:

Черт бы взял тебя, скверный гость!
Наша песня с тобой не сживется.
Жаль, что в детстве тебя не пришлось
Утопить, как ведро в колодце

(Есенин 1990: 159).

Однако после событий революции и посещения Америки, а также в результате стремления Есенина «влиться» в современность, его решение проблемы отношений города (цивилизации) и деревни (естественного, природы) изменилось. Настолько, что Маяковский пригласил его в Леф (об этом факте вспоминает Н. Асеев (Асеев 1961: 300)). Уже в «Письме деду» (1924) Есенин выступает за «стальную кобылу» (паровоз), убеждая старика-крестьянина прибегнуть к ее помощи, чтобы повидать внука-горожанина:

... садись, старик.
Садись без слез,
Доверься ты
Стальной кобыле.
Ах, что за лошадь,
Что за лошадь паровоз!
Ее, наверное,
В Германии купили

(Есенин 1990: 267).

Однако стоит различать восторженное отношение послеоктябрьского Маяковского к техницизму, механизму, динамизму современного города, в том числе зарубежного («Стихи об Америке»), любованию городской цивилизацией настоящего, в которой начинали воплощаться его самые смелые футуристические мечты, и критическое отношение поэта к западной цивилизации в *духовном* смысле этого слова.

Существует мнение, что проблема противопоставления Востока и Запада как двух противоположных в своей основе цивилизаций не характерна для творчества Маяковского. Так, В.Ф. Земсков в статье «Встречи Маяковского и Есенина» указывает, что в послеоктябрьский период Есенин увлекался «скифством», замыкавшим его «в узконациональные рамки» (Земсков 1964: 360), в то время как Маяковский демонстрирует практически «космополитические» по своей широте взгляды на нации и народы, не отделяя Россию от мирового сообщества:

Нам,
Поселянам Земли,
каждый Земли Поселянин родной.
Все
по станкам,
по конторам,
по шахтам братья.
Мы все
на земле
солдаты одной,
жизнь созидающей рати.

(«Революция (Поэтохроника)», 1917) (Маяковский 1955: 139)

Подобные настроения не воспринимал в то время Есенин, который, как вспоминает поэт Н. Полетаев, болезненно выяснял этот вопрос с Маяковским: «Он <Есенин> все приставал к Маяковскому и чуть не плача кричал ему: – Россия моя <...>, а ты <...> ты аме-

риканец! Моя Россия! На что сдержанный Маяковский отвечал иронически: – Возьми пожалуйста! Ешь ее с хлебом!» Полетаев 1926: 103).

Однако существуют мнения и противоположного порядка, согласно которым проблема «Восток и Запад» волновала Маяковского всегда, и решалась в пользу восточной по своей сути, соборной русской (а после Октября советской) цивилизации². Это подтверждают и многочисленные произведения поэта.

Маяковский не раз подвергал критике бездуховность западной цивилизации. Германия, развязавшая бесчеловечнейшую Первую Мировую войну, подверглась жесткой критике Маяковского в ряде дооктябрьских произведений («Мама и убитый немцами вечер» (1914), «Война и мир» (1915–1916))³. Антигуманной германской агрессии Маяковский «бросает вызов» («Я и Наполеон» (1915)) и противопоставляет образ «Петрова поручика» – рядового русского воина, «приведенного на убой», «израненного», но не сломленного («Вам!» (1915)).

Оппозиция «Россия (Восток) – Германия (Запад)», заявленная в стихотворениях дооктябрьского Маяковского, в каком-то смысле отражает основные положения статьи Вяч. Иванова «Россия, Англия и Азия», написанной в том же, военном, 1915-м году. В статье Вяч. Иванов обнаруживает глубинное сходство двух держав, России и Англии, на том основании, что они суть «державы азиатские», поскольку «для обеих Азия естественная цель и арена всего будущего исторического действия» (Иванов 1918: 27). Но Россия и Англия, будучи в своей основе азиатскими державами, по мысли Иванова, все же не та же Азия, что и Китай: «Стена, которую Европа может противопоставить желтой опасности – Китаю, должна быть живой стеной двуединой белой азиатской державы» (Иванов 1918: 27). Так же, как причудливо в сознании мыслителя соединяются понятия «Азия» и «Англия» (Россия всегда традиционно относилась к Евразии), в статье соединяются понятия «Китай» и «Германия» как объекты для русско-английской атаки: «Между германским духом и китайским есть глубинное <...> сходство <...> в аналогиях <...> мировосприятия, как основного тона отношения к жизни: в общности тяготения к субъективному идеализму и идеалистическому нормативизму. Недаром пронизательный Ницше обозвал Канта кенигсбергским китайцем. <...> Только в Германии, да еще в Китае, народное сознание есть сознание муравейника: общественный биологический разум. <...> Наступает время, когда борьба с Германией естественно переносится в Азию» (Иванов 1918: 27–28). Правда, в отличие от Маяковского, противопоставившего милитаристской Германии образ окровавленной России как призыв к гуманности, Вяч. Иванов призывает Англию и Россию на борьбу с «китайской» по своей сути Германией в целях «свободного воссоединения древней азиатской души с действующей на всемирно-историческом поприще душою грядущего христианского человечества» (Иванов 1918: 29), т.е. ради обращения «азиатской», дикой Германии в истинное христианство.

«Я» Маяковского часто обоснованно отождествляли с «мы». Подобную тенденцию к гиперболизации своего «я» до уровня коллектива и, в то же время, к слиянию личного «я» с общественным «мы» в поэзии как Маяковского, так и многих других русских поэтов, Вяч. Иванов объясняет в своей статье «Духовный лик славянства». Он считает это закономерным проявлением такой свойственной славянам черты, как *соборность* (Иванов 1985: 205). В другой статье – «Легион и соборность» (1916) – Вяч. Иванов уточняет это

² Так, М. Горький писал о Маяковском как о типично русском по сути своей: «Маяковский, поднимая вопросы общественной совести, социальной ответственности, несет в себе ярко выраженное русское национальное начало» (Цит. по: Советские поэты о Маяковском 1976: 19).

³ После Октября тональность стихов Маяковского о Германии изменится: «Сегодня / хожу / по твоей земле, Германия, / и моя любовь к тебе / расцветает романнее и романнее» («Германия», 1922–1923). Представшая перед глазами поэта «нищая Германия» способна вызвать лишь сочувствие: «Нищая Германия, / позволь / мне, / как немцу, / как собственному сыну, / за тебя твою распеснить боль» (Маяковский 1957а: 49–50).

понятие. Соборность русского человека, по мысли Иванова, не предполагает обезличения каждого в отдельности. Множеству, связанному соборностью, присущи «духовное общение и собранный дух»: «Идеал соборности есть <...> идеал такого соединения, где соединяющиеся личности достигают совершенного раскрытия и определяются в своей <...> неповторимой <...> сущности, своей целокупной творческой свободе» (Иванов 1918: 45). В идеале славянская соборность, как «верховная ступень человеческого общежития», рассуждает Иванов, станет залогом величия России: «Мы соберемся в истинной соборности и ею восставим в мире свое вселенское слово» (Иванов 1918: 46).

В противоположность России, в Германии процветает «множество, не связанное соборностью <...> которое носит – согласно евангельскому повествованию – имя: “Легион, ибо нас много”» (Иванов 1918: 44). Немецкий легион характеризуется чертами, противоположными русской соборности и подтверждающими антигуманный, бездуховный характер германской цивилизации: «В Германии больше не “мечтают” и не “заблуждаются”. Не “спасаются – каждый на свой лад”, не мятежатся против власти целого и его сверхличного биологического разума, забыли о “единственном”» (Иванов 1918: 38). Вследствие названных причин, делает вывод Иванов, германскому легиону, управляемому собирательным мозгом, угрожающим воплотиться в подобие зверя, несмотря на то, что он обладает в настоящий исторический период «великою силою», суждено погибнуть, – ибо по сути он перестает быть человеческим образованием.

В 1925-м г. Маяковский побывал во Франции, следствием чего явилось появление ряда «французских» стихотворений, в которых западная цивилизация также подверглась критике. Этторе Ло Гатто вспоминал, что Маяковский, будучи во Франции, «в “La rotonde” оскорблял <...> “загнивший Запад”, “буржуазную культуру”, выражая сожаление, что нельзя превратить слишком сумрачный Notre Dame в рабочий клуб» (Этторе Ло Гатто 1992: 115). Европейская цивилизация осознается Маяковским как чуждая, противоположная по мироощущению русскому человеку:

Но нож
и Париж,
и Брюссель,
и Льеж –
тому,
кто, как я, обрусели.
Сейчас бы
в сани
с ногами –
в снегу,
как в газетном листе б...

(«Еду», 1925) (Маяковский 1957а: 198)

Поэт восхищен красотой французской столицы («Площадь / красивой / и тысяч / дам-болонок. / Эта площадь / оправдала б / каждый город. / Если б был я / Вандомская колонна, / я б женился / на Place de la Conkorde» («Еду», 1925) (Маяковский 1957а: 202), динамикой Парижа («В огне / жуками / всех систем / жужжат / автомобили. / Горит вода, / земля горит, / горит / асфальт / до жжения, / как будто / зубрят / фонари / таблицу умножения» («Еду», 1925) (Маяковский 1957а: 202). Однако внешняя красота и расцвет технической цивилизации не могут укрыть от взгляда поэта-полпреда советской страны социальные болезни французского общества. Критике поэта подвергается несправедливый общественный строй («Версаль. / Возглас первый: / «Хорошо жили стервы!» / Дворцы / на тыщи спален и зал – / и в каждой / и стол / и кровать. / Таких / вторых / и построить нельзя – / хоть целую жизнь / воровать!» («Версаль», 1925) (Маяковский 1957а: 215–216), коммерциализация французского общества, затмившая святыни отечественной истории

(«Войной обгаренные / руки / умыв / и красные / шансы / взвесив, / коммерцию / новую / вбили в умы – / хотят / спекульнуть на Жоресе» («Жорес», 1925) (Маяковский 1957а: 219). Тем удивительнее попытка представить «буржуазные удовольствия», которые могла предложить поэту Франция, привлекательными для него, предпринятая в статье Чарльза Мозера «Несентиментальные путешествия Маяковского», опубликованной в «American Slavic and East European Review» в феврале 1960 г. «К концу жизни Маяковского, – пишет Мозер, – буржуазные удовольствия стали для него более привлекательными, как это видно из поэмы “Красавицы” (1929 г.), где он признается, что “размяк характер и что все французские женщины в Гранд-опера кажутся ему хорошенькими”» (Цит. по: Перцов 1961: 612). Мозер имеет в виду стихотворение Маяковского «Красавицы (Раздумье на открытии Grand Opéra)» (1929), в котором, действительно, поэт рисует шикарный портрет парижанки. Однако, как справедливо замечает В. Перцов, американский критик «не почувствовал великолепной иронии Маяковского, пронизывающей все стихотворение» (Перцов 1961: 612):

Брошки – блещут...
на тебе! –
с платья
с полуголого.
Эх,
к такому платью бы
да еще бы...
голову

(Маяковский 1958: 67).

«Поэт крепко стоит своим искусством на почве утверждения советского образа жизни и отрицания, как выражается Чарльз Мозер, “буржуазных удовольствий”», – заключает В. Перцов (Перцов 1961: 612).

Процессы, обрисованные Маяковским в стихотворениях, посвященных Германии и Франции (победа бездуховности над нравственностью, развитой машинной и городской цивилизации над природой, торжество духа практицизма и коммерциализации, отсутствие социальной справедливости, разобщенность людей, давшая право Вяч. Иванову определить немецкое общество как «легион»), находят свое воплощение в книге Освальда Шпенглера «Закат Европы» как обоснование причин грядущей гибели западной цивилизации. Шпенглер ставит своей задачей «проследить дальнейшие судьбы <...> культуры Западной Европы» и приходит к выводу, что «падение Запада является, подобно аналогичному ему падению античного мира», неизбежным (Шпенглер 1998: 36). Шпенглер считает, что падение Запада произойдет вследствие победы цивилизации над культурой. Победа эта не случайна, а представляет собой «логическое завершение и исход культуры. <...> Неизбежная судьба культуры <...> те самые крайние и искусственные состояния, осуществить которые способен высший вид людей. Они – завершение, они следуют как <...> смерть за жизнью, <...> как умственная старость и окаменевший мировой город за деревней и задушевым детством» (Шпенглер 1998: 74). Далее в книге в качестве признаков конца цивилизации Запада появляются такие, обнаруживающие себя и в стихах Маяковского о Германии и Франции, понятия, как «вместо мира – *город*⁴, одна точка, в которой сосредоточивается вся жизнь <...>, вместо богатого формами, сросшегося с землей народа – новый кочевник, паразит, *житель большого города*, человек <...> растворяющийся в бесформенной *массе*» (Шпенглер 1998: 75). «Франция и Англия, – заключает Шпенглер о неизбежности “заката Европы”, – уже сделали этот шаг. Германия готовится его сделать» (Шпенглер 1998: 75).

⁴ Курсив далее в цитате везде мой – О.К.

Подобные размышлениям Вяч. Иванова («Россия, Англия и Азия», «Легион и соборность») и О. Шпенглера («Закат Европы») положения обнаруживаем и в статье М. Волошина «Предвестия Великой революции» (1906). Обращаясь к проблеме «Восток и Запад», М. Волошин, как Вяч. Иванов и О. Шпенглер, приходит к выводу, что западный «мир подходит к концу» (Волошин 1995: 254). В качестве подтверждения своих слов Волошин приводит пророчество Лактанция – богослова и философа из Северной Африки, жившего около 250–325 гг. н.э.: «Меч пройдет по миру и пожнет жатву. Имя Рима будет стерто с лица Земли. <...> Снова власть вернется на Восток, Азия снова будет править, а Европа будет рабой»⁵. Также Волошин приводит цитату из «Преступления и наказания» Достоевского (бред Раскольникова в Сибири о трихинах, завоевывающих мир, слова Св. Киприана о конце света и стихотворение Вл. Соловьева «Панмонголизм» (1894), которые дают ему повод увидеть предвестия конца европейской цивилизации в настоящем, а именно в произошедшей первой русской революции: «Пророчество Достоевского оставалось для нас невнятным, пока мы не ступили на самый порог ужаса. <...> В пророчестве Достоевского чувствуется именно эта катастрофа: новое крещение человечества огнем безумия» (Волошин 1995: 255–256). По мысли Волошина, именно такие, «сошедшие с ума» и возомнившие себя Богом, люди и совершили революцию⁶, которая станет концом человеческой цивилизации вообще.

Процессы, предвещающие гибель бездуховной западноевропейской цивилизации, Маяковский обнаруживает и в Америке, которую посещает в 1925–1926 гг. Вследствие визита поэта в Америку появляется стихотворный цикл «Стихи об Америке» (1925–1926), на который мы ссылались в разговоре о восхищении послеоктябрьского Маяковского механицизмом современного города. Однако, помимо восторга технически совершенной цивилизацией Америки, стихи Маяковского об этой стране содержат в себе и критику в адрес тех «язв» американского общества, которые поэт обнаруживал и в Европе. Это все та же социальная несправедливость («Барышня и Вульворт» (1925), «Небоскреб в разрезе» (1925)), бросающаяся в глаза пропасть между внешней, «парадной» красотой и истинно бедственным положением беднейших слоев американского общества:

Видишь –
вон
выгребают мусор –
на обедках
с детьми пронянчиться,
чтоб в авто,
обгоняя «бусы»,
ко дворцам
несли бриллиантщицы
(«Порядочный гражданин», 1925)
(Маяковский 1957b: 70)

К этим, вполне «европейским», язвам добавляется критика в адрес характерной для Америки начала XX в. эксплуатации афроамериканцев, колониальной политики и расизма («Блек энд уайт» (1925), «Сифилис» (1926)). Именно поэтому лирический герой стихов Маяковского об Америке, не скрывая – «я в восторге / от Нью-Йорка города», – заявляет о своем нравственном превосходстве как превосходстве советского человека – гражданина пусть пока еще «страны-подростка», но с большим духовным потенциалом и светлым будущим, которое вряд ли ожидает «прогнившую» западную цивилизацию:

⁵ Волошин цитирует Лактанция по изд-ю: Лактанций. Творения. СПб., 1848.

⁶ На место Бога встает и лирический герой раннего Маяковского – *О.К.*

Я в восторге
от Нью-Йорка города.
Но
кепчонку
не сдерну с виска.
У советских
собственная гордость:
на буржуев
смотрим свысока
(«Бродвей», 1925)
(Маяковский 1957b: 57)

ЛИТЕРАТУРА

- Азадовский К.* 1991. О Н. Клюеве: факты и мифы // Клюев Н.А. Стихотворения. Поэмы / Вступ. ст., сост. и подгот. текста К. Азадовского. М.: Худ. лит-ра, 3–26.
- Асеев Н.* 1961. Зачем и кому нужна поэзия. М.: Советский писатель.
- Волошин М.* 1995. Жизнь – бесконечное познание. Стихотворения и поэмы. Проза. Воспоминания современников. Посвящения. М.: Педагогика-Пресс.
- Есенин С.* 1990. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст. А.М. Марченко, сост. и примеч. В.П. Гарнина. Л.: Советский писатель.
- Земсков В.Ф.* 1964. Встречи Маяковского и Есенина // Маяковский и советская литература. Статьи, публикации, материалы и сообщения. М.: Наука, 351–371.
- Иванов Вяч.* 1918. Родное и Вселенское. Статьи. 1914–1916. 1917. М.: Изд-е Г.А. Лемана и С.И. Сахарова.
- Иванов В.* 1985. Эссе, статьи, переводы. Вгuxelles.
- Иванюшина И.Ю.* 1992. Творчество В.В. Маяковского как феномен утопического сознания: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород.
- Клычков С.А.* 1991. Стихотворения / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. С.И. Субботина. М.: Советская Россия.
- Клюев Н.А., Клычков С.А., Орешин П.В.* 1999. Сборник. Стихи / Вступ. ст. канд. филол. наук А.И. Михайлова. М.: МИД «Синергия».
- Кульшишева О.М.* 2005. В. Маяковский и литературные группы и объединения 1910–1920-х годов. М.: МГОУ.
- Литературные манифесты: От символизма к Октябрю. 1929 / Бродский Н.И., Львов-Рогачевский В.Л., Сидоров Н.П. (сост.). 2-е изд. М.: Федерация.
- Мандельштам О.Э.* 1991. Избранное: В 2 т. Т. 2 / Сост., автор предисл. и коммент. П.М. Нерлер. М.: СП Интерпринт.
- Маяковский В.В.* 1955. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 1. М.: Гослитиздат.
- Маяковский В.В.* 1957а. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 4. М.: Гослитиздат.
- Маяковский В.В.* 1957б. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 7. М.: Гослитиздат.
- Маяковский В.В.* 1958. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 10. М.: Гослитиздат.
- Маяковский В.В.* 1959. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 12. М.: Гослитиздат.
- Маяковский В.В.* 1978а. Собр. соч.: В XII т. Т. I. М.: Правда.
- Маяковский В.В.* 1978б. Собр. соч.: В XII т. Т. XI. М.: Правда.
- Перцов В.О.* 1961. Писатель и новая действительность. М.: Советский писатель.
- Полетаев Н.Г.* 1986. Есенин за восемь лет // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1 / Вступ. ст., сост. и коммент. А. Козловского. М.: Художественная литература, 100–113.
- Спиридонова (Евстигнеева) Л.А.* 1977. Русская сатирическая литература нач. XX в. М.: Наука.
- Советские поэты о Маяковском: Сб. стихов и высказываний. 1976 / Макаров В.В. (сост.). М.: Советский писатель.
- Шпенглер О.* 1998. Закат Европы. Ростов н/Д: Феникс.
- Этторе Ло Гатто.* 1992. Мои встречи с Россией. М.: Изд-во «Круг».

АД И РАЙ В ХРИСТИАНСТВЕ И МИФОЛОГИИ ХАНТЫ И МАНСИ

Аннотация. В статье рассматриваются понятия Ада и Рая с точки зрения миропонимания обских угров и христиан. В данном исследовании не ставится задача рассмотреть Рай и Ад с точки зрения людей верующих и богословов, а лишь предпринимается попытка зафиксировать их общность и отличия с точки зрения миропонимания обских угров и христиан. Однако авторы противопоставляют неравнозначные понятия. Обские угры – это народы ханты и манси, территориально проживающие в Западной Сибири, а христиане – это люди, верующие в идею существования Христа. Сейчас многие обские угры являются христианами. Христианизация коренного населения Югры проходила достаточно сложно, так как народы не желали менять свою веру. Анализируя различные аспекты религиозной культуры народов ханты и манси, можно прийти к выводу, что христианские догмы все-таки были чужды аборигенам Сибири, языческие боги были понятнее и доступнее. В настоящее время наблюдается тенденция возвращения к истокам языческого мировоззрения. Утверждая равенство живых и неживых существ, язычество и сегодня живет в представлениях коренных обских этносов. Тем не менее, авторы попытаются разобраться в вопросах, связанных с пониманием загробного мира как такового, которые важны и для одних, и для других. Они обосновывают положение о том, что главное отличие в миропонимании народов ханты и манси от христианской традиции заключается в том, что у них нет понятия «смерти» как таковой, потому, возможно, нет и понятий Ада и Рая в привычном для нас понимании. Однако две веры, взаимодополняя друг друга, странным образом добрососедствуют в мировоззрении современных обских угров, несмотря на то, что имеют огромные историко-культурные различия.

Ключевые слова: ад; рай; христиане; мифология обских угров; архетипический образ.

Сведения об авторах: Себелева Анастасия Валериевна¹, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии и массовых коммуникаций Нижневартговского государственного университета; Рымарева Елена Николаевна², доцент кафедры филологии и массовых коммуникаций Нижневартговского государственного университета.

Контактная информация: ^{1,2}628609, г. Нижневартговск, ул. Мира, д. 36, ауд. 305; ¹тел.: 89129357841, e-mail: sebelevaa@mail.ru; ²тел.: 89129010885, e-mail: Rymareva-EN@te.ru.

A. V. Sebeleva¹, E. N. Rimareva²

HEAVEN AND HELL IN CHRISTIANITY AND MYTHOLOGY KHANTY AND MANSI

Abstract. The article deals with the concept of Heaven and Hell from the point of view of understanding of the Ob-Ugric people and Christians. In this study seeks to examine Heaven and Hell from the point of view of believers and theologians, but only try to fix their commonality and differences from the point of view of understanding of the Ob-Ugric people and Christians. However, the authors put in contrast not equivalent concepts. The Ob Ugric peoples is peoples Khanty and Mansi, geographically living in Western Siberia, and Christians are people who believe in the idea of the existence of Christ. Now, many of the Ob Ugrians are Christians. The Christianization of the indigenous population of Ugra was fairly difficult, as people are less willing to change their faith. Analyzing various aspects of the religious culture of the peoples of Khanty and Mansi, it can be concluded that Christian dogma was still alien to the natives of Siberia, pagan gods were clearer and more accessible. Currently, there is a tendency to return to the origins of the pagan world. Asserting the equality of living and non-living beings, paganism and now lives in Ob views of indigenous ethnic groups. However, the authors try to understand the issues related to the understanding of the afterlife as such that is important for some, and for others. They justify the position that the main difference in the Outlook of the peoples of Khanty and Mansi from the Christian tradition is that they have no concept of «death» as such, because, perhaps, there are no concepts of Heaven and Hell in the usual sense. However, two faiths, complementing each other, in a strange way dobrososedstvo in the Outlook of the modern Ob-Ugrians, despite the fact that have immense historical and cultural differences.

Key words: hell; heaven; Christian; mythology of the Ob Ugrians; the archetypal image.

About the authors: Sebeleva Anastasia Valerievna¹, candidate of philological Sciences, associate Professor of the Department of Philology and mass communications, Nizhnevartovsk state University; Rymareva Elena Nikolaevna², associate Professor in the Department of Philology and mass communications of the Nizhnevartovsk state University.

Тема Рая и Ада является одной из самых основных тем Священного Писания христиан. Понятия «ада» и «рая», сформированные в сознании большинства людей, весьма схожи с той картиной загробного мира, которую описал в своей «Божественной комедии» Данте Алигьери. Но эта картина не соответствует православному Писанию, в ней отраже-

ны представления средневековых католиков. В писаниях православных священников, как правило, нет подробностей, описывающих кошмарные муки Ада и блаженство райской жизни, потому как этот мир не материален в принципе.

Преподобный Ефрем Сирин в своем труде «О рае» по этому поводу писал: «Далек от взоров рай, недостижим он для ока, поэтому можно отважиться изобразить его разве только в сравнениях» (Ефрем Сирин). Эти антагонистические понятия эфемерны. Безусловно, только Бог обладает совершенной невещественностью, но вещественность загробного мира не важна православному человеку в принципе. После воскресения души и воссоединения ее с телом, в зависимости от того, как человек провел земной период жизни, и наступает период отрады или скорби души. Это и есть те Ад и Рай, которые мы понимаем, как миры противоположные, хотя и это относительно условно.

Ад и Рай – реальности нетварные. И праведники, и грешники не будут лишены возможности видеть Бога, только первые будут иметь возможность блаженного общения с ним, а вторые нет. И Ад Господь не оставляет без своего внимания, просто мученики Ада навсегда лишены возможности личного общения с ним, именно это и является их самым большим наказанием и страданием. По большому счету Ад и Рай – это результат выбора образа земной жизни. Безусловно, любой земной человек, грезя о послеземной жизни, мечтает о Рае. Эти мечты воплощены в конкретных образах. Рассмотрим некоторые из них.

«Царствие небесное», которое обретает человек после смерти, оно не где-то на небесах, оно внутри нас. Царит там Господь, и это не мир материальный, это мир духовный. Тем не менее мы пытаемся представить это царствие в неких осязаемых образах.

Самый распространенный образ Рая – это, пожалуй, образ сада, где человек обретает истинную и абсолютную гармонию с природой. Пророк Исайя представлял этот мир так: *«Тогда волк будет жить вместе с ягнёнком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их. И корова будет пастись с медведицею, и детеныши их будут лежать вместе, и лев, как вол, будет есть солому. И младенец будет играть над норою аспида, и дитя протянет руку свою на гнездо змеи. Не будут делать зла и вреда на всей святой горе Моей, ибо земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море»* (Ис. 11:6, 11:7). И в мусульманском Коране образ Рая – это идиллический образ вечноцветущего сада, для его обозначения употребляется слово «ал-Джанна», что в переводе означает «сад». Мусульманский философ Ибн Араби писал: «И потому наивысшая из степеней рая – удовлетворение и успокоение» (Ибн Араби 1994:70).

Рай в Писании представлен как город, небесный Иерусалим. Прежде всего, под этим названием подразумевается не какой-то крупный населенный пункт, а людская общность, объединенная единой верой. «Мы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу» (Еф. 2:19). В 60-й главе книги пророка Исайи Господь, обращаясь к Иерусалиму, говорит: «И будут всегда открыты врата твои, не будут затворяться ни днём ни ночью... И назовут тебя городом Господа, Сионом Святого Израилева» (Ис. 11:11).

Образ свадебного пира – еще один образ Рая. Свадебное застолье – это единение людей, которые связываются узами родства, они готовы разделить не только пищу, но и жизнь, именно эта готовность разделить с ближними все радости и горести и есть высшее счастье, т.е. Рай.

Земной дом не вечен, а дом нерукотворный, т.е. Рай, вечен. Умирая, мы всего лишь возвращаемся в вечный дом, который предназначен для людей. С этой точки зрения сомнительными кажутся строчки Сергея Есенина:

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

Получается, что Рай и Русь – понятия разные. Но это не совсем так. Русь находится под охраной святой рати, т.е. и сама она святая. Святая Русь – это и есть тот дом, который наполнен отсветом рая, она не только признает его существование, но и указывает на него.

Ад как потусторонний мир предстает перед нами в притче о воскрешении Лазаря. Умерший четыре дня назад, спутанный по рукам и ногам, погребенный и смердящий Лазарь был воскрешен Иисусом Христом.

После слов: «Лазарь, иди вон!» – мертвец воскрес. «О ад! Совершилась молитва, и ты не освобождаешь мертвого? – Нет, говорит ад. Почему? – Потому, что мне не дано повеления. Я – страж, удерживающий здесь виновного; если не получаю повеления, то и не отпускаю; молитва же была не для меня, а для присутствовавших неверных; не получая повеления, я не отпускаю виновного; ожидаю голоса, чтобы освободить душу» (Иоанн Златоуст). После грехопадения Адама и Евы все люди шли в Ад, потому воскрешение Лазаря – это не только своего рода доказательство существования Господа Бога, но и демонстрация невечности, казалось бы, непоколебимых устоев Ада. Ад готов пожертвовать Лазарем, чтобы не потерять остальных пленников. Ведь не случайно в призыве к воскрешению звучит конкретное имя, имя Лазаря. Святые отцы уверяют, что если бы его не было, то могли бы воскреснуть все пленники Ада. «Чтобы, обратив речь вообще к мертвым, не вызвать всех из гробов, Он поэтому и говорит: “Лазарь, иди вон!”», тебя одного Я вызываю в присутствии этого народа» (Иоанн Златоуст). Таким образом, народ уверовал в то, что между мирами существует какая-то связь, труба, дорога, по которой все же можно передвигаться в оба направления! Апостол Павел так писал о последнем дне мира: «Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся» (1 Кор. 15: 51).

Проживая свою земную жизнь, христианин верит в то, что Господь спасет его от мук Ада. Мы живем, грезя о мире «горнем», который населяют святые и пророки. Предназначение мира дольнего – приобщение к Богу и познание его истины. Именно об этом писал в «Пророке» А.С. Пушкин. Уединившись, Пророк внял «...неба содроганье, и горний ангелов полет...» (Пушкин 1959–1962: 149).

Само слово «ад» в переводе с греческого имеет два значения: «обрезать ветви дерева» и «наказывать». В священных текстах наказание это производит по отношению к себе сам человек, а не Бог. За то, что утратил общение с Богом, по образу и подобию которого был сотворен. В Священном Писании Ад предстает как вечный огонь для дьявола и его ангелов. Исаак Сирий представлял Ад как бич божественной любви, в противоположность ему Рай – это и есть любовь Божия.

Теперь обратимся к религии обских угров. Она сохраняет наиболее древние формы мифологического сознания. Религиозная мифология способствовала осознанию и проживанию единой родовой судьбы, изначально предрешенной деятельностью богов, различных духов, которым они поклонялись, и героическим предкам. Мифологическое сознание народов ханты и манси формировалось по мере выделения человека из мира природы и формирования человеческих общностей. Все вокруг у них делится на живое и неживое. Снег живой, пожухлая трава мертвая, тотемные вещи живые, потому как в них живет дух. Элементы шаманизма и даже идолопоклонничества также характерны ритуальным действиям этноса. Но, безусловно, огромное влияние на религиозные верования обских угров оказало христианство.

Вообще, говоря о мифологической модели мира обских угров, надо понимать, что в основе своей она троична, и иногда очень схожа с верованиями персов, индусов, вавилонян, древних греков (Себелева, Рымарева 2017). В мифологии обских угров нет Ада и Рая в привычном для нас понимании, но все же провести некоторые параллели представляется возможным. Итак, в мифологии обских угров царит троемирие: верхним миром правит

Номи-Торум, средним – его жена Калтащ-эква и сыновья, а нижним – брат Торума Куль-отыр.

Верхний мир, небесный, также троичен и построен на трех поколениях небесных божеств. На самых дальних ярусах живут дед Косяр-Торум (Нум-Сивес) и отец-демиург Корс-Торум – владыки Номи-Торума. Они уже «отошли от дел» и не занимаются вопросами управления. Сам Номи-Торум, живущий в золотом доме, наблюдает за жизнью людей через проделанное в небе отверстие. С ним же проживает его брат Шахэл-Торум, развозящий воду, и крылатая дочь Калм, которая призвана передавать приказы отца и просьбы людей к нему, и является своеобразным связующим звеном между сакральными мирами.

Большинство же богов вместе с людьми проживает в среднем мире. Самым главным зрителем здесь является младший сын Номи-Торума Мир-сусне-хум. Другие шесть сыновей разделили сферы влияния следующим образом: Полум-Торум, старший сын, следит за порядком народа, живущего по берегам холодной северной реки Пелым и ее притоков. Ас-Тальях-Торуму достались земли верховья Оби, он покровитель рыб и всяких водных животных. Нер-Торуму – земли у истоков Сосьвы и священного озера Ялпын Тур, также он покровитель оленей. Аутья-отыр ведает морской рыбой и территорией вокруг Обской губы. Тахыт-Котиль-Торум является покровителем манси, живущих по берегам Сосьвы, и считается самым почитаемым покровителем. В среднем мире живет и их мать Калтащ-эква, покровительница рожениц и младенцев. «На земле живут люди и кроме них еще Мисмахум и менквы, или учих. И те, и другие подвластны младшему сыну Нуми-Торума – Мир-сусне-хуму, ежегодно платят ему дань. Собирает дань «десятник» Мир-сусне-хума – Чохрын ойка, сын Ялпинг ойки – богатыря, родившегося на земле» (Черенцов 2002: 490). Здесь же обитает великое множество духов. Это огромные, сильные, но глуповатые Мэнквы, лесная фея Мис-не со своими подругами. Каждое людское поселение могло иметь также своих духов, многие из которых выступали в роли богатырей – отыров.

Нижний мир населяют духи (лунги – у ханты, куль и пупыг – у манси). Есть духи злые, которые олицетворяют болезни, – это духи «куль», а есть духи добрые – это хранители, или «пупыг». Если человек относится к духам с почитанием и уважением, то они его не обижают, без их помощи человек находится в опасности. Обосновал нижний мир Номи-Торум. «Мертвый мир я изначально предписал, – говорит он. – Если его не предписать, где тогда поместятся подрастающие девочки и подрастающие мальчики?» (Мифы, предания, сказки ханты и манси 1990: 292). Правит им Куль-отыр (или Самсай-ойку), он владыка обители мертвых.

Куль-отыр принимал когда-то участие в сотворении мира, и в его обязанности входила доставка в мир царства холода и темноты тех, кто должен был умереть. Являясь человеку во сне, Куль-отыр предлагал ему сесть с ним в черную лодку и по реке смерти переправиться в нижний мир. Его старший брат Тахыт-Котиль-Торум осуществлял контроль за своевременностью перемещения души человека. Куль-отыр был ему подконтролен и беспрекословно исполнял указания старшего брата. «Ты без моего позволения никого не тронь, не соблазняй, пока не скажу. Когда скажу, укажу на старого или молодого, того и возьмишь. Половину народа ты возьмишь, а половина останется мне» (Мифы и легенды народов мира. Народы России 2004: 10).

У ханты нет стражника загробного мира. По мнению исследователя Мирча Элиаде, идея зла в мифологии обских угров «...возникает медленно и с некоторым трудом» (Гемуев 2000: 15). Куль-отыра однозначно нельзя считать духом зла, ведь он просто перевозчик душ. Такие же обязанности перевозчиков душ умерших в различных мифологиях выполняют католический великан Оферуш, маньчжурский одноглазый дух-мертвец Дохоолоагэ, мрачный старец греческой мифологии Харон, дева Маналы из финской мифологии. Это архетипический образ, он воспроизводится интуитивно и концентрирует в себе многовековой опыт человечества.

Атам-лунг – худой дух, живущий там, где садится солнце, – самый злой в мифологии ханты. «Даже солнце, дойдя до того места, прячется и краснеет, ему страшно. Он живет на самом краю неба, за большой водой, за морем. Когда он приходит на землю, то люди поголовно вымирают, олени помирают; все болезни, все зло от него» (Шатилов 2002: 499).

Избрант Идес, изучавший культуру манси еще в XVIII в., пришел к выводу, что этот народ не ведает, кто такой черт (Идес, Бранд: 12). В мансийском мифе «Создание мира», записанном Н.В. Лукиной, присутствует упоминание о черте, с ним встречается сын Торума, но он не обладает какой-либо сверхъестественной силой, он просто пакостник, с которым могут легко разделаться даже птицы. В хантыйском мифе «Черт и Бог» он явно предстает глуповатым: Бог легко его «подловил на слове». Образ черта у ханты является своего рода интроекцией христианского черта. Т.А. Молданова считает, что существа, именуемые народом ханты чертями, не являются типично христианскими: они белого цвета и высокого роста. «Духи этого мира трансформировались в чертей: влияние знания на сознательном уровне. Произошла интроекция образа. Образ черта стал заместителем традиционных злых духов, т.е. вобрал в себя их сущность» (Молданова 2002: 67). Таким образом, категорически отрицательного персонажа, концентрирующего в себе идею зла, у народов ханты и манси нет.

Все миры населены богами и людьми. И люди могут через специальные отверстия при помощи лестниц или столбов перемещаться между ними. Смерть в одном мире – это рождение в другом. И люди, и Боги могут спокойно перемещаться в них. Подобные модели мира мы встречаем у иранцев, осетин. Этот факт говорит о том, что принцип трехъярусности мира архетипичен.

Но самое главное отличие верований ханты от манси заключается в том, что на всех трех уровнях жизнь, по их мнению, продолжает существовать, все эти миры подобны друг другу, и человек ведет в них активную деятельность.

Если в христианской мифологии Ад и Рай расположены параллельно друг другу и перпендикулярно относительно земного мира, то в религии обских угров они противопоставлены земному миру по вертикали. Главное отличие в том, что свободного перемещения между мирами христианство не предполагает, а в культуре обских угров это возможно. Ну и, пожалуй, самое существенное отличие в миропонимании (не формальное, выражающееся в объектах и средствах поклонения) заключается в том, что у народов ханты и манси нет понятия «смерти» как таковой, потому, возможно, нет и понятий «Ад» и «Рай» в привычном для нас понимании.

Говоря о мифологеме Ада и Рая и ее трансформации в различных культурах и религиях, прежде всего, следует отметить одну закономерность: вне зависимости от временных, географических рамок, вне зависимости от типа культурного сознания, мифологема Ада и Рая имеет место практически во всех религиях и культурах, поскольку является той универсальной архетипичной моделью, которая характерна человеческой общности на всех этапах ее эволюционирования.

ЛИТЕРАТУРА

- Гемуев И.Н. 2000. Народ манси: воплощение мифа. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии.
- Ефрем Сирин. О рае // Православная энциклопедия «Азбука веры» // https://azbyka.ru/otechnik/Efrem_Sirin/o_rae/ (2017. 03 нояб.).
- Ибн Араб. 1994. Толкование Корана // Хрестоматия по исламу / Прозоров С.М. (сост. и отв. ред.); пер. с арабского. М.: Наука, Восточная лит-ра.
- Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай // <http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Ides/frameizd.htm> (2017. 03 нояб.).
- Иоанн Златоуст, свяtitель. Против аномеев. Слово девятое // https://www.e-reading.club/chapter.php/1021707/38/Vasiliadis_-_Tainstvo_smerti.html (2017. 03 нояб.).

Мифы и легенды народов мира. 2004. Сборник в 10 т. Т. 9, 10. Народы России. М.: Литература; Мир книги.

Мифы, предания, сказки ханты и манси. 1990 / Пер. с хантыйского, мансийского, ненецкого языков; сост., предисл. и примеч. Н.В. Лукиной под общ. ред. Е.С. Новик. М.: Наука. Главная редакция восточной лит-ры.

Молданова Т.А. 2002. Нетрадиционные сверхъестественные существа в сновидениях хантыйских детей // Языки и культура народов ханты и манси: Материалы Междунар. конференции, посвященной 10-летию НИИ обско-угорских народов. Ч. 1: Этнология, социология, экономика / Отв. ред. Н.В. Лукина. Томск: Изд-во Том. ун-та.

Пушкин А.С. 1959–1962. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 2. Стихотворения. 1823–1836. М.: ГИХЛ.

Себелева А.В., Рымарева Е.Н. 2017. Трансформация архетипа «всемирный потоп» в мифологических сюжетах обских угров // Ученые записки Орловского гос. ун-та 1 (74), 109–114.

Черенцов В.Н. 2002. Манси. Из полевого дневника // Народы Крайнего Севера и Дальнего Востока России в трудах исследователей (XX в.) / Сост. Т.Н. Емельянова, М.В. Южанинова. М.: Северные просторы.

Шатилов М.Б. 2002. Общее мирозерцание и верования // Народы Крайнего Севера и Дальнего Востока России в трудах исследователей (XX в.) / Сост. Т.Н. Емельянова, М.В. Южанинова. М.: Северные просторы.

УДК 82-31

О.Н. Шинкевич

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОРТРЕТ КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ ПСИХОЛОГИЗМА В РАННИХ ПОВЕСТЯХ А.И. КУПРИНА

Аннотация. В данной статье анализируются особенности использования А.И. Куприным художественных приемов при создании психологизма в ранних повестях, рассматривается особенность функционирования психологического и характерологического видов портрета, сравнивается портрет персонажа в жанрах ранней повести и рассказа, исследуется особенность портретной детали как одного из приемов создания психологизма в художественном произведении.

Целью данного исследования является выявление особенностей функционирования литературного портрета как одного из способов выражения психологизма в ранних повестях А.И. Куприна.

Достижение цели предполагало решение следующих задач:

- определить актуальность изучаемой проблемы;
- изучить существующие художественные приемы, определяющие психологизм художественного произведения;
- проанализировать функционирование определенных видов литературного портрета персонажа в ранних повестях А. И. Куприна;
- выявить особенности психологизма ранних повестей А.И. Куприна.

Предмет исследования – литературный портрет персонажа.

Объект исследования – ранние повести А.И. Куприна.

В работе применялись следующие методы исследования: культурно-исторический, сравнительно-исторический и элементы системно-целостного анализа художественного произведения.

Актуальность данного исследования заключается в недостаточной изученности литературного портрета персонажа как художественного приема при создании психологизма в ранних повестях А. И. Куприна.

Результаты исследования позволили утверждать, что в раннем творчестве А.И. Куприн при создании психологизма в своих произведениях использует литературный портрет, а именно: психологический и характерологический, а также портретную деталь, уделяя минимальное значение портрету-описанию, хотя он чаще всего встречается в литературных произведениях. При сопоставлении портретов персонажей в произведениях разных жанров замечено незначительное внимание автора к использованию психологического портрета в жанре рассказа, но широкое использование его в жанре повести.

Ключевые слова: психологизм; литературный портрет; портретная деталь; психологический портрет; портрет-описание; характерологический портрет.

Сведения об авторе: Шинкевич Ольга Николаевна, аспирант кафедры филологии и массовых коммуникаций Нижневартовского государственного университета.

Контактная информация: 628600, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 36, ауд. 305; тел.: +7(3466)273510; e-mail: olgakatrenko99@gmail.com

THE LITERARY PORTRAIT AS A WAY OF EXPRESSING PSYCHOLOGISM IN THE EARLY NOVELS OF A. I. KUPRIN

Abstract. In this article, the peculiarities of the use by A.I. Kuprin of artistic techniques are analyzed in the creation of psychologism in early narratives, the peculiarity of the functioning of the psychological and characterological types of portrait is examined, the portrait of the character in the genres of the early story and story is compared, the feature of the portrait detail as one of the methods of creating psychology in an artwork.

The purpose of this study is to identify the features of the functioning of the literary portrait as one of the ways of expressing psychologism in the early novels of A.I. Kuprin.

Achieving the goal meant solving the following tasks:

- determine the relevance of the problem being studied;
- explore the existing artistic techniques that determine the psychology of the work of art;
- to analyze the functioning of certain types of literary portrait of the character in the early novels of AI Kuprin;

- to reveal the features of the psychology of the early novels of A.I. Kuprin.

The subject of the study is a literary portrait of the character.

The object of research is the early novels of A.I. Kuprin.

The following research methods were applied in the work: cultural-historical, comparative-historical and elements of a system-holistic analysis of a work of art.

The relevance of this study lies in the insufficient knowledge of the literary portrait of the character as an artistic device in the creation of psychologism in the early novels of A.I. Kuprin.

The results of the research allowed us to state that in his early work A.I. Kuprin, in the creation of psychologism in his works, uses a literary portrait, namely: psychological and characterological, as well as a portrait detail, giving minimal value to the portrait description, although it is most often found in literary works. When comparing portraits of characters from different genres, the author's slight attention to the use of the psychological portrait in the genre of the story, but the widespread use of it in the genre of the story, is noted.

Key words: psychology; literary portrait; portrait detail; psychological picture; portrait-description; characterological portrait.

About the author: Shinkevich Olga Nikolaevna, postgraduate student of the Department of Philology of Mass Communications, Nizhnevartovsk State University

Психологизм художественных произведений находит различные способы выражения: это и «аналитические характеристики автором того, что творится в душе персонажа, и несобственно-прямая речь, ... и внутренние монологи, и задушевные беседы персонажей, и их дневниковые записи, и, наконец, изображение сновидений и галлюцинаций» (Хализев 2004: 199), однако «на ранних стадиях развития словесности переживания изображаемых лиц всецело зависят от развертывания событий и подаются главным образом через их *внешние проявления*» (Хализев 2004: 196). В литературе внешние проявления героев нашли свое отражение в понятии *литературный портрет*.

Мастерство психологизма А.И. Куприна раскрывается уже в ранних его произведениях, а именно в жанре повести. Уже в первой своей повести «Впотьмах» (1892) автор использует развернутые динамические портреты персонажей, главное место из которых занимает *психологический портрет*. А.А. Волков писал: «Уже в раннем творчестве Куприна обнаруживается его склонность к психологическому анализу» (Волков 1981: 9). Для сравнения, в первом опубликованном прозаическом произведении Александра Ивановича – рассказе «Последний дебют» (1889) – автор знакомит читателя с героиней, не уделяя должного внимания описанию ее внешних и внутренних качеств: «Лидия Николаевна Гольская была красавица» (Куприн 2006b: 360). «Склонность к психологическому анализу» в данном рассказе проявляется в использовании иных художественных приемов: внутренних монологов, задушевных бесед персонажей и пр.

В повести «Впотьмах» автор не обходит стороной наиболее яркий и часто используемый писателями такой вид портрета, как *портрет-описание*, суть которого заключается в детальном представлении внешности персонажа: костюма, лица, мимики, жестов,

что, по сути, определяет само понятие *литературный портрет*¹. *Портрет-описание* чаще всего находится в начале художественного произведения при первой встрече читателя с персонажем, но А.И. Куприн при знакомстве с главным героем уделяет большее внимание *психологическому* и *характерологическому* портрету. Данные виды литературного портрета представлены более подробно, чем описание внешности: «держал под руку *третьего* [А.Е. Аларина], смуглого красавца в инженерной форме, с дорожной сумкой через плечо» (Куприн 2006а: 94). Особенностью использования А.И. Куприным *психологического* портрета является его сложное представление в тексте. Главный герой повести, Александр Егорович Аларин, на протяжении всей сюжетной линии представлен личностью, чьи характер и психологическое состояние играют более важную роль, чем привычное описание внешних деталей. С помощью данного художественного приема А.И. Куприн достигает высокого психологизма в произведении, раскрывая сущность героя не во внешности, а через мысли и поступки: «Он любил шумную, кипучую жизнь вокзалов, любил смешаться с толпой, прислушиваясь и приглядываясь к ней, чувствуя себя в это время бодрым и веселым» (Куприн 2006а: 95).

Принято считать, что характер персонажа является частью *психологического* портрета. Однако некоторые исследователи (А.Б. Есин, О.А. Малетина) относят данную характеристику героя к портрету *характерологическому*. На примере повести «Впотьмах» четко видны границы и принципиальная разница между представлением характера как сложившегося и психологическим состоянием героя, которое меняется в зависимости от обстоятельств. Исследователь А.Б. Есин считает, что «собственно психологический портрет появляется в литературе тогда, когда он начинает выражать то или иное психологическое состояние, которое персонаж испытывает в данный момент, или же смену таких состояний» (Есин 2000: 52). Сложность разграничения данных видов портрета часто заключается в неразрывности описания свойственных психологизму характеристик. Так, А.И. Куприн использует *характерологический* портрет, переходящий в *психологический*: «Он умел и любил говорить только тогда, если вокруг него не было слушателей, которых он инстинктивно считал бы сильнее себя» (Куприн 2006а: 101). Данная информация о герое говорит об устоявшейся привычке, сформировавшейся при определенных условиях и сложившейся в характер. Далее следует портрет *психологический*: «Сосредоточенное внимание сидевшей перед ним девушки, представлявшей олицетворенную неопытность и наивность, делало его развязным» (Куприн 2006а: 101). «Развязность» героя – *психологический* портрет, так как он проявляется в определенной ситуации и может измениться вместе с изменениями условий данной обстановки. В данном случае условие – «внимание сидевшей перед ним девушки». Еще один яркий пример подобного сложного портрета: «Аларин, вообще склонный к анализу своих внутренних побуждений, часто замечал в себе подобную двойственность, и если на него находила в это время минута самобичевания, то он называл себя с горечью “раздвоенным человеком”» (Куприн 2006а: 99). Здесь «склонный к анализу...» – определение сложившегося *характера*; «двойственность», которая проявлялась, «если на него находила в это время минута самобичевания» – *психологический* портрет.

Повесть «Молох» (1896) – не исключение. Использование сложного портрета, раскрывающего одновременно *характер* и *психологическое* состояние, также встречаем в представлении главного героя Андрея Ильича Боброва: «По складу его ума, по его привычкам и вкусам ему лучше всего было посвятить себя кабинетным занятиям, профессорской деятельности или сельскому хозяйству ...» – *характерологический* портрет. «Иногда

¹ Под литературным портретом понимается «изображение в художественном произведении всей внешности человека, включая и лицо, и телосложение, и одежду, и манеру поведения, и жестикуляцию, и мимику» (Есин 2000: 50).

мелочи, не замеченные другими, причиняли ему глубокие и долгие огорчения» – *психологический* портрет (Куприн 2006а: 24).

Еще одной особенностью психологизма в творчестве А.И. Куприна является презентация внешней красоты главного героя через *характерологический* портрет: «Кроме того, он был не чужд любования собою и своим голосом, свойственного очень молодым, в особенности красивым людям, которые, оставаясь даже совершенно одни, постоянно воображают, что на них кто-то с любопытством смотрит, и ведут себя точно на сцене» («Впотьмах») (Куприн 2006а: 101). На протяжении всей сюжетной линии повести «Впотьмах» привычным деталям внешности уделяется минимальное значение; все, что знает читатель о внешности главного героя (и это не перестает подтверждать влюбленная в него героиня) – красота: «Она ловила каждое слово и притом невольно любовалась красивым лицом Аларина с его блестящими от оживления, черными, притягивающими глазами» (Куприн 2006а: 101). «На ранних стадиях культуры предполагалось, что красивому внешнему облику соответствует и душевная красота» (Есин 2000: 50), но А.И. Куприн в повести «Впотьмах» вводит персонажей, внешний облик которых противопоставлен внутреннему содержанию. Такое «обратное соотношение между портретом и характером» (Есин 2000: 50) берет начало в XIX в., где психологизм проявлен в наивысшей степени мастерства (Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский).

Для изображения таких персонажей автор вводит *портретную деталь*, с помощью которой достигается психологизм текста. «Лицо с неправильными чертами было болезненно и бледно, тонкие сухие губы почти бескровны. Этих непривлекательных качеств не сглаживали даже синие *глаза* прекрасного очертания» («Впотьмах») (Куприн 2006а: 96) – таким образом А.И. Куприн детально описывает облик героини Зинаиды Павловны в начале повести. Однако не случайно внимание и определение «прекрасного очертания» отведено *глазам*. В данной повести *глаза* – деталь портрета, лейтмотив всего художественного полотна А.И. Куприна. О внешней красоте, присущей главному герою Аларину, также «говорят» *глаза*, о которых неустанно вспоминает влюбленная героиня: «все такой же обаятельный, с тем же чарующим взглядом своих черных *глаз*» (Куприн 2006а: 123), «Какие у него чудные *глаза*, глубокие-глубокие, можно в них глядеть целый день и не добраться до дна» (Куприн 2006а: 131). Автор до конца произведения держит в тайне истинную сущность главного героя, и только последняя встреча доказывает, что за прекрасным внешним обликом главного героя скрывается ничтожная и гадкая душа: «Он лицом и всей своей фигурой изобразил неестественное, подобострастное внимание, которое показалось Зинаиде Павловне чрезвычайно гадким» (Куприн 2006а: 158), «Его лицо приняло жадное, почти зверское выражение, *глаза* сверкали, на лбу выступили крупные капли пота» (Куприн 2006а: 157). В то же время за невзрачной внешностью, бледностью и чрезвычайной скромностью скрывалась прекрасная душа, человек, способный к великому самопожертвованию ради любимого, – такой оказалась Зинаида Павловна: «Это – великий подвиг, самый великий, на который когда-либо решалась женщина» (Куприн 2006а: 150).

Отдельное внимание уделено *глазам* героя Кашперова. По описанию этой портретной детали можно проследить, как постепенно меняется отношение героини к данному персонажу: «Из глубокой амбразуры окна на нее жадно и пристально смотрели *два сверкающих глаза*. Девушка вся сжалась от ощущения инстинктивного страха» (Куприн 2006а: 126), «И вдруг у нее совершенно неожиданно сорвалось с языка: – Кроме того, *эти ужасные глаза*» (Куприн 2006а: 126), «Его заплаканные и несколько опухшие от слез *глаза* смотрели на Зинаиду Павловну с такой ласковой грустью, что она невольно почувствовала жалость» (Куприн 2006а: 150), «Зинаида Павловна без слов протянула ему руку, и они оба в первый раз *смело и дружелюбно взглянули друг другу в глаза*» (Куприн 2006а: 150). Будучи негативно воспринимаемым героем в начале повествования, Кашперов в глазах

героини преобразуется в героя, воспринимаемого положительно. Таким образом, *портретная деталь* выполняет функцию надления текста психологизмом.

Подводя итоги вышесказанному, можно сделать вывод о том, что психологизм в ранних произведениях А.И. Куприна имеет свои особенности представления в тексте, соответствует классическому психологизму в литературе, берущему начало в XIX в., и достигается путем введения таких литературных портретов персонажей, как *психологический* и *характерологический*, а также при помощи *портретной детали*.

ЛИТЕРАТУРА

Волков А.А. 1981. Творчество А.И. Куприна. 2-е изд. М.: Худож. лит-ра.

Есин А.Б. 2000. Принципы и приемы анализа литературного произведения. М.: Флинта, Наука.

Куприн А.И. 2006а. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 1. Повести. Рассказы. Очерки. Стихотворения. Эпиграммы. Афоризмы. Романсы. М.: Воскресенье.

Куприн А.И. 2006б. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 2. Повести. Рассказы. Очерки. Пьеса. М.: Воскресенье.

Хализев В.Е. 2004. Теория литературы: Учебник. 4-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 371.385.5

С. А. Никишина

ПРИНЦИПЫ ПОДГОТОВКИ К ТЕКСТОВОЙ ЧАСТИ ОГЭ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Аннотация. Статья посвящена выявлению принципов результативной подготовки учащихся к тестовой части ОГЭ по русскому языку. Определены основные особенности научного текста, способствующие эффективному восприятию информации: компактность, деление на смысловые блоки, описание действий. Сформулированы принципы деятельности учителя, направленной на подготовку к тестам: компактное и доступное объяснение теории, создание алгоритмов к каждому тестовому заданию, пошаговая отработка отдельных тематических блоков в рамках одного тестового задания, использование дидактических материалов базы Федерального института педагогических измерений (ФИПИ). Представлен алгоритм, регламентирующий правописание Н и NN в суффиксах различных частей речи, а также определение в предложении грамматической основы. Приводятся примеры реализации дидактического принципа доступности при объяснении теоретических аспектов школьного курса русского языка. Предложен образец оптимального использования в учебном процессе аутентичного дидактического материала, представленного в Открытом банке задания ОГЭ – ФИПИ и на сайте «Решу ЕГЭ/Сдам ГИА». В статью включены фрагменты словаря фразеологизмов и словаря синонимов.

Прикладная направленность статьи будет интересна школьным учителям и репетиторам. Системный подход к подготовке к сдаче основного государственного экзамена по русскому языку не только обеспечивает высокие результаты, но и способствует развитию у учащихся языковых и речевых компетенций.

Ключевые слова: ОГЭ по русскому языку; тест; алгоритм; доступность; дидактический материал.

Сведения об авторе: Никишина Светлана Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии и массовых коммуникаций Нижневартковского государственного университета.

Контактная информация: 628611, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 3б, ауд. 305; тел.: 8(3466)273510; e-mail: nikishina_svetla@mail.ru.

S. A. Nikishina

PRINCIPLES OF PREPARATION FOR THE TEXT PART OF THE OGE IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Abstract. The article is devoted to revealing the principles of effective preparation of students for the test part of the OGE on the Russian language. The main features of the scientific text that contribute to the effective perception of information are defined: compactness, division into semantic blocks, description of actions. The principles of the teacher's activity aimed at preparing for the tests are formulated: a compact and accessible explanation of the theory, creation of algorithms for each test task, step-by-step development of individual thematic blocks within the framework of one test task, use of didactic materials of the Federal Institute of Pedagogical Measurements (FIPI) database. The algorithm regulating the spelling of H and NN in the suffixes of various parts of speech is presented, as well as the definition of the grammatical basis in the sentence. Examples are given of the implementation of the didactic principle of accessibility in explaining the theoretical aspects of the school course of the Russian language. A sample of the optimal use of authentic didactic material in the educational process is presented. It is presented in the Open Bank of the OGE tasks–FIPI and the sites like «Reshuege/Sdamgia». The article includes fragments of the dictionary of phrase logical units and the dictionary of synonyms.

Applied focus of the article will be of interest to school teachers and tutors. A systematic approach to preparing for the passing of the basic state examination the Russian language not only ensures high results? But also contributes to the development of language and speech competencies/

A systematic approach to preparing for the passing of the basic state examination in the Russian language not only ensures high results, but also contributes to the development of language and speech competencies.

Key words: basic state examination (OGE) in Russian; test; algorithm; accessibility, didactic material.

About the author: Nikishina Svetlana Alekseevna, candidate of philological Sciences, Associate Professor of the Department of Philology and mass Communications, Nizhnevartovsk State University.

ОГЭ (основной государственный экзамен) по русскому языку в 9 классе состоит из трех частей (изложения, тестовых заданий, сочинения), подготовка к каждой из которых имеет свою специфику. Остановимся на особенностях работы с тестовой частью, включающей проверку знаний, умений и навыков по всем разделам программы основной школы.

Чтобы обеспечить качественную подготовку учащихся к ОГЭ, учитель должен учитывать особенности восприятия информации современными школьниками. «Клипное

мышление», появившееся в эпоху интернета, требует динамичной и дозированной подачи материала. Этот фактор совершенно не учитывается авторами школьных учебников по русскому языку, а между тем, чтобы необходимая информация усваивалась, необходимо, чтобы текст был:

- 1) насыщен короткими фразами;
- 2) разбит на смысловые блоки небольшого (два-три абзаца) объема;
- 3) построен по принципу «описание действия».

В связи с обозначенными особенностями в основу подготовки учащихся к сдаче ОГЭ могут быть положены следующие принципы:

- 1) компактное и доступное объяснение теории;
- 2) создание алгоритмов к каждому тестовому заданию;
- 3) пошаговая отработка отдельных тематических блоков в рамках одного тестового задания;
- 4) использование материалов базы ФИПИ (сайт Решу ЕГЭ (ОГЭ)).

Опыт показывает, что алгоритмизация действий ученика при выполнении каждого тестового задания, построенная на доступно изложенном теоретическом материале, может обеспечить успешную сдачу экзамена.

Приведем примеры алгоритмов к некоторым тестовым заданиям. **Задание 5** включает в себя орфографический материал, связанный с правописанием **Н** и **НН** в суффиксах различных частей речи. После повторения и закрепления правила учащиеся знакомятся с формулировкой задания, а затем им предъявляются алгоритмы, учитывающие содержание конкретных заданий:

№ п/п	Тип задания	Как выполнять	Примеры
1.	... выпишите слово, в котором правописание суффикса определяется правилом: «В кратком страдательном причастии прошедшего времени пишется Н ».	Искать слова: 1. С Н . 2. Отвечают на вопросы ЧТО СДЕЛАНО? ЧТО СДЕЛАНА? ЧТО СДЕЛАНЫ? ЧТО СДЕЛАНЫ? 3. Образованы от глагола.	<i>решено, решена, решены, решен</i>
2.	... выпишите слово, в котором правописание суффикса определяется правилом: «В полном страдательном причастии прошедшего времени пишется НН ».	Искать слова: 1. С НН . 2. Образованы от глагола. 3. Отвечают на вопросы ЧТО СДЕЛАНЫ? КАКОЙ?	<i>решенный, решенная, решенное, решенные</i>
3.	... выпишите слово, в котором правописание суффикса определяется правилом: «В наречии пишется столько Н , сколько в слове, от которого оно образовано».	Искать слова: 1. С Н или НН . 2. Оканчиваются на -О (-Е) . 3. Отвечают на вопрос КАК?	<i>решительно, искренне</i>
4.	... выпишите слово, в котором правописание суффикса определяется правилом: «В прилагательных , образованных от существительных с основой на -Н с помощью суффикса -Н- , пишется НН ».	Искать слова: 1. С НН . 2. Образованы от существительных с основой на Н . 3. Отвечают на вопрос КАКОЙ?	<i>луН(а)+Н= луННый</i>
5.	...выпишите слово, в котором правописание суффикса является исключением из правила .	Искать слова: <i>оловянный, деревянный, стеклянный, ветреный.</i>	

6.	... выпишите слово, в котором правописание суффикса определяется правилом: « В прилагательных , образованных от существительных с помощью суффикса -АН- (-ЯН-), пишется одна буква Н ».	Искать слова 1. С суффиксом -АН- (-ЯН-). 2. Образованы от существительных. 3. Отвечают на вопрос КАКОЙ?	<i>кожаАНый</i> <i>серебряЯНый</i>
7.	... выпишите слово, в котором правописание суффикса определяется правилом: « В прилагательных , образованных от существительных с помощью суффиксов -ОНН- , -ЕНН- , пишется НН ».	Искать слова: 1. С суффиксом -ОНН- , -ЕНН- . 2. Образованы от существительных. 3. Отвечают на вопрос КАКОЙ?	<i>кляквЕННый</i> <i>революциОННый</i>

Задание 8, в котором требуется найти грамматическую основу, вызывает определенные трудности, так как значительная часть предложений является безличными с составным именным сказуемым. Преодолеть эти трудности тоже помогает алгоритм.

Грамматическая основа предложения (содержит основную информацию)

= подлежащее + сказуемое (*Наступили сильные морозы*)

только сказуемое (*На улице было морозно*)

только подлежащее (*Мороз и солнце*)

Сначала найди сказуемое, а потом – подлежащее.

СКАЗУЕМОЕ

Сказуемое (что делает предмет? каков предмет? что такое предмет? кто такой предмет?)

Как искать сказуемое?

Есть ли в предложении глагол?		
Да	Нет	
Относятся ли к нему другие глаголы или слова <i>нужно, надо, рад, готов, должен, обязан, способен, намерен, согласен, вынужден</i> и под.?	Ищи в предложении слова, обозначающие признак, которые выражают основной смысл (отвечают на вопрос какой? каково?). Рядом с этими словами можно поставить глагол <i>быть</i> (<i>было, будет</i>).	
Да	Нет	Это и есть сказуемое
В сказуемое включаются другие глаголы и слова <i>нужно, надо, жаль</i>	Сказуемое выражено одним глаголом	
<i>Хоть одну-то извилину <u>надо</u> иметь!</i> <i>Ему <u>хотелось</u> плакать.</i> <i>Их <u>нужно</u> было внести за обучение в первом полугодии.</i> <i><u>Хотелось</u> учиться не очень трудно и не очень скучно.</i> <i>И вдруг я <u>расхотел</u> пускать с балкона голубков.</i> <i>Толе очень <u>нравилось</u> бегать в школу под дождём.</i>	<i>Через неделю всё <u>повторилось</u>.</i> <i>Здесь, в Доме культуры, <u>есть</u> такая студия.</i> <i>С появлением Ларисы <u>многое изменилось</u>.</i>	<i>Ей, видите ли, своя <u>прихоть дорожке</u> (признак обозначает слово <i>дорожке</i> (каково?), рядом с ним можно поставить глагол была, будет: ... своя прихоть была дорожке, значит, это сказуемое. Какой предмет имеет этот признак? Что было <i>дорожке</i>? – прихоть, значит, это подлежащее).</i>

ЗАПОМНИ!

В предложении могут быть однородные сказуемые:

Он взял три веточки мимозы и пошёл в школу.

ПОДЛЕЖАЩЕЕ

Подлежащее обозначает исполнителя действия (делает *кто?* *что?*), стоит только в именительном падеже.

Как искать подлежащее?

Задай от сказуемого вопросы кто? что? Есть в предложении слово (слова), которое (-ые) отвечают на эти вопросы?		
Да	Нет	
Обозначает (-ют) оно (они) исполнителя действия?	Подлежащего в этом предложении нет.	
Да	Нет	
Это подлежащее	Подлежащего в этом предложении нет	
По щекам моряков, не раз смотревших смерти в лицо, <u>текли слёзы</u> (текли кто? что? слезы, слезы совершают действие).	Медленно <u>гасят свет</u> (гасят кого? что? свет, свет не гасит себя сам, его гасят другие, значит слово <u>свет</u> не подлежащее, в этом предложении нет подлежащего).	О душе теперь <u>не думают</u> , только для брюха и <u>живут</u> (не названы ТЕ, кто не думает и живет).

ЗАПОМНИ!

1. В предложении могут быть однородные подлежащие:

Значит, отец и мама писали после своей утренней пробежки и перед работой.

2. Подлежащее выражается именами существительными или другими частями речи, к которым можно задать вопросы *кто?* *что?*

Это (что?) случилось в начале июня.

Через неделю всё (что?) повторилось.

С появлением Ларисы многое (что?) изменилось.

3. Подлежащее может быть выражено сочетанием слов:

Из тридцати ушедших на фронт местных мужиков вернулись с войны двое.

НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ПОДЛЕЖАЩИМ

1) обращение (адресат речи), хотя и отвечает на вопрос *кто?*: Заходите, товарищ лейтенант. Вот скажите мне, Ваня.

2) слова, которые обозначают исполнителя действия, но стоят **НЕ** в именительном падеже: Толе очень правилось бежать в школу под дождём. Ему хотелось плакать.

ЕСЛИ СКАЗУЕМОЕ НАЙТИ ТРУДНО, ИЩИ ПОДЛЕЖАЩЕЕ:

Но ведь это только начало! – кто? что? это – подлежащее, что такое это? начало, можно подставить глагол было (было начало), значит, начало – сказуемое.

Доступное объяснение теории предполагает не только знание необходимых определений, но и понимание сути того или иного языкового явления. Например, практически все девятиклассники знают, что метафора – это скрытое сравнение, но не все могут найти ее в тексте. Простое объяснение метафоры как того, чего не может быть, позволяет даже слабым ученикам находить метафору: Мальчик был защищён невидимой бронёй своего смятения, «броню смятения» увидеть нельзя, существительное употреблено в переносном значении: не бывает у сомнения брони; Этих реплик хватило для того, чтобы суматошная, искрящаяся мысль о побеге с урока вспыхнула молнией, мысль не может вспыхнуть, просто мысль, её быстрота сравнивается с молнией.

Эпитет – это тоже метафора, которая отвечает на вопрос *какой?* Тот сидел сгорбась – локти в парту, кулаки под закаменевшим подбородком, подбородок *какой?* – закаме-

невший. Вы видели когда-нибудь закаменевший подбородок? Нет, это слово в **переносном смысле**, которое отвечает на вопрос какой?, значит, это и есть эпитет.

Принцип пошаговой отработки отдельных тематических блоков в рамках одного тестового задания предполагает, что, например, в рамках задания 9 (осложненное предложение) закрепляется не весь материал сразу, а последовательно предлагаются упражнения, содержащие обособленное определение, затем – обособленное приложение, потом – обособленное обстоятельство. Выполнению каждого вида упражнений предшествует повторение теории, разбитой на соответствующие блоки.

Дидактический материал для отработки тестовых заданий лучше всего брать из Открытого банка заданий – ФИПИ (Федеральная служба по надзору ...) или с сайта Решу ЕГЭ/Сдам ГИА (Решу ОГЭ ...). Эти ресурсы позволяют, например, составить фразеологический словарь ОГЭ и предложить его учащимся для заучивания (приводим фрагмент такого словарика).

Словарь фразеологизмов (ОГЭ по данным базы ФИПИ)

Б

Белый свет. Окружающая нас действительность – земля, мир, вселенная. *И вообще пора тебе подумать, кто ты такой и зачем существуешь на белом свете! Я долго так сидел, начисто забыв про всех на белом свете.*

Броситься (бросаться) в глаза. Привлекать внимание своим видом; быть особенно заметным. *Эти пуговицы бросились мне в глаза прежде всего: у всех были железные пуговицы со звёздочкой, а у Витьки Борецкого – с якорями.*

Быть на седьмом небе. Испытывать состояние блаженства, счастья. *Я был на седьмом небе от счастья и засыпал с книгой в руках.*

В

Вдоль и поперёк. До мельчайших подробностей, очень хорошо. *Нельзя же заново изобретать самолёт, если его давно изобрели, или открывать новые страны, если всё уже пройдено вдоль и поперёк!*

В конце концов. В итоге, наконец. *В конце концов дети легли в свои кровати и закрыли глаза.*

Во весь голос. Громко. *Но Васятка не слышал, он отмахивался от пчёл и кричал во весь голос.*

В розовом свете. Лучше, чем есть на самом деле. *Он видел всё в розовом свете рядом с этой Машей.*

В самый раз будет. Впору, подходит по размеру (об одежде, обуви). *Тётя Нина отдала. Витальке стал маловат, а тебе будет в самый раз.*

Всё разложено по полочкам. Приведено в порядок, объяснена и упорядочена какая-либо информация. *Слишком у этих взрослых всё разложено по полочкам.*

Приведем фрагмент словарика синонимов, составленного по материалам Открытого банка заданий – ФИПИ.

Б

Бабы – женщины

Бедолага – несчастный, страдалец

Благоговейно – почтительно, с трепетом

Благодеяние – одолжение

Болтать – говорить, разговаривать, беседовать

Боязно – страшно

Бумажек – купюр

Буркнул – сказал

В

Ввязываться – вмешиваться, вступать
Вдосталь (снабжала едой) – достаточно
Ведает – знает
Вздумала – решила
Внушало ужас – пугало
Во всеуслышание (воскликнула) – громко
Вовек (не забудешь) – никогда
Волок (две картины) – нес, тащил
Воспарить – взлететь
Впрямь – действительно
Враньё – обман, ложь
Вторгалась (в мои взаимоотношения) – вмешивалась
Вызволю (тебя) – спасу, вытаску, освобожу
(Не) **выказала** (интереса) – проявила

Г

Говорили спасибо – благодарили

Голосишь – кричишь

Грохнулся – упал

Опыт показывает, что такой продуманный и системный подход к подготовке к сдаче основного государственного экзамена по русскому языку может не только обеспечить высокие результаты, но и будет способствовать развитию у учащихся языковых и речевых компетенций.

ЛИТЕРАТУРА

Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки // Открытый банк заданий ОГЭ // www.fipi.ru/content/otkrytyy-bank-zadaniy-oge (2017. 01 нояб.)

Решу ОГЭ/Сдам ГИА: Образовательный портал для подготовки к экзаменам // <https://rus-oge.sdangia.ru/> (2017. 01 нояб.)

УДК 371.322

О. С. Ращупкина

ПРОДУКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ ФГОС ОСНОВНОГО ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования представляет собой совокупность требований к результатам освоения основной образовательной программы основного общего образования, к ее структуре и условиям реализации.

Выбор продуктивных технологий обучения, под которыми мы понимаем упорядоченную совокупность действий, операций и процедур, инструментально обеспечивающих достижение прогнозируемого результата в изменяющихся условиях образовательного процесса, оказывает большое влияние на освоение содержания ФГОС и качество образования по предмету.

Новая парадигма литературного образования определяет смену ориентиров деятельности обучающихся от запоминания к пониманию и интерпретации, поэтому так важно на уроке использовать продуктивные технологии, помогающие обучающимся не только ориентироваться в современном мире, но и овладеть навыками самостоятельного извлечения новых знаний.

В работе представлена методологическая основа использования продуктивных технологий обучения на уроках литературы в рамках реализации ФГОС основного общего образования в целях повышения качества образования по предмету, проанализирована теория и практика диалогического взаимодействия на уро-

ках литературы, обоснована психологическая целесообразность индивидуального педагогического опыта с целевой группой по использованию продуктивных технологий.

Полученные результаты свидетельствуют, что внедрение продуктивных технологий на уроках литературы позволяет создать оптимальные условия для развития творческого мышления, высокого уровня творческой самостоятельной деятельности каждого обучающегося, формирования у них исследовательских умений и навыков и повышает качество образования по предмету.

Ключевые слова: Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС); продуктивные технологии; качество образования; диалогическое взаимодействие.

Сведения об авторе: Ращупкина Ольга Станиславовна, заместитель директора по учебно-воспитательной работе, преподаватель русского языка и литературы МБОУ «Лицей».

Контактная информация: 628615, г. Нижневартовск, ул. Нефтяников, д. 44; тел.: 89129379700; e-mail: 77ros@mail.ru.

O. S. Raschupkina

PRODUCTIVE TECHNOLOGIES OF TRAINING AT LITERATURE LESSONS AS A FACTOR OF IMPROVING QUALITY OF EDUCATION IN THE FRAMEWORK EDUCATIONAL STANDARDS

Abstract. Learning standards is a set of requirements for the mastering results of basic general education, its structure and implementation conditions.

The choice of productive learning technologies, by which we mean an ordered set of actions, operations and procedures that instrumentally ensure the achievement of the predicted result in the changing conditions of the educational process, has a great influence on the development of learning standards content and education quality of the subject.

The new paradigm of literary education determines the orientations change of learners' activity from memorization to understanding and interpretation, therefore it is important to use productive technologies at the lessons that help learners not only orientate in the modern world, but also master the skills of independent knowledge elicitation.

The scientific work presents the methodological basis for the use of the productive technologies of training at literature lessons in the framework of the FSES basic secondary education in order to improve the quality of education on the subject, analyzes the theory and practice of Dialogic interaction at the literature lessons and substantiates the psychological feasibility of individual teaching experience with the school target group on the use of productive technologies.

The obtained results show that the introduction of productive technologies at the literature lessons allows to create optimal conditions for the development of creative thinking and a high level of creative independent activities of each student, the student's research skills training and improves the quality of the subject education.

Key words: Federal state educational standard (FSES); productive technologies; educational quality; dialogical interaction.

About the author: Raschupkina Olga Stanislavovna, deputy director for teaching and educational work, teacher of the Russian language of literature of the «Lyceum».

Актуальность данной работы объясняется тем, что в настоящее время выдвигаются закреплённые во ФГОС новые требования к результатам освоения содержания основного общего образования. Активно формируются представления о фундаментальности образования, которое позволит человеку самостоятельно работать, учиться и переучиваться. Образовательная система современных школ, гимназий, лицеев переживает этап переосмысления и переформулирования базовых условий организации школьной жизни. Конкурентоспособность и безопасность личности и нации определяется сегодня, в первую очередь, не тем или иным уровнем сформированности у сегодняшних школьников знаний, умений и навыков по различным предметам, а их надпредметными умениями к самостоятельной организации собственной деятельности по решению задач и проблем, готовностью к самоизменению, самовоспитанию и саморазвитию. Поэтому сегодня так значим для учителя вопрос выбора технологий обучения, соответствующих требованиям настоящего времени.

Проблема современной школы заключается в том, что в центре традиционной модели педагогического процесса находятся передаваемые в инструктивно-нормирующей форме предметные знания, а не целостная личность ребенка, в то время как в декларируемых на федеральном уровне нормативно-правовых документах заявлено, что важнейшей

педагогической задачей является обращение учителя к ученику как к субъекту учебной деятельности, как к личности, стремящейся к самоопределению и самореализации. В качестве основной цели обучения в федеральных государственных образовательных стандартах определяется «развитие личности обучающегося на основе усвоения универсальных учебных действий». Формировать УУД – значит развивать у обучающихся способность самостоятельно ставить учебные цели, проектировать пути их реализации, контролировать и оценивать свои достижения.

Все это определяет приоритет, стратегию и основные направления разработки технологий, помогающих обучающимся не только ориентироваться в сложном мире, но и овладеть навыками самостоятельного извлечения новых знаний. Несмотря на широкое распространение теоретических выкладок по вопросу использования продуктивных технологий в образовательном процессе, методологией их практической реализации в ходе урока обладают не все преподаватели-предметники. В нашей работе мы представляем индивидуальный опыт по применению продуктивных технологий на уроках литературы, создающий уникальную методическую структуру урока, что и определяет инновационную составляющую представленного педагогического опыта.

Урок литературы как никакой другой позволяет развить и усилить субъектную позицию ученика. Новая парадигма литературного образования определяет смену ориентиров деятельности обучающихся от запоминания к пониманию и интерпретации. Источником изменений являются все возрастающие потребности современного общества в личности конкурентоспособной, ориентированной на непрерывное саморазвитие и самосовершенствование, способной к творчеству, самоидентификации, рефлексии, максимальной самореализации.

В данной работе теоретически обоснованы и разработаны методические модели используемых продуктивных технологий обучения на уроках литературы, представлены их операциональный и инструментальный компоненты, отражающие специфику предмета, определены перспективы развития педагогического опыта, что обеспечивает его практическую значимость.

Считаем, что используемые на уроке литературы продуктивные технологии обучения помимо основной проблемы – повышения качества образования по предмету – позволяют решить ряд проблем: 1) перегруженность содержания школьного образования; 2) сохранение и укрепление здоровья школьников с учетом их возрастных особенностей; 3) невысокий уровень сформированности у школьников умений самостоятельной работы; 4) неумение выражать свои чувства и представления о мире различными способами, направлять творческие возможности на решение различных задач; 5) неумение адекватно, корректно выстраивать отношения со сверстниками и взрослыми.

Предлагаемые технологии обеспечивают овладение субъектом (учеником) способами рефлексивного мышления и надпредметными когнитивными умениями, которые входят в интеллектуальный аппарат личности и могут применяться в процессе самостоятельных поисков и открытия новых знаний (Иванов 2003: 26).

В основу описываемого педагогического проекта нами положен коммуникативный подход – рассмотрение художественного произведения как средства общения, диалога автора и реципиента; читателя мы рассматриваем не как пассивный объект художественного воздействия произведения, а как «продуктивного потребителя», для которого процесс освоения художественного смысла – это творчество. Именно поэтому урок литературы становится уроком-диалогом, уроком поиска смыслов.

Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования представляет собой совокупность требований к результатам освоения основной образовательной программы основного общего образования, к ее структуре и условиям реализации.

Системно-деятельностный подход, положенный в основу ФГОС, позволяет сформировать у обучающихся готовность к саморазвитию и непрерывному образованию; активизирует учебно-познавательную деятельность обучающихся и позволяет строить образовательный процесс с учетом индивидуальных возрастных, психологических и физиологических особенностей обучающихся.

Для учителя важно то, что Стандарт устанавливает требования к результатам освоения обучающимися основной образовательной программы основного общего образования: личностным (готовность и способность к саморазвитию, сформированность мотивации к обучению и ценностно-смысловых установок), метапредметным (освоение межпредметных понятий и универсальных учебных действий (регулятивных, познавательных, коммуникативных) и их использование) и предметным (освоение специфических умений и видов деятельности по предмету).

Изучение литературы как учебного предмета, входящего в предметную область «Филология», должно, согласно Стандарту, обеспечить 1) осознание значимости чтения и изучения литературы для своего дальнейшего развития; формирование потребности в систематическом чтении как средстве познания мира и себя в этом мире, гармонизации отношений человека и общества, многоаспектного диалога; 2) понимание литературы как одной из основных национально-культурных ценностей народа, как особого способа познания жизни; 3) обеспечение культурной самоидентификации, осознание коммуникативно-эстетических возможностей родного языка на основе изучения выдающихся произведений российской культуры, культуры своего народа, мировой культуры; 4) воспитание квалифицированного читателя со сформированным эстетическим вкусом, способного аргументировать свое мнение и оформлять его словесно в устных и письменных высказываниях разных жанров, создавать развернутые высказывания аналитического и интерпретирующего характера, участвовать в обсуждении прочитанного, сознательно планировать свое досуговое чтение; 5) развитие способности понимать литературные художественные произведения, отражающие разные этнокультурные традиции; 6) овладение процедурами смыслового и эстетического анализа текста на основе понимания принципиальных отличий литературного художественного текста от научного, делового, публицистического и т.п.; формирование умений воспринимать, анализировать, критически оценивать и интерпретировать прочитанное, осознавать художественную картину жизни, отраженную в литературном произведении, на уровне не только эмоционального восприятия, но и интеллектуального осмысления.

На основании перечисленных выше требований, основываясь на фундаментальном ядре содержания общего образования, Примерной программе по литературе, учитель составляет рабочую программу по предмету, структура которой также регламентируется Стандартом. Отметим, что примерные рабочие программы по предмету разработаны авторами современных учебно-методических комплексов по всем предметам и оставляют не очень широкое поле для творчества.

Таким образом, Федеральный государственный образовательный стандарт упорядочил требования, предъявляемые к содержательному, структурному, функциональному уровням системы основного общего образования в целом и конкретного предмета в частности.

Закономерны вопросы: в чем учитель свободен, если практически все сферы его деятельности структурированы и регламентированы Стандартом, и почему, реализуя один и тот же образовательный стандарт, разные преподаватели имеют разные результаты?

Мы считаем, что краеугольным камнем, определяющим успех освоения содержания учебного предмета и влияющим на качество образования по предмету, является выбор продуктивных технологий обучения, под которыми мы понимаем упорядоченную сово-

купность действий, операций и процедур, инструментально обеспечивающих достижение прогнозируемого результата в изменяющихся условиях образовательного процесса.

Урок литературы – это особое по сути и по форме явление, отражающее взаимодействие различных мнений, восприятий, личностных смыслов, литературно-критических откликов, культур.

Диалог пронизывает весь процесс обучения литературе, с ним неразрывно связаны количественные и качественные изменения творческой составляющей ученической деятельности. Использование продуктивных педагогических технологий на уроках литературы создает оптимальные условия для развития творческого мышления, высокого уровня творческой самостоятельной деятельности обучающихся, формирования у них исследовательских умений и навыков – основ развития рефлексивности и коммуникативности. В качестве же ключевой предметной компетенции при использовании данных технологий мы принимаем последовательно формируемые умения обучающихся анализировать позицию автора художественного произведения (понимать особенности его мировосприятия, мировоззрения и выделять художественные средства, использованные автором) и давать обоснованную собственную интерпретацию литературного произведения. Данная компетенция является комплексной и включает в себя умение обучающихся анализировать все многообразие компонентов литературного произведения, что отражается в балльной системе и определяется как качество знаний по литературе.

Методологической основой применения продуктивных педагогических технологий на уроках литературы стали идеи М.М. Бахтина о том, что между автором и читателем существует специфический диалог, который совершается через художественный текст и на его основе – именно эта мысль определяет сущность обучения предмету (Бахтин 1979: 174). С этой позиции урок литературы – это диалог равных свободных субъектов, которые постигают литературные ценности от внутреннего диалога к внешнему и обратно: диалог преподавателя с автором, с самим собой, преподавателя – ученика, ученика – ученика, ученика с самим собой и с автором. Диалог рассматривается нами как способ анализа и интерпретации в литературной коммуникации, а также является доминантной формой общения, адекватно отражающей диалогическую природу художественного текста.

Используемые нами продуктивные технологии основываются на следующих принципах: личностно-ориентированном, деятельностно-ориентированном и культурно-ориентированном, и подходах: содержательном (изучение литературы характеризуется едиными подходами к тексту: от чувственно воспринимаемого – через анализ и интерпретацию – к формулированию идеи произведения и теоретическим обобщениям); деятельностном (траектория движения обучающегося включает следующие этапы: от проблемной ситуации через социальную (совместно с другими участниками) коррекцию своих выводов к критической рефлексии собственной деятельности); коммуникативном (рассмотрение произведения не только в качестве явления искусства, но и как средства общения, диалога автора и реципиента; рассмотрение ученика-читателя не как пассивного объекта художественного воздействия, а как «продуктивного потребителя»).

Работа на уроке строится на определенной логике развития деятельности детей: от мотивации, постановки учебной задачи – через осознанное выполнение разных действий – к контролю и самоконтролю (рефлексии). А использование продуктивных технологий на разных этапах урока позволяет развить у каждого ученика готовность к самостоятельному поиску смысла художественного произведения.

Одной из наиболее эффективных технологий на уроках литературы является технология проблемного обучения, поскольку она активизирует внутренний ресурс личности обучающегося. Проявление предметной специфики данной технологии состоит в том, что урок литературы, как правило, это урок с несколькими гипотезами, выдвижение которых может происходить последовательно или одновременно.

В нашей практической деятельности технология проблемного обучения получила свое инновационное переосмысление и развитие и применяется в образовательном процессе как технология проблемного диалога. Она дает чрезвычайно широкие возможности применения всех форм обучения: индивидуальной, парной, групповой и фронтальной, которые могут сочетаться со следующими приемами:

Прием	Пример (Изучение повести В. Быкова «Сотников»)	Форма обучения	
Предъявление противоречивых фактов	Повесть В. Быкова традиционно анализируется как произведение, в котором писатель рассуждает о силе и слабости человеческого духа, о судьбе человека на войне. Традиционно порицается предатель Рыбак и воспеваются мужество Сотникова. Но обращаю ваше внимание на следующий факт: в 90-е гг. XX в. писатель был удостоен награды РПЦ «За человеколюбие». Почему именно за человеколюбие был отмечен В. Быков?	Фронтальная, групповая, индивидуальная	
Столкновение мнений учащихся	Можно ли оправдать поступок Рыбака?	Через вопрос	Фронтальная
	Объясните, опираясь на текст, чем было обусловлено решение Сотникова идти на задание.	Через задание	Фронтальная, парная, групповая, индивидуальная
Столкновение житейских представлений и научных фактов (содержания произведения)	Бытует мнение, что человек, служащий оккупантам, является предателем. Можем ли мы говорить о том, что староста Петр – предатель?	Через вопрос	Фронтальная
	Приведите примеры, доказывающие, что староста Петр, служащий старостой немцев, остается верен своему народу, а не становится предателем.	Через практическое задание	Фронтальная, парная, групповая, индивидуальная
Выполнение задания, не сходного с предыдущим	Содержание произведения подводит нас к мысли о том, что Рыбак – это предатель. Можно ли оправдать его предательство?	Фронтальная, парная, групповая, индивидуальная	

Деятельность преподавателя при использовании технологии проблемного диалога заключается в следующем: учитель подводит школьников к противоречию и предлагает им самим найти способ его разрешения; сталкивает противоречия в практической деятельности; излагает различные точки зрения на один и тот же вопрос; предлагает классу рассмотреть явление с различных позиций; побуждает обучающихся делать сравнения, обобщения, выводы из ситуаций, сопоставлять факты; ставит конкретные вопросы на обобщение, обоснование, конкретизацию, логику рассуждения; определяет проблемные теоретические и практические задания; ставит проблемные задачи с недостаточными или избыточными исходными данными, с неопределенностью в постановке вопроса, с противоречивыми данными, с заведомо допущенными ошибками, с ограниченным временем решения.

При побуждающем диалоге на доске фиксируются предлагаемые гипотезы, т.е. создаются опорные сигналы по ходу урока, что отражает идею интенсификации обучения на основе схемных и знаковых моделей учебного материала В.Ф. Шаталова. Использование же наглядных и технических средств обучения предназначено для предъявления обучающимся материала и создания проблемных ситуаций.

Не менее продуктивны и технологии развития критического мышления, которые развивают у обучающихся открытое рефлексивное оценочное мышление, позволяющее

им учиться самостоятельно. В нашей деятельности данная технология претерпела переосмысление и развитие и применяется на практике как технология развития критического мышления школьников посредством чтения и письма и может быть определена как технология смыслового чтения.

Она предполагает равные партнерские отношения, как в плане общения, так и в плане конструирования знания. Процесс обучения в данном случае мы организуем как поиск информации, работу с источниками информации, ее осмысление и понимание, продвижение от незнания к знанию.

Специфика применения данной технологии на уроках литературы заключается в том, что помимо вступительных статей к разделам учебника, изучения критической литературы, исторических комментариев ребенок обращается к собственно художественному тексту, для интерпретации которого недостаточно знать его сюжетную линию, необходимо видеть произведение в контексте его филологического содержания: уметь анализировать разнообразные компоненты текста с различных точек зрения. Структура данной технологии представлена в следующей таблице.

Стадия (фаза)	Деятельность учителя	Деятельность учащихся	Возможные приемы и методы
I. Вызов	Направлена на вызов у учащихся уже имеющихся знаний по изучаемому вопросу, активизацию их деятельности, мотивацию к дальнейшей работе. Пр.: Сегодня на уроке мы обращаемся к творчеству М.Ю. Лермонтова. Назовите известные вам ведущие мотивы его творчества. Приведите примеры из ранее изученных произведений.	Ученик вспоминает, что ему известно по изучаемому вопросу (делает предположения), систематизирует информацию до изучения нового материала, задает вопросы, на которые хочет получить ответы	Составление списка «известной информации»: выстраивание ассоциативных рядов, рассказ-предположение по ключевым словам; систематизация материала (графическая): кластеры, таблицы; верные и неверные утверждения; перепутанные логические цепочки и т.д.
<i>Информация, полученная на стадии вызова, выслушивается, записывается, обсуждается. Работа ведется индивидуально, в парах или группах</i>			
II. Осмысление содержания	Направлена на сохранение интереса к теме при непосредственной работе с новой информацией, постепенное продвижение от знания «старого» к «новому». Пр.: Из комментария к стихотворению М.Ю. Лермонтова «Тучи» мы узнаем, что текст был создан в день отъезда поэта из Петербурга на Кавказ. Докажите, что данное произведение можно назвать автобиографическим.	Ученик читает (слушает) текст, используя предложенные учителем активные методы чтения, делает пометки на полях или ведет записи по мере осмысления новой информации	Методы активного чтения: маркировка с использованием значков «v», «+», «-», «?» (по мере чтения их ставят на полях справа); ведение различных записей типа двойных дневников, заполнение таблицы ЗХУ, поиск ответов на поставленные в первой части урока «толстые» и «тонкие» вопросы
<i>На стадии осмысления содержания осуществляется непосредственный контакт с новой информацией (текст, фильм, лекция, материал параграфа). Работа ведется индивидуально или в парах</i>			
III. Рефлексия	Учителю следует: вернуть учащихся к первоначальным записям-предположениям; внести изменения, дополнения; дать творческие, исследовательские или практические задания на	Учащиеся соотносят новую информацию со старой, используя знания, полученные на стадии осмысления содержания	Заполнение кластеров, таблиц. Установление причинно-следственных связей между блоками информации. Возврат к ключевым словам, верным

	основе изученной информации. Пр.: Каков главный мотив стихотворения М.Ю. Лермонтова «Тучи»? Как оно соотносится с другими произведениями поэта?	и неверным утверждениям. Ответы на поставленные вопросы. Организация устных и письменных круглых столов. Организация различных видов дискуссий. Написание творческих работ, эссе, сочинений-размышлений. Исследования по отдельным вопросам темы и т.д.
<i>На стадии рефлексии осуществляется анализ, творческая переработка, интерпретация изученной информации. Работа ведется индивидуально, в парах или группах</i>		

Особое место в нашей практике преподавания литературы занимают исследовательские и проектные технологии. Они являются универсальными и направлены, прежде всего, на то, чтобы создать условия, при которых ребенок самостоятельно и охотно приобрел бы новые знания из разных источников; учился пользоваться приобретенными знаниями для решения познавательных и практических задач; приобретал коммуникативные умения, работая в различных группах; развивал исследовательские умения (выявление проблем, сбор информации, проведение эксперимента, анализ, построение гипотез и т.п.); развивал системное мышление.

Исследовательские и проектные технологии направлены на результат. Причем в проектных технологиях результатом является творческий продукт (Например, электронная презентация «Герои басен И.А. Крылова», хронолайнер «Жизнь и творчество Ф.И. Тютчева», творческая работа «Вступительная статья к сборнику стихотворений Н.А. Некрасова “Русские женщины”» или «Книжка-малышка “Мои загадки о лицее”»), а в исследовательских технологиях помимо творческого продукта – исследовательской работы – результатом является новое знание (Например, при работе над исследовательским проектом «Терапевтическая сказка как явление современной литературы» обучающийся, выявляя художественные особенности терапевтической сказки как литературного жанра, приходит к пониманию, что данные произведения представляют собой самостоятельное явление в литературе и формулирует рабочее определение жанра.

В целом, при работе над проектом (учебным или исследовательским) ребенок осваивает логику деятельности, проходя через обязательные стадии разработки проектного задания, разработки самого проекта, оформления результатов, общественной презентации, рефлексии (Некрасова 2003: 74).

При работе над краткосрочными учебными проектами были апробированы групповые и индивидуальные формы работы. При реализации среднесрочных и долгосрочных учебных проектов использовались только индивидуальные формы, что объясняется возрастными особенностями обучающихся целевой группы (6 класс). Возраст учеников также определял и характер взаимодействия с обучающимися на разных стадиях работы в рамках краткосрочных учебных проектов.

Стадии	Деятельность учителя	Деятельность учащегося
1. Разработка проектного задания		
1.1. Выбор темы проекта	Преподаватель (не ученики) отбирает возможные темы и предлагает их обучающимся	Учащиеся обсуждают и принимают общее решение по теме

1.2. Выделение подтем в темах проекта	Преподаватель предварительно вычленяет подтемы и предлагает их обучающимся для выбора	Каждый учащийся выбирает себе подтему или предлагает новую
	Преподаватель принимает участие в обсуждении с обучающимися подтем проекта	Учащиеся активно обсуждают и предлагают варианты подтем. Каждый учащийся выбирает одну из них для себя
1.3. Формирование творческих групп	Преподаватель проводит организационную работу по объединению обучающихся, выбравших себе конкретные подтемы и виды деятельности	Учащиеся уже определили свои роли и группируются в соответствии с ними в малые группы
1.4. Подготовка материалов	Преподаватель заранее разрабатывает задания, вопросы для поисковой деятельности и рекомендует критическую литературу для ознакомления	Вопросы для поиска ответа могут выработываться в группах
1.5. Определение форм выражения итогов проектной деятельности	Преподаватель объясняет, какой должна быть форма выражения итогов проектной деятельности	Учащиеся в группах, а затем в классе обсуждают формы представления результата проектной деятельности
2. Разработка проекта	Преподаватель консультирует, координирует работу обучающихся, стимулирует их деятельность	Учащиеся осуществляют поисковую деятельность
3. Оформление результатов	Преподаватель консультирует, координирует работу обучающихся, стимулирует их деятельность	Учащиеся вначале по группам, а потом во взаимодействии с другими группами оформляют результаты в соответствии с принятыми правилами
4. Презентация	Преподаватель организует внешнюю экспертизу (через приглашение в качестве экспертов обучающихся 10–11-х классов или преподавателей)	Докладывают о результатах своей работы
5. Рефлексия	Оценивает свою деятельность по педагогическому руководству деятельностью детей, учитывает их оценки	Осуществляют рефлекссию процесса, себя в нем с учетом оценки других. Желательна групповая рефлексия

Отметим, что в течение учебного года помимо краткосрочных (групповых) и среднесрочных (индивидуальных) учебных проектов все обучающиеся прошли через разовый среднесрочный комплексный проект: «Инсценировка пьесы Ж.Б. Мольера “Мещанин во дворянстве”».

Самостоятельным направлением работы в рамках реализации данной педагогической технологии является организация исследовательской деятельности обучающихся, которая требует индивидуального подхода к обучающимся. Именно поэтому при работе с детьми, претендующими на роль исследователей, составляются индивидуальные образовательные маршруты-карты работы над проектом. Результативность реализации исследовательской технологии подтверждается тем, что 100% обучающихся (4 человека) стали участниками, победителями и призерами тематических конкурсных мероприятий, конференций муниципального, регионального и всероссийского уровней, в том числе научно-практической конференции, проводимой НВГУ в апреле 2017 г.

Особое место в практике занимают информационно-коммуникационные технологии. Несмотря на то, что данные технологии имеют подчинительное значение на уроке литера-

туры, они как никакие другие позволяют работать со всеми уровнями слова: мыслью, звуком, цветом (Полат 1999: 31).

Сегодня владение компьютером, работа в базовых программах – это норма для преподавателя и для обучающихся. Самыми растиражированными средствами ИКТ-технологий на уроке являются презентации, тесты, аудиокниги. Отметим, что в современных учебниках по литературе содержатся рекомендации по посещению цифровых образовательных ресурсов с целью получения дополнительного материала.

На уроках мы знакомим обучающихся со структурой виртуальных библиотек, лекциями цифровых копий художественных произведений русской и зарубежной литературы, хронолайнерами по биографии выдающихся поэтов и писателей, работаем с онлайн-словарями, посещаем виртуальные музеи. Особое место при работе в рамках ИКТ-технологий занимают мультимедийные наглядные пособия, которые базируются на реалистичном визуальном ряде, звукоряде, символьных объектах, графике и компьютерном моделировании. Все это, безусловно, повышает интерес обучающихся к предмету, позволяет жить со скоростью ребенка.

Из практики работы отметим, что наиболее ресурсоемким цифровым образовательным ресурсом является <http://school-collection.edu.ru>.

Отличительная черта используемых продуктивных технологий состоит в их глубокой психологической обоснованности, т.к. они сознательно ставят своей целью использование собственно психологических закономерностей мышления для управления усвоением знаний. В основе умственной деятельности лежит развитие умственных способностей и самостоятельности мышления.

Продуктивные технологии позволяют активизировать познавательную, творческую, исследовательскую активность обучающихся, обеспечивают индивидуализацию обучения в соответствии с познавательно-коммуникативными потребностями и возможностями каждого обучающегося через дифференцированный подход. Они создают благоприятный для детей психологический климат на уроке, что прямым образом влияет на сохранение их физического и психического здоровья.

Направления работы в рамках используемых продуктивных технологий мы предлагаем варьировать в зависимости от возрастных особенностей обучающихся. Экспериментальная группа – обучающиеся 6-х классов МБОУ «Лицей». Возрастная специфика состоит в том, что при обучении обучающихся 6-х классов важно не пропускать звено осознания противоречия и прорабатывать его соответствующими репликами, записями. Это позволяет существенно развить способности учеников осознавать противоречие и формулировать проблему, доказывать собственную гипотезу. Возрастная специфика используемых методов состоит в том, что учащимся 5-6 классов для выдвижения гипотез практически всегда необходим базовый материал (оригинальный текст), а более старшие школьники могут выдвигать гипотезы на основе ранее усвоенных знаний.

Новизна практического применения продуктивных технологий заключается в специфике методической структуры урока. Успешность реализуемых технологий во многом определяется умением преподавателя соотнести основные компоненты занятия с учетом всех уровней структуры современного урока (дидактического (основного) и логико-психологического, мотивационного (вспомогательных)). Их сочетание не имеет определенного трафарета и каждый раз представляет собой индивидуальную методическую структуру, т.к. учитель самостоятельно отбирает средства, приемы и способы преподавания. Представленные ниже структуры урока охватывают все внешние и внутренние его процессы, выполняют регулятивные функции деятельности учителя и (опосредованно) обучающихся и определяют уникальную структуру урока, построенного на основе продуктивных технологий обучения.

Дидактическая структура (регулирует деятельность учителя)	Логико-психологическая подструктура (регулирует учебную деятельность)	Мотивационная подструктура урока
1. Актуализация опорных (прежних) знаний и способов действий (что означает не только воспроизведение ранее усвоенных знаний, но и их применение, часто в новой ситуации, и стимулирование познавательной активности обучающихся, и контроль учителя)	1. Воспроизведение и восприятие известного знания	1. Организация и управление вниманием обучающихся
	2. Осознание и понимание обучающимися знаний в известной ситуации	2. Разъяснение смысла деятельности
	3. Восприятие новых знаний и способов действий	3. Актуализация мотивационных состояний
2. Формирование новых понятий и способов действий (в значении более конкретном, чем «изучение нового материала»)	4. Осознание и осмысление обучающимися элементов нового	4. Совместная с обучающимися постановка целей занятия
	5. Обобщение элементов знания и способов действий	5. Обеспечение ситуаций успеха в достижении цели
3. Применение знаний, формирование умений и навыков (включающее и специальное повторение, и закрепление)	6. Применение знаний и новых способов действий в ситуациях по образцу и в измененных условиях	6. Поддержание у обучающихся положительных эмоций и состояния уверенности в своих действиях
		7. Оценивание действий, процесса и результатов обучения

Отметим, что если этапы дидактической структуры урока соответствуют этапам процесса учения и выступают как обобщенные дидактические задачи урока, то логико-психологическая подструктура обусловлена общей логикой усвоения материала и прямым образом влияет на поле изучения материала, т.е. формирует внутреннюю подструктуру урока, построенного на продуктивных технологиях обучения через следующие элементы:

1. Создание проблемной ситуации или постановка проблемы.
2. Выдвижение предположений, гипотез и их обоснование.
3. Доказательство гипотез.
4. Проверка правильности решения проблемы.
5. Формулирование выводов.
6. Рефлексия.
7. Применение знаний в незнакомой (нестандартной) ситуации.

Именно эта подструктура урока способствует формированию продуктивного усвоения знаний и развивает познавательную и коммуникативную компетенции обучающихся.

Но наибольшая эффективность достигается в том случае, когда преподаватель структурирует свою деятельность с учетом интересов и потребностей обучающихся, развивает их мотивационную, эмоциональную и волевую сферы, что ведет к повышению качества образования по предмету.

Таким образом, эффективность урока определяется взаимопроникновением элементов перечисленных структур:

$$МСУ = ДС + ЛПП + МП.$$

Временные ресурсы: данный проект может рассматриваться как в краткосрочной (1 учебный год), так и в долгосрочной (2–5 лет: 5–9 классы) перспективе, поскольку продуктивные технологии обучения универсальны, их реализация обеспечивает высокую эффективность даже при непродолжительном периоде внедрения, и они позволяют научить ребенка учиться. Мы реализовывали проект в течение 2016/2017 учебного года и планируем его дальнейшую реализацию в течение последующих трех лет, т.е. данный проект является долгосрочным.

Взаимодействие учителя и обучающихся на уроке, организованное с помощью продуктивных технологий, влияет на повышение качества знаний по литературе и обеспечивает усиление мотивационного и содержательного аспектов обучения.

Диагностику эффективности педагогического проекта мы осуществляем через отслеживание качества знаний, результативность участия в олимпиадах, конкурсах, фестивалях, наличие групповых и индивидуальных творческих работ, проектов, диагностирование и анкетирование.

Для оценки результативности внедрения технологии мы применяем статистические данные, стандартизированные психологические методики, результаты анкет.

Достигнутые в 2016/17 уч. году результаты педагогической деятельности:

1. Качество образования (Факт: 100% успеваемость, 64% качество на начало года. 100% успеваемость, 72% качество на конец года; План: 100% успеваемость, 86% качество).

2. Сформированность показателей учебной деятельности: продуктивность (Факт: 41,5% на начало года, 43% на конец года. План: 57%), компетентность (Факт: 35,3% на начало года, 37% на конец года. План: 46%), успешность (Факт: 44,2% на начало года, 45,2% на конец года. План: 62%).

3. Уровень коммуникативной компетенции: зависимый, компетентный, агрессивный тип коммуникативной реакции (Факт: 42% обучающихся имеют компетентный тип коммуникативной реакции на начало года, 59% на конец года. План: 72%).

4. Уровень самореализации обучающихся (Факт: 12% имеют высокий уровень самореализации на начало года, 27% на конец года. План: 83%)

5. Уровень мотивации к изучению литературы (Факт: 34% обучающихся имеют высокий уровень учебной мотивации на начало года, 49% на конец года. План: 85%).

6. Уровень результативного участия в предметных и метапредметных конкурсах (Факт: в течение 2016/2017 учебного года 40% обучающихся участвовали в конкурсах и олимпиадах, результативность составила 56%. План: 70% – участие при 65% результативности).

7. Наличие учебных и исследовательских проектов (Факт: в проектную учебную деятельность включено 60% обучающихся. План: 75%).

8. Уровень удовлетворенности родителей организацией образовательного процесса (Факт: уровень удовлетворенности родителей качеством образовательных услуг составляет 93%, План: 94%). Данные мониторинговых исследований по использованию продуктивных технологий на уроках литературы подтверждают их высокую эффективность, что позволяет определять перспективы дальнейшего развития опыта через усложнение компонентов, методов и приемов используемых продуктивных технологий при работе с целевой группой.

Практическая значимость представленной работы по реализации продуктивных технологий обучения на уроках литературы как фактора повышения качества образования в рамках реализации ФГОС основного общего образования определяется тем, что в предложенном педагогическом проекте описаны методологические основы продуктивных технологий, используемых на уроках литературы при реализации ФГОС основного общего образования, представлены их операциональный и инструментальный компоненты.

Считаем, что внедрение продуктивных технологий на уроках литературы позволяет создать оптимальные условия для развития творческого мышления, высокого уровня творческой самостоятельной деятельности каждого обучающегося, формирования у них исследовательских умений и навыков. Сформированность этих компетенций у обучающихся можно по праву считать мерилем образованной и нравственно зрелой личности.

ЛИТЕРАТУРА

Бабанский Ю.К. 1970. Проблемное обучение как средство повышения эффективности учения школьников. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского-на-Дону гос. пед. ин-та.

- Бахтин М.М.* 1979. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство.
- Бахтин М.М.* 1979. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Сов. Россия.
- Беспалько В.П.* 1989. Слагаемые педагогической технологии. М.: Педагогика.
- Брушлинский А.В.* 1983. Психология мышления и проблемное обучение. М.: Знание.
- Выготский Л.С.* 2003. Психология развития ребенка. М.: Смысл, Эксмо-пресс.
- Загвязинский В.И., Поташник М.М.* 2006. Как учителю подготовить и провести эксперимент. М.: Педагогическое общество России.
- Гальперин П.Я.* 1985. Методы обучения и умственное развитие ребенка. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Иванов Д.А.* 2003. Компетентностный подход в образовании: проблемы, понятия, инструментарий: Учеб.-метод. пособие / Д. А. Иванов, К. Г. Митрофанов, О. В. Соколова. Омск: Изд-во ОмГПУ.
- Ильницкая И.А.* 1985. Проблемные ситуации и пути их создания на уроке. М.: Знание.
- Махмутов М.И.* 1975. Проблемное обучение. Основные вопросы теории. М.: Педагогика.
- Мельникова Е.Л., Кузнецова И.В.* 2011. Я открываю знание. Пособие по технологии проблемного диалога в начальной школе (3–4 классы). М.: Баласс.
- Некрасова Н.И.* 2003. В помощь педагогу, приступающему к экспериментально-исследовательской работе. Калининград: Б.и.
- Педагогические технологии: Учеб. пособие для студ. пед. специальностей. 2006 / Под общ. ред. В. С. Кукушкина. М.; Ростов н/Д: МарТ.
- Полат Е.С.* 1999. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. М.: Изд. центр «Академия».
- Поташник М.М.* 2007. Требования к современному уроку. М.: Центр педагогического образования.
- Поташник М.М.* 2009. Управление профессиональным ростом учителя в современной школе. М.: Центр педагогического образования.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 371.13: 81.2

Э. М. Рянская

ДИАЛОГ КУЛЬТУР. КУЛЬТУРА ДИАЛОГА: ЧЕЛОВЕК И НОВЫЕ СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ ЦЕННОСТИ

Аннотация. Рецензия на монографию: Диалог культур. Культура диалога: человек и новые социогуманитарные ценности: Коллективная монография / Отв. ред. Л. Г. Викулова, Е. Г. Тарева. М.: НЕОЛИТ, 2017. 424 с.

Ключевые слова: диалог культур; культура диалога; языковые инновации; межкультурное образование; национальная идентичность.

Сведения об авторе: Рянская Эльвира Михайловна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и перевода Нижневартковского государственного университета.

Контактная информация: 628609, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 3Б; тел. (3466) 272827; e-mail: elohka2210@yandex.ru

E. M. Ryanskaya

DIALOGUE OF CULTURES. CULTURE OF DIALOGUE: MAN AND A NEW SOCIO-HUMANITARIAN VALUES

Abstract. Book review: Dialogue of cultures. Culture of dialogue: man and a new socio-humanitarian values: collective monograph / Executive editors L. G. Vikulova, E. G. Tareva. M.: NEOLIT, 2017. 424 p.

Key words: dialogue of cultures; culture of dialogue; language innovations; intercultural education; national identity.

About the author: Ryanskaya Elvira Mikhailovna, Doctor of Philology, Professor, Department of Linguistics and Translation Studies, Nizhnevartovsk State University.

Коллективная монография представляет собой комплексное исследование феномена «диалог культур» и «культура диалога» в контексте новых социогуманитарных ценностей, формирующихся на фоне преобразования ведущих стран в полиэтничное и поликультурное общество. С точки зрения современного понимания межкультурного диалога вопросы изучения этих явлений в аспекте лингвистики, с позиций коммуникативного и межкультурного образования приобретают особую актуальность.

Авторов, представляющих различные научные школы, объединяет направленность на практическое использование теоретических изысканий, относящихся к различным сферам проявления межкультурной коммуникации. В предисловии к данной работе подчеркивается важность выявления наиболее действенных коммуникативных и образовательных практик, а также разработок стратегий и тактик подготовки индивида к существованию в поликультурном пространстве.

Монография состоит из пяти разделов, отражающих наиболее значимые подходы к изучению обозначенной проблематики.

Во вступительной статье Ю.Е. Прохорова обозначены тенденции современного состояния мирового сообщества, определившие появление новой модели диалога культур: существование языков в иной действительности, определяющей их функционирование; установление полиэтничного состава населения в крупных странах; влияние социальных изменений на содержание коммуникации; возникновение поликультурного коммуникативного пространства; появление нового формата общения для любого языка и любой культуры – в глобальном виртуальном пространстве (Прохоров 2017: 7–16).

В разделе «Диалог культур и культура диалога: идеологемы современной социогуманитарной парадигмы» Е.Г. Тарева (Тарева 2017: 17–44), рассматривая межкультурный подход в парадигмальной системе современного социогуманитарного знания, дает оценку новым тенденциям, указывающим на доминанты современной системы обучения иностранным языкам. Проведенный анализ позволил автору выделить следующие интегра-

тивно взаимодействующие в лингводидактике парадигмы: антропоцентрическую, аксиологическую, коммуникативную, культурносообразную, компетентностную. Подчеркивается, что особое место занимает культурная парадигма, значимость которой для современного этапа развития системы образования становится очевидной. Представлен подробный обзор отечественных концепций, реализуемых в контексте интеграции в единое образовательное пространство языка и культуры: лингвострановедческий, лингвокультурологический, социокультурный, поликультурный, а также подходов, предлагаемых в зарубежной лингводидактике.

Объектом анализа в контексте ценностных ориентиров в массмедийном социальном диалоге послужила предметная область «миграция» (Викулова и др. 2017: 45–74). Авторы ставят своей задачей установить типологию структур, формирующих содержание и оценки сферы «миграция», выявить концептуальный оценочный потенциал в координатах национальной аксиосферы. Анализ дискурса, касающийся проблемы миграции как одной из причин социальной напряженности, позволяет диагностировать систему оценок, отражающих ценностные доминанты общества на современном этапе его развития. На основе данных контент-анализа показана динамика формирования ценностных ориентиров в социальной напряженности, вызванной процессами миграции в России. В работе использовано понятие «когнитивы» – носители доминантных смыслов дискурса. Их описание, сопровождаемое иллюстративным материалом, вызывает несомненный интерес. Выявлены инновационные языковые процессы, порождаемые в контексте предметной сферы иммиграции, такие как заимствования (*гастарбайтер*), терминообразование (*трудоустроенные мигранты, этническое квотирование*), формирование устойчивых сочетаний (*резинковая квартира*) и другие. Основными концептами, объединяющими высказывания медиаторов, являются интолерантность, отстраненность от иного и толерантность. По наблюдениям авторов толерантность, включающая признак готовности к взаимодействию с Другим, является наиболее репрезентированной. Намечено перспективное для развития исследуемой проблемы направление – изучение дискурсов, представляющих точку зрения Другого.

Тему негативных, позитивных, стереотипных и иных культурно обусловленных установок, проявляющихся в межкультурной коммуникации, развивает В.И. Карасик. Одним из явлений межкультурной коммуникации предстает скрытый смысл, присутствующий в информативном поле. Подчеркивается идея допустимости лингвокультурного измерения скрытого смысла. Дается подробный анализ консолидирующей, агональной, дидактической и поэтической имплицитностей, характеризующих определенные типы личностей и типы культур (Карасик 2017: 74–96).

В разделе «Образование в аспекте межкультурной парадигмы», посвященном проблемам межкультурного иноязычного образования, обнаруживается полемика исследователей относительно статуса диалога культур в системе подготовки специалистов. Вопрос о необходимости обращения к постулатам межкультурного подхода в рамках вузовской подготовки специалистов поднимает А.В. Щепилова. Важным видится положение, касающееся необходимости реализации межкультурного подхода через сравнение культур, через взгляд на «свое» и «чужое». По мнению автора, учебник должен предоставлять возможность строить коммуникацию на основе осмысления иноязычной картины мира и родной культуры. Критический анализ французской учебной литературы позволяет констатировать, что осознание значимости межкультурного подхода прогрессивно растет: от отдельных приемов к межкультурному принципу и к поликультурализму как фундаментальному элементу образования (Щепилова 2017: 180). Отметим также значимость авторских наблюдений о степени соответствия одной из представленных в анализируемых учебниках методик задачам формирования профессиональных компетенций специалиста по межкультурной коммуникации.

В сферу исследовательского интереса в разделе «Диалог культур и культура диалога в аспекте лингвистики» входит ряд вопросов, из которых выделим явление этностереотипа. О.В. Вострикова, анализируя репрезентации мотива этнического противопоставления в детективах А. Кристи об Эрколе Пуаро (Вострикова 2017: 260–275), обнаруживает несколько закономерностей. Прежде всего, выявляется тенденция к сглаживанию этих противопоставлений при переводе и в текстах аудиоформата. При киноадаптации она еще более усиливается. Внимание привлекает тот факт, что противопоставление «иностранец – англичанин» реализуется (псевдо-)типowymi фамилиями, эпитетами-этностереотипами, языковыми единицами, стилизующими речь иностранцев. Во вторичных текстах появляются вкрапления французских междометий, обращений, идиом, лексико-грамматические кальки с французских сочетаний и т.д. Эти и другие примеры свидетельствуют о широких возможностях изучения проблемы диалога на языковом материале текстов разного формата.

Национальная идентичность – одна из актуальных проблем теории межкультурной коммуникации. В разделе «Диалог культур: в поисках национальной идентичности» авторы затрагивают несколько аспектов, свидетельствующих о многомерности данного феномена. Так, О.Г. Чупрына акцентирует внимание на динамическом характере идентичности, воспринимаемой в рамках культуры (Чупрына 2017: 301–326). Меняющаяся идентичность находит отражение, например, в смене этикетных обращений, имен собственных, стереотипных наименований и т.д. Автор подчеркивает, что идентичность складывается в первую очередь как языковой портрет индивида. Л.В. Ухова обращается к вопросу о взаимодействии двух видов идентичности – индивидуальной и социальной и к проблеме национально-культурной самоидентификации, т.е. осознания субъектом себя частью своего народа. Поставленные вопросы исследуются на оригинальном материале – культурных текстах, сложившихся в условиях ярославской региональной субкультуры (Ухова 2017: 326–344).

В разделе «Диалог культур и культура диалога в исторической проекции» особое место занимает изучение явления диалогичности в динамике. Так, в поле зрения Е.Н. Михайловой находится диалог в контексте ренессансной культуры (Михайлова 2017: 345–367). Отмечается, что существенное влияние на диалог культур и культуру диалога в эту эпоху оказала ситуация смены языка культуры. К числу значимых для системы знаний о языке проблем автор относит проблему языковой вариативности, поясняя, что именно в этот период гуманисты впервые вводят в научный обиход такие аспекты, как языковые контакты и культурные влияния. Следует обратить внимание, что особенностью языковой ситуации в Западной Европе того времени является появление многоязычных разговорников, свидетельствующих о стремлении составителей представить не только отличия в употреблении слов в разных языках, но и ситуации коммуникативного поведения в эпоху Возрождения.

В целом монография отличается насыщенностью и разнообразием исследовательских проблем, часть из которых мы попытались представить в данном обзоре. Несомненное достоинство всех авторов – это глубокий анализ теоретических предпосылок исследования, стремление выразить и обосновать собственную точку зрения, оперирование языковыми фактами. Проблема диалога культур и культуры диалога предстает как перспективное направление, требующее дальнейшего изучения этого динамического процесса, составляющего одно из звеньев современной теории межкультурной коммуникации. Потребность в такого рода систематизированном материале очевидна, работа представляет интерес для тех, кто осознает необходимость поиска средств продуктивного межкультурного диалога в контексте новых социогуманитарных ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

Викулова Л.Г., Серебренникова Е.Ф., Герасимова С.А. 2017. Структуры моделирования ценностных ориентиров в масс-медийном социальном диалоге: миграция как интенсифицирующий контекст идентификационных установок // Диалог культур. Культура диалога: человек и новые социогуманитарные ценности: Коллективная монография / Отв. ред. Л.Г. Викулова, Е.Г. Тарева. М.: НЕОЛИТ, 45–74.

Вострикова О.В. 2017. Противопоставление *иностранец – англичанин* как различающий вторичный мотив литературного текста и киноадаптаций детективов А. Кристи о Пуаро // Диалог культур. Культура диалога: человек и новые социогуманитарные ценности: Коллективная монография / Отв. ред. Л.Г. Викулова, Е.Г. Тарева. М.: НЕОЛИТ, 260–275.

Диалог культур. Культура диалога: человек и новые социогуманитарные ценности: Коллективная монография. 2017 / Отв. ред. Л.Г. Викулова, Е.Г. Тарева. М.: НЕОЛИТ.

Карасик В.И. 2017. Имплицитность в межкультурной коммуникации // Диалог культур. Культура диалога: человек и новые социогуманитарные ценности: Коллективная монография / Отв. ред. Л.Г. Викулова, Е.Г. Тарева. М.: НЕОЛИТ, 74–96.

Михайлова Е.Н. 2017. Ренессансная система знания о языке: от диалога культур к культуре диалога // Диалог культур. Культура диалога: человек и новые социогуманитарные ценности: Коллективная монография / Отв. ред. Л.Г. Викулова, Е.Г. Тарева. М.: НЕОЛИТ, 345–367.

Прохоров Ю.Е. 2017. Дискуссионный монолог о диалоге культур // Диалог культур. Культура диалога: человек и новые социогуманитарные ценности: Коллективная монография / Отв. ред. Л.Г. Викулова, Е.Г. Тарева. М.: НЕОЛИТ, 7–16.

Тарева Е.Г. 2017. Межкультурный подход в парадигмальной системе современного социогуманитарного знания // Диалог культур. Культура диалога: человек и новые социогуманитарные ценности: Коллективная монография / Отв. ред. Л.Г. Викулова, Е.Г. Тарева. М.: НЕОЛИТ, 17–44.

Ухова Л.В. 2017. Диалог культур в гуманитарном поле российской провинции: векторы исследовательского поиска // Диалог культур. Культура диалога: человек и новые социогуманитарные ценности: Коллективная монография / Отв. ред. Л.Г. Викулова, Е.Г. Тарева. М.: НЕОЛИТ, 326–344.

Чупрына О.Г. 2017. Идентичность в пространстве языка и культуры // Диалог культур. Культура диалога: человек и новые социогуманитарные ценности: Коллективная монография / Отв. ред. Л.Г. Викулова, Е.Г. Тарева. М.: НЕОЛИТ, 301–326.

Щепилова А.В. 2017. Некоторые проблемы подготовки специалиста по межкультурной коммуникации: отбор учебной литературы и оценивание компетентности // Диалог культур. Культура диалога: человек и новые социогуманитарные ценности: Коллективная монография / Отв. ред. Л.Г. Викулова, Е.Г. Тарева. М.: НЕОЛИТ, 168–201.

НИЖНЕВАРТОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ